

Б.Т. ТУЛЕУОВА

**АДАПТАЦИЯ КАЗАХСКОГО ОБЩЕСТВА
ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА
К РЫНОЧНЫМ УСЛОВИЯМ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ**

Караганда
2012

Рекомендовано к печати решением Ученого Совета КарГУ им. Е.А. Букетова. Протокол № 12 от 29.05.2012 г.

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук, доцент Селиверстов С.В.

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор Абилов К.Ж.
доктор исторических наук, профессор Козина В.В.
кандидат экономических наук, доцент Мукашев Т.А.

Тулеева Б.Т.

Адаптация казахского общества Центрального Казахстана к рыночным условиям во второй половине XIX - начале XX веков – Караганда: Изд-во , 2012. – 193 с.: ил.

В монографии рассматривается процесс адаптации традиционного казахского общества к рыночным условиям во второй половине XIX - начале XX веков. В этот период в Центральном Казахстане основной формой жизнедеятельности казахов является кочевое скотоводческое хозяйство, которое было наиболее адаптировано к местным природно-климатическим условиям. В результате колониальной политики Российского государства, в условиях развития рыночных отношений казахское общество стало постепенно приспосабливаться к меняющимся социально-экономическим обстоятельствам. Этот процесс нашел свое отражение в развитии скотоводческого хозяйства, ориентированного на рынок, распространении земледелия, сенокосения, различных видов предпринимательской деятельности, участия в промышленном освоении региона.

Монография рассчитана на студентов, магистрантов, преподавателей и всех тех, кто интересуется проблемами отечественной и всеобщей истории.

*Посвящается моим родителям –
Букубаеву Тлеубаю Казбековичу и
Букубаевой Гишбале Токеновне,
а также историческому факультету
КарГУ им. Е.А. Букетова*

ОТ АВТОРА

В предлагаемой вниманию читателей монографии представлены результаты научных поисков, завершившихся защитой кандидатской диссертации. Автор рассматривает одну из актуальных проблем отечественной исторической науки - адаптация традиционного казахского общества к социально-экономическим условиям во второй половине XIX – начале XX веков. Проводимые в этот период официальными кругами реформы в казахской степи ускорили взаимодействие традиций и инноваций, сделав его значимым фактором внутреннего развития кочевого социума. И сегодня способность казахстанского общества, ее институтов адаптироваться к условиям ценностей, составляющих фундаментальные основы ведущих стран мира, придерживающихся рыночного типа хозяйства, гражданского общества, развитой демократии, правового государства, также позволит молодому государству добиться значительных результатов, занять свое место в системе мирового хозяйства.

Географические рамки исследования охватывают пространство Центрального Казахстана, который географически располагается на территории Казахского мелкосопочника. Издавна этот район казахи называли Сарыарка. Так как в административном плане территория современного Центрального Казахстана во второй половине XIX – начале XX веков не были выделена в отдельную административную единицу, а входила в состав Акмолинской и Семипалатинской области, среди отечественных исследователей возникали споры относительно правомерности выделения данного региона в рамках научного исследования применительно к рассматриваемому периоду. Надо сказать, что эти научные споры не поколебали, а, наоборот, усилили желание автора доказать особенность и своеобразие хозяйственной жизни казахского общества Центрального Казахстана, а также определить его место в экономике Степного края. В этой связи хочется высказать глубокую и искреннюю благодарность научным руководителям, Жумашеву Рымбеку Муратовичу и Селиверстову Сергею Васильевичу, а также коллегам, оказавшим поддержку при работе над кандидатской диссертацией по данной теме.

К исследованию были привлечены материалы, извлеченные из архивов и библиотек Казахстана и Российской Федерации, прямо или косвенно имеющих отношение к историческим событиям второй половины XIX – начала XX веков и характеризующих развитие хозяйства традиционного казахского общества, адаптацию кочевого социума к рыночным условиям.

В монографии используются фотодокументы и материалы, любезно предоставленные Государственной инспекцией по охране историко-культурного наследия по Карагандинской области, которые позволяют наглядно продемонстрировать жизнь казахского общества во второй половине XIX – начале XX веков.

Особую признательность автор выражает своей семье, в первую очередь мужу - Тулеуову Тулкибаю Сактагановичу, дочерям – Карлыгаш, Айгерим, Аяжан, родным и близким, которые оказывали моральную и материальную поддержку в ходе сбора материала, написания и защиты кандидатской диссертации.

Введение

В современной казахстанской исторической науке наблюдается повышенный интерес к проблемам социально-экономической истории Казахстана второй половины XIX – начала XX веков. В этот период в экономику традиционного казахского общества проникают элементы рыночных отношений, формируется региональная промышленность и национальный капитал, развиваются предпринимательские тенденции. Изучение проблем адаптации общества к процессам модернизации интересно потому, что аналогичные процессы переживает и современный Казахстан. На рубеже веков страна вступает на путь ускоренного реформирования экономической, политической и социальной жизни. Главными ориентирами дальнейшего развития провозглашаются социальное рыночное государство, духовное возрождение, активная творческая личность.

Неотъемлемой составляющей успешного реформирования общества является адаптация социума и его институтов к новым социально-экономическим условиям, так как «современный мир с его ускоряющейся динамикой требует хорошо и быстро адаптирующегося типа сознания» [1, с. 31]. В связи с этим, на наш взгляд, возникает необходимость осмысления исторического опыта адаптации казахского общества к рыночным, капиталистическим условиям второй половины XIX – начала XX веков. В этот период, испытывая сильное воздействие внешних факторов, на основе внутренних тенденций саморазвития и саморегуляции, способности к адаптации к новым условиям, хозяйство Степного края заняло важное место в экономике Российской империи. В результате этого в казахском социуме развивались внутренние предпосылки рыночных отношений, формировался слой носителей нового типа хозяйства, новой культуры и новой ментальности.

Актуальность исследования экономического потенциала казахского общества в условиях адаптации к рыночным условиям во второй половине XIX – начале XX веков усиливается отсутствием в отечественной историографии работ по данной проблеме. В советской исторической науке доминировало мнение о том, что экономическая отсталость кочевой цивилизации казахов не могла воспринять инновационные на тот момент методы хозяйствования, непосредственно связанные с капиталистическим способом производства. В острой борьбе между капиталистической и социалистической системами коммунистическая идеология стремилась создать «альтернативу рынку и частной собственности... в виде концепции построения социализма, минуя рыночные отношения. Там же где, наличие рыночных отношений нельзя было отрицать, в ход пошла антирыночная историческая и политическая риторика, в которой основное место занимал тезис об отрицательных последствиях колониально-капиталистического рынка...» [2, с. 9]. Как показала историческая действительность, возможности и перспективы традиционной экономики казахского общества в

условиях рыночного капиталистического хозяйства оказались далеко не исчерпанными. В сравнении с советской плановой системой, основанной на чрезмерной централизации экономики, способность рыночного хозяйства к саморегулированию на рациональной основе является доминирующим направлением мирового хозяйственного развития.

Адаптация казахского общества к рыночным условиям в разных регионах в зависимости от специфики природно-климатических и хозяйственно-культурных условий происходила в своеобразной форме. Многообразие хозяйственных типов, полиэтничность и приверженность населения Российской империи к различным культурным системам актуализирует и выводит на первый план необходимость изучения региональных особенностей развития рыночных отношений и адаптационных процессов, в том числе и в Центральном Казахстане.

Проблема исследования адаптации казахского общества к рыночным условиям во второй половине XIX – начале XX веков актуальна своей практической значимостью. Изучение опыта переходного периода от традиционного кочевого образа жизни к рыночным формам хозяйствования позволит современному Казахстану учитывать историческую практику процессов модернизации отечественной экономики. Сегодня интеграция в мировую экономику возможна при условии, когда Казахстан станет «страной, вбирающей в себя все новое и передовое, занимающей в системе мирового хозяйства пусть небольшую, но свою конкретную «нишу» и способной быстро адаптироваться к новым экономическим условиям» [3, с. 1].

Практический опыт адаптации казахского общества к новым условиям существования в XX веке можно наблюдать на примере казахов-оралманов, в свое время откочевавших из Казахстана и ныне возвращающихся на историческую Родину. Перед бывшими кочевниками стояла сложная проблема: как приспособить традиционные формы хозяйствования к иным социально-экономическим условиям существования, сохранив при этом свою идентичность. Попытку рассмотрения решения данной проблемы в традиционном обществе предприняли зарубежные антропологи. В 1989 году И. Сванберг в работе, посвященной казахам, проживающим в Турции, выделяет важную черту казахского сознания, которая делает привлекательной ее для исследователя и обеспечивает его способность к адаптации, как «переменчивость, способность к изменению...» [4, с. 89]. В определенной степени опыт адаптации современных казахов к рыночным условиям близок историческому опыту казахского общества второй половины XIX – начала XX веков.

Исследование охватывает хронологический период второй половины XIX и начала XX веков (1860-1917 гг.). Нижняя планка определяется временем завершения колонизации Степного края и включения Казахстана в общероссийскую рыночную экономику, а верхняя связана со временем революции 1917 г. и сменой социально-экономической системы.

Географические рамки исследования охватывают пространство Центрального Казахстана, который географически располагается на территории Казахского мелкосопочника. Он представляет собой в основном отдельные гряды сопок и невысоких горных хребтов, из которых наиболее значительны горы Улутау и Кокчетавские на западе и Кзылрай, Каркаралинские, Чингизтау и другие – на востоке. Издавна этот район казахи называли Сарыарка [5, с. 17].

Сарыарка расположена в срединной части Казахстана и занимает площадь около одного миллиона квадратных метров. В широком смысле, она начинается на востоке с западных отрогов гор Алтая, Сауыр и Тарбагатай и простирается на запад до Тургайской ложбины, на севере же она идет от Западно-Сибирской равнины и доходит до Балхаш-Алакольской впадины и Бетпак-Далы на юге. На ее территории в настоящее время размещены Карагандинская и Акмолинская области и части Северо-Казахстанской, Павлодарской и Восточно-Казахстанской областей. Однако географическое и историческое ядро, основа Сарыарки – это, прежде всего, Центральный Казахстан, который занимает почти половину площади Сарыарки, ее центральную и юго-восточную части [6, с. 10].

Современный Центральный Казахстан во второй половине XIX – начала XX веков располагался на территории Акмолинской и Семипалатинской областей. Необходимо отметить, что может возникнуть вопрос о соответствии современного территориально-административного деления Казахстана с ситуацией второй половины XIX – начала XX веков. Меридианальное выделение территории Акмолинской области в XIX веке (от Омска до Бетпак-Дала) не вполне учитывало природно-географические и хозяйственно-культурные особенности регионов Казахстана в зональном, широтном аспекте, в том числе специфику районов центрального Казахстана. Так, южные волости Акмолинского и Атабасарского уездов Акмолинской области и Каркаралинский уезд Семипалатинской области, которые относятся к территории современного Центрального Казахстана, по физико-географическим, природным и почвенным условиям, особенностям хозяйственного развития сильно отличались от остальных, северных волостей названных уездов. Это позволило чиновникам, экономистам, историкам второй половины XIX – начала XX веков данные районы рассматривать несколько обособленно, называя их исключительно «кочевыми волостями». В работах Л. Чермака, П. Хворостанского, Ю. Шмидта [7] приводятся самостоятельные характеристики хозяйственного развития этих мест и подчеркивается их специфика как регионов традиционного скотоводческого хозяйства. Следовательно, изучение развития ряда вышеперечисленных районов второй половины XIX – начала XX веков в рамках Центрального Казахстана оправдано не только с природно-климатической, но и с исторической, хозяйственно-экономической точки зрения.

В настоящей работе наряду со ставшими привычными в современной исторической науке понятиями - «трансформация», «модернизация»,

предпочтение отдается понятию «адаптация». По-нашему мнению, применительно к казахскому обществу Центрального Казахстана второй половины XIX – начала XX веков использование понятий «трансформация как преобразовывать, изменять вид, форму, существенного свойства чего-либо», «модернизация - изменение чего-либо в соответствии с современными требованиями, вкусами (ему тождественно слово – современный)» [8] не вполне оправданно, так как не отражает реального развития рыночных тенденций в казахской степи. Термин же «адаптация, означающее приспособление к изменяющимся условиям существования, обстановке, среде при сохранении основных характеристик» позволяет более полно и точно охарактеризовать процессы, протекавшие в развитии казахского общества исследуемого периода.

В казахстанской исторической науке понятие «адаптация» является новым. Поэтому академик М. Козыбаев, определяя основные направления развития отечественной историографии, отмечал, что одной из важных тем исследований должна стать «проблема социокультурного обмена, способов адаптации к внешней действительности и особенностей трансформации традиционных элит кочевого общества в условиях колониального периода» [9, с. 25]. В начале первого десятилетия XXI века в работах казахстанских исследователей (Х.М. Абжанов и др.) получает распространение тезис о том, что конец XIX – начало XX веков – это “абсолютно неизбежный период адаптации традиционных обществ к рыночным условиям”, “время вызревания конкурентноспособных элементов национальной рыночной экономики, постепенного становления социального слоя национальных предпринимателей...” [2, с. 8-9]. К.Ж. Абилов, на основе анализа изменений, происходивших в экономике казахского общества во второй половине XIX – начале XX веков, делает вывод о том, что «основной составляющей характеристикой развития кочевого социума исследуемого периода на фоне рыночных отношений является адаптация» [10, с. 36]. Г.М. Мендикулова успешное функционирование казахской диаспоры в странах пребывания объясняет «превосходной способностью к адаптации, генетически заложенной кочевым образом жизни, которые вели казахи и их предки, повлиявшего на их социально-психологические, физиологические и мировоззренческие особенности» [11, с. 16].

Вместе с тем анализ имеющейся научной литературы позволяет сделать вывод о том, что в полном объеме выбранная нами проблема адаптации казахского общества к рыночным условиям во второй половине XIX – начале XX веков в качестве предмета диссертационного исследования не освещалась. Так как круг проблем, затронутых в диссертационном исследовании довольно обширен, поэтому мы сочли логичным использованную литературу по проблеме систематизировать и разделить на два блока: историография конца XIX – начала XX веков и исторические исследования 20-х годов XX – начала XXI веков. Если анализ первого блока литературы строится по проблемному принципу, то рассмотрение работ 20-х годов XX – начала XXI веков основывается на проблемно-хронологическом

подходе. При этом необходимо отметить, что значительная часть работ авторов конца XIX – начала XX веков может быть использована по данной теме и в качестве источников.

Традиционный научный смысл термина «адаптация» как приспособления к изменяющимся условиям существования, обстановки, среды позволяет рассматривать историографию развития казахского общества в рыночных условиях со второй половины XIX – начала XX веков. Так, Л. Чермак, характеризуя переход казахского скотоводческого хозяйства к интенсивной форме скотоводства, выделяли следующие его проявления: заготовка кормов на зиму, сенокосение, стойловое содержание скота [7]. Такой переход способствовал приспособлению казахского хозяйства к рынку, то есть его адаптации к рынку.

Одним из первых собраний сведений и фактических данных о хозяйстве народов Евразийского региона (Западная Сибирь и Степной край), в том числе казахского населения, исследуемого периода являются труды Г. Колмогорова, Ю. Гагемейстера, И. Завалишина [12-14]. Большая часть статистического материала относится к 40-м - началу 50-х годов XIX века, эти сведения имеют важное значение для дальнейшего анализа изменения численности коренного населения, его экономики и других сторон быта и позволяют сопоставить развитие хозяйства середины XIX века с более ранними периодами. Исследователи не ставят перед собой задачу проанализировать социально-экономическое развитие отраслей и сфер хозяйства, поэтому ограничиваются статистической характеристикой рыбного, звериного, лесного и извозного промыслов, а также некоторых отраслей местной промышленности. Вместе с тем, например, Ю. Гагемейстер, по существу, стоит на позициях рыночного хозяйства, обращая внимание на противоречие в области цен, когда из-за низкой покупательной способности населения становится невыгодным развитие ряда производств. Так, в «Алтайском горном округе количество сбываемого хлеба далеко не соответствует производительным его силам» [12, с. 328]. Г. Колмогоров же отмечает, что развитие извозного промысла среди казахов строится на рыночных условиях, где цена за перевозку тяжестей учитывается «по количеству кладей, времени и состояния дорог..., где киргизы всегда имеют значительную выгоду по случаю дорогих цен» [13, с. 14].

Интересный материал, касающийся хозяйства казахов содержится в XVIII томе «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» под редакцией В.П. Семенова и в трехтомном издании российского правительства «Азиатская Россия» [15], который был выпущен к 300-летию юбилею дома Романовых и основывался на отчетах губернаторов и министров о поездке в Сибирь и Казахстан. В работах представлены сведения по этнографии, экономическому развитию народов региона. Отдельное место отведено характеристике природно-климатических условий Казахстана, его минеральных ресурсов, традиционных форм хозяйства казахского общества, отмечается выгодное транзитное расположение казахской степи. Однако в целом содержание представленного материала

соответствует духу официальной политики седентаризации кочевого населения.

В конце XIX – начале XX веков российскими исследователями Н.М. Ядринцевым, П. Головачевым, А.А. Кауфманом, П.П. Румянцевым были предприняты первые попытки научного осмысления изменений в хозяйственной жизни казахского общества в условиях развития рыночных отношений [16-19]. Так, Н.М. Ядринцев обращает внимание на то, что различным формам быта присуща закономерность последовательного исторического и культурного развития, “от форм менее совершенных к более высшим”, поэтому процессы перехода кочевников к оседлости он рассматривает как явление прогрессивное и закономерное. При этом в его работе можно отметить несколько высокомерное отношение к кочевым формам хозяйства, хотя и достаточно обеспеченным, - им исследователь отводит более скромное место в историческом процессе, нежели оседлым культурам. Примерно такой же подход в исследовании истории народов Сибири и Казахстана прослеживается в трудах П.М. Головачева, который признавал как положительное влияние переселенческого населения, так и отрицательные последствия прихода русских в Степной край и Сибирь. В качестве положительных примеров он отмечает развитие земледелия и оседлости, в качестве отрицательных – разрушение быта, эксплуатацию местного населения русскими торговцами, сокращение численности коренного населения. В работе П.М. Головачева содержатся интересные наблюдения о влиянии Сибирской железной дороги на экономическую жизнь народов края, о переходе от натурального хозяйства к денежному, об изменениях в характере торговли.

Анализ эволюционных изменений в хозяйстве народов Сибири и Казахстана был предпринят в трудах видного деятеля и исследователя русской общины А.А. Кауфмана. Его публикации тесно связаны с его практической деятельностью как чиновника Министерства земледелия и государственного имущества по обследованию в 80-90-е годы XIX века хозяйства и быта государственных крестьян и переселенцев Западной Сибири. В начале XX века анализируя детальность официальных властей в решении аграрного вопроса, он оценивает ее как провал переселенческой политики. Рассматривая основные моменты, обусловившие эволюцию кочевого хозяйства казахов к оседлому быту, он выделяет следующие: административное давление, воздействие примера русских землевладельцев, сокращение земельного простора.

В отличие от А. Кауфмана, П. Румянцев в своей работе упор делает на том, что к важным изменениям в хозяйстве казахов в большей степени привело распространение рыночных отношений в казахской степи, строительство железной дороги, «тогда-то натуральное скотоводческо-кочевое хозяйство киргиз стало превращаться в товарно-денежное, с постепенным переходом к новым формам – оседло-скотоводческому и оседло-земледельческому» [19, с. 36].

Тесным образом с процессами, происходящими в Казахстане во второй половине XIX – начале XX веков, связан аграрный вопрос, который получил свое освещение в исторической литературе начала XX века, в трудах А.А. Кауфмана, П. Румянцева Т. Седельникова, Г.Чиркина, Л. Чермака, И. Введенского [18-23]. Практически все исследователи отмечали несправедливый характер решения земельного вопроса в Казахской степи. Анализируя последствия административно-земельных реформ второй половины XIX века, они делают вывод о серьезных изменениях в хозяйстве казахов, об эволюции земельных отношений в казахском обществе. Так, Т. Седельников отмечает, что «способность киргиз приспосабливаться к внешней обстановке сильно бросается в глаза даже при поверхностном знакомстве с их жизнью в разных частях степи...» [20, с. 7]. П. П. Румянцев, Л.К. Чермак, Г. Чиркин, анализируя изменения, происходящие в казахском хозяйстве, делают вывод о том, что в условиях рынка начинает преобладать приоритет индивидуальных земельных отношений, происходит процесс обособления отдельных аулов, объединенных общей земельной собственностью.

Важный фактологический материал по истории аграрных отношений в казахском обществе содержится в работах Ф.А. Щербины, в его очерках и полевых материалах, опубликованных в «Материалах по киргизскому землепользованию» [24-25]. Поскольку основной целью полевых экспедиций Ф.И. Щербины было выявление излишков земли у казахского общества для последующего изъятия в пользу крестьян-переселенцев, то многие данные, представленные в материалах, далеки от действительности. В целом для работ Ф.И. Щербины свойственно традиционное для многих представителей российской дореволюционной исторической науки высокомерное отношение к народам Евразийского региона.

Материалы экспедиции Ф.А. Щербины стали основой при анализе экономики казахского общества в работах В.А. Тресвятского, П. Хворостанского, Л. Чермака [7, 23, 26]. На основе статистических данных экспедиции Ф.А. Щербины они выявляют изменения в хозяйстве казахов в условиях рынка, воссоздают картину социальных отношений в Степном крае.

В трудах русских исследователей начала XX века также предпринимается попытка выявить значение и перспективы скотоводства Казахстана для Евразийского рынка, причины развития товарного скотоводства в казахском хозяйстве [7, 19, 28]. Отвечая на поставленные вопросы, Л. Чермак, П. Румянцев, Д. Клеменц, Я. Полферов сделали важный вывод о том, что на развитие скотоводства, в том числе и товарного скотоводства, в исследуемый период, в первую очередь повлиял внешний фактор – введение денежной податной системы, строительство железной дороги, переселение крестьян в Казахстан, развитие рынка. Кроме этого, они считали, что под влиянием названных причин в условиях сокращения традиционных пастбищ возникла необходимость перехода к более интенсивной форме скотоводства (заготовка кормов, сенокошение, стойловое

содержание скота), что, в свою очередь, по мнению Л. Чермака, способствовало приспособлению казахского хозяйства к рынку.

Важную роль в изучении казахского скотоводства сыграли представители казахской интеллигенции – Ч. Ч. Валиханов, А. Н. Букейханов, Т. Рыскулов [29-31], которые в своих статьях и трудах отмечали колониальный характер административной и экономической политики Российского правительства, изменения в экономике казахов, вызванных реформами, выделяли место и роль скотоводства в судьбе казахского общества. Так, Ч.Ч. Валиханов в 1864 году среди факторов, препятствующих динамичному развитию традиционного казахского скотоводства, особо выделяет внешний фактор, в частности, административные преобразования. Т. Рыскулов, рассматривая социально-экономическое развитие казахского общества, отмечает, что типичным средним распространенным видом хозяйства в Степи является смешанное скотоводческо-земледельческое, переживающее важное изменение – переход к товарно-денежному хозяйству. А.Н. Букейханов в своих статьях, отмечая влияние административно-земельных реформ XIX века на развитие традиционного казахского хозяйства, их колониальный характер, также обращал внимание на необходимость эволюционных преобразований в кочевом социуме, важность просвещения среди казахов.

Тесная связь между казахским скотоводческим хозяйством и развитием региональной торговли, в первую очередь, ярмарочной, рассмотрена в работах Г. Колмогорова, Н. Коншина, А. Смирнова, В. Маевского [12, 34]. В своих трудах они рисуют картины ярмарочной жизни, анализируют факторы популярности тех или иных ярмарок, описывают характер торговли и первоначального накопления капитала во второй половине XIX – начале XX веков.

В работах конца XIX – начала XX веков отмечаются возможности отдельных районов Центрального Казахстана как региона со скотоводческой специализацией. Исследуя особенности природно-климатических условий данного региона, отдаленность его от городов, незначительность переселения, Л. Чермак, Ю. Шмидт, Н. Коншин, Н. Здравомыслов, А. Козырев, М. Роженец [7, 35] отмечают важную роль скотоводческого хозяйства южных районов Акмолинского и Атбасарского уездов Акмолинской области и Каркаралинского уезда Семипалатинской области в адаптации казахского общества к рыночным условиям и его место в развитии внутренней и внешней торговли Российской империи.

В целом, оценивая место историографии второй половины XIX – начала XX веков, необходимо отметить большой фактологический материал, введенный в научный оборот российскими исследователями прошлых столетий. К сожалению, многие дореволюционные работы умалчивали о колонизаторских целях политики царизма в Казахстане и Сибири, оправдывая их цивилизаторской миссией.

В советский период изучение хозяйственного развития казахского общества исследуемого периода ознаменовалось выходом ряда работ,

посвященных разработке аграрного вопроса, исследованию имперского характера экономической политики Российского государства. Это, прежде всего, работы С. Асфендиярова и Г. Тогжанова [36]. С. Асфендияров отмечает важную роль скотоводства в хозяйстве не только казахов, но и переселенческого населения, выявляет предпринимательское начало в экономике местного общества.

В последующие годы XX века аграрной историей занимались Л.М. Горюшкин, С.А. Сундетов, Б.С. Сулейменов, П.Г. Галузо [37]. Так, С.А. Сундетов, рассматривая хозяйственные и социальные изменения в казахском ауле в конце XIX – начале XX веков, прослеживает процесс первоначального накопления в Казахстане, анализирует проникновение товарно-денежных, капиталистических отношений в казахский аул. Однако, отмечая эти важные изменения, делает вывод о том, что товарное производство в казахской степи в силу господства патриархально-феодальных отношений не переросло в капиталистическое. Разбирая процесс оседания казахов, исследователь делает упор на прогрессивности данного явления для экономики казахского общества. Б. Сулейменов в своей фундаментальной работе, останавливаясь на важных проблемах истории казахского хозяйства в конце XIX – начале XX веков, анализирует процессы проникновения арендных отношений, исследует разложение феодально-родовых связей, отмечает важные прогрессивные изменения в экономике казахского общества. Л. М. Горюшкин, изучавший социально-экономическую историю дореволюционной Сибири, рассматривал процесс проникновения капиталистических отношений в казахский аул на примере Акмолинской и Семипалатинской областей.

Специфика хозяйственного развития Центрального Казахстана во второй половине XIX – начале XX веков тесным образом связана с ее скотоводческой специализацией. В 20-30-е годы XX века судьба казахского кочевого хозяйства и перспективы земледелия в условиях Казахстана вызвали бурную дискуссию в советской историографии. Большинство исследователей считало, что земледелие является единственным выходом из экономической и культурной отсталости, кочевое же скотоводство же рассматривалось как глубоко примитивная и иррациональная форма хозяйствования. Данная точка зрения была воспринята официальной историографией. Противоположную официальному мнению позицию заняли С. П. Швецов, А. Ермеков, М.Г. Сириус, А.Н. Челинцев и другие, которые в своих статьях предупреждали о пагубности форсированной политики ликвидации традиционного казахского хозяйства. Основываясь на характеристике кочевой формы хозяйствования как «наиболее рациональной формы эксплуатации природы в аридной зоне», они считали, что «современное казахское хозяйство должно рассматриваться как наиболее приспособленное к окружающей среде, как наиболее продуктивное при данных условиях... Уничтожение кочевого быта в Казахстане знаменовало бы собой не только гибель степного скотоводства и казахского хозяйства, но и превращение сухих степей в безлюдные пустыни» [Цит. 38, с. 221]. Данная

точка зрения вызвала негативное отношение со стороны официальных ведомств.

В последующий период оценка кочевого скотоводства как препятствия к экономическому и культурному подъему трудящихся масс закрепились надолго. Скептическое отношение к тезису о роли скотоводства как наиболее продуктивной формы хозяйствования в условиях Казахстана, особенно в его центральной части, объяснялось классовой борьбой против крупных скотовладельцев-баев, недовольных политикой российского государства и советской власти. Поэтому впоследствии большинство исследователей советского периода, ограничиваясь рассмотрением вопросов структуры казахского скотоводческого хозяйства, особенностями кочевания и содержания скота, не рассматривали место и роль скотоводства в экономике региона.

Общая характеристика развития скотоводства на Евразийском пространстве была дана в работах С.И. Вайнштейна, И.Д. Ковальченко, Е.С. Карнаухова [39], которые подробно исследуют изменение состава стада в традиционных обществах в XIX веке, анализируют причины кризиса скотоводства в центральной части Российской империи.

В 50-70-е годы XX века проблема развития казахского скотоводческого хозяйства нашла свое освещение в работах Е.Б. Бекмаханова, А.Б. Турсунбаева, Н. Апполовой, С.Е. Толыбекова, В.Ф. Шахматова, Б. Сулейменова, Е.Е. Тажибаева, П.П. Галузо и др. [37, 40]. Исследователи, рассматривая хозяйственное устройство казахского общества во второй половине XIX – начале XX веков, отмечали ценный многовековой опыт казахов-скотоводов, сумевших приспособиться к местным природным условиям. Важным моментом в работах этого периода явилась оценка историками товарного характера скотоводства, тесным образом связанного с внутренним и внешним рынком, влияния развития железнодорожной сети на проникновение рыночных отношений в Степной край. Исследователями рассмотрены структура стада в крае за отдельные периоды, численность скота. В работах отмечается колониальный характер политики Российского государства в Казахстане, пагубно отразившейся на сокращении поголовья скота в казахском хозяйстве, рассматриваются изменения в хозяйстве казахов. Вместе с тем, в исследовании важнейшей для казахского общества отрасли оставался ряд малоизученных процессов, в частности, - не был выявлен уровень товарности скотоводства, его динамика, не исследованы рыночные возможности и перспективы казахского скотоводческого хозяйства в исследуемый период.

В 80-90-е годы XX века казахстанские историки Н.Э. Масанов, Ж.Б. Абылхожин [38, 41] дали объективную оценку роли степного скотоводства в развитии казахского общества в условиях рынка, ставшего фундаментом адаптационных изменений, подвергли критике позицию историков предшествующего периода, скептически относившихся к перспективам скотоводческого хозяйства Казахстана. В своей работе «Традиционная структура Казахстана. Социально-экономические аспекты

функционирования и трансформации» Ж.Б. Абылхожин, исследуя кочевническую структуру хозяйствования в 20-30 годы XX века, характеризует ее как «собственную цивилизацию с эффективным социальным механизмом адаптации и развитыми культурными традициями» [38, с. 200]. Поэтому трансформация номадизма могла произойти естественным путем без многочисленных жертв. Истоки адаптации казахского общества к рыночным условиям имели место уже во второй половине XIX- начале XX веков.

Важным фактором изменений в характере скотоводческого хозяйства является внешний (имперский) фактор, который в последнее время активно исследуется в отечественной [42] историографии. Отечественные историки, анализируя характер административных реформ Российского государства второй половины XIX века, отмечают ее колониальный, имперский характер.

Один из аспектов адаптации казахского общества к новым экономическим условиям во второй половине XIX – начале XX веков стало участие казахов в промышленном освоении минеральных богатств Казахстана. Изучение истории развития горнорудной промышленности и формирования национального рабочего класса стала одной из изученных в исторической науке тем. Впервые свое освещение она получает в трудах российских исследователей и чиновников конца XIX – начала XX веков [43], которые рассматривают историю и перспективы горной промышленности региона, но вместе с тем отмечают хищнический характер разработок природных богатств Степного края, плохие социальные условия работы и жизни казахских рабочих. В целом, для работ этого периода характерны тщательность в отборе и изучении фактического материала, однако исследователи при анализе бедственного положения рабочих ограничиваются констатацией фактов.

В советский период изучение истории промышленности тесно переплетается с исследованием процессов становления и формирования рабочего класса. Наибольшее свое развитие история горной промышленности Центрального Казахстана нашла свое дальнейшее развитие в 60-70-х годах XX века, в этот период в исторической науке наблюдается расширенное внимание к исследованиям по данной проблеме, изучается развитие промышленности в отдельных регионах Казахстана [44]. Практически все исследователи отмечают колониальный характер горной политики Российского государства. Так, рассматривая историю горного дела в Казахстане, Г. Чуланов и Е. Б. Бекмухаметов анализируют сведения о добыче руд и угля, технологию выплавки металлов, технико-экономические показатели рудников и копей, приводят сведения о количественном и национальном составе рабочих в горнорудной промышленности Казахстана. Н.В. Алексеенко приводит сведения о труде рабочих на рудниках Алтайского горного округа, отмечает такие важные качества казахов в качестве постоянной рабочей силы как исполнительность, неутомимость, трезвость, привлекая внимание официальных лиц. В коллективной монографии Ш. Есенова, Д. Кунаева, С. Мухамеджанова содержится интересный материал об

истории открытия рудников в казахской степи, приводятся данные о количестве рудников и фабрик в регионе, о числе рабочих, в том числе казахов.

В 90-е годы XX века история формирования национального пролетариата была рассмотрена в работах Т.А. Абдразакова, С.К. Игибаева, М.Ж. Абдирова [45]. Т.А. Абдразаков, опираясь на опубликованный источниковый материал, рассматривает экономические последствия присоединения Казахстана к России, анализирует имперскую политику Российского государства в области развития национальной промышленности. Из новых источников он привлекает воспоминания Э. Нельсона Фэлла – американского инженера, с 1902 по 1908 годы управляющего Лондонской горнодобывающей компании в Степном крае, который с уважением и одобрением отзывался о казахском обществе, в том числе о рабочих-казахах. В работах С.К. Игибаева, М.Ж. Абдирова рассматривается процесс формирования и развития национального рабочего класса, история региональной промышленности на примере Центрального Казахстана.

История обрабатывающей промышленности в Казахстане на примере Семипалатинской области рассмотрена в работах Г. Есенгалиевой, И.В. Антоновой [46], в которых отмечается важная роль традиционных промыслов казахского населения, являвшегося основным поставщиком скотоводческого сырья и продукции на внутренние и внешние рынки.

Тесным образом с проблемой адаптации казахского общества к рыночным условиям во второй половине XIX – начале XX веков связана история развития железнодорожного транспорта в Казахстане. В работах Г.Ф. Дахшлейгера, М.Х. Асылбекова [47] отмечается, что строительство железной дороги стало важным толчком к разрушению традиционного казахского хозяйства и к переходу его к рыночным отношениям. Именно благодаря Сибирской железной дороге повышалась товарность обрабатывающей промышленности. Железнодорожные линии привели к развитию отходничества и наемного труда, усилению переселенческого движения, формированию обрабатывающей промышленности и национального рабочего класса.

Значительную роль в освещении изменений, происходящих в казахской степи во второй половине XIX – начале XX веков, в том числе социальных и хозяйственных, сыграли исследования ученых-демографов. В работах Н.Е. Бекмахановой, Ф.Н. Базановой, Н.В. Алексеенко, А.Н. Алексеенко, А.М. Жаркеновой [48] на основе широкого комплекса статистических источников проводится анализ изменения структуры населения Казахстана, в том числе в уездах Акмолинской и Семипалатинской областей, эволюции традиционного хозяйства казахов в сторону рынка, развития новых форм хозяйствования в экономике казахов. Однако, как отмечает А.М. Жаркенова, закономерный процесс «перехода от традиционного обществу к индустриальному в конце XIX - начале XX веков был замедлен сначала

колониальной политикой царизма, а затем не менее жесткой политикой модернизации большевистского режима» [49, с. 29].

Важной проблемой советской исторической науки являлась проблема развития торговли в Степном крае и Западной Сибири, которая сыграла важную роль в хозяйстве народов Евразийского региона и его адаптации к рыночным условиям. В той или иной мере ее касались многие исследователи, занимавшиеся изучением промышленности, сельского хозяйства, городов, так как в изучаемый период торговля в полной мере еще не отделилась от производства. В центре внимания историков оказываются различные аспекты проблемы развития торговли второй половины XIX – начала XX веков. Так, вопросы генезиса капитализма и формирования всероссийского рынка исследованы в работах И.Д. Ковальченко, Л.В. Милова, П.А. Хромова [50]. Проблемы развития товарного обращения в крае, развитие кредитных отношений и формирование банковского капитала, формы и структура внутренней и внешней торговли, ее динамика и влияние на развитие казахского общества рассмотрены в трудах Ц.Л. Фридмана, М.К. Рожковой, Х. Зияева, А. Б. Кушпаевой, Т.К. Литвиновой, Н. Халиева и др. [51].

В отечественной исторической науке проблемы развития товарного производства в казахском обществе получили свое освещение в начале XXI века в работах казахстанских историков. З.Е. Кабульдинов в развитии полукочевого скотоводства важную роль отводит ярмарочной торговле. При этом он отмечает выгодное расположение казахской степи, в частности «географический фактор, который не мог не способствовать развитию промысловой деятельности» [52, с. 10]. Региональный аспект в истории ярмарочной торговли нашел свое рассмотрение в работах А.Т. Бексеитовой, Г.К. Кожахметова, Р.М. Джаниевой, М.А. Жанысбекова [53], где авторы рассматривают вопросы включения экономики казахского общества в мировой рынок, на основе архивных материалов анализируют место и роль казахского хозяйства в удовлетворении потребностей внешнего рынка как в скотоводческой, так и в земледельческой продукции.

Важной составляющей адаптационных изменений в казахском обществе второй половины XIX – начала XX веков являлось предпринимательство. Данная проблема была исследована в историографии слабо, что было обусловлено отсутствием целостного взгляда на общество как на систему, господство классового подхода в советской исторической науке. Это привело к тому, что вплоть до 90-х годов XX века в центре внимания историков были лишь отдельные звенья социальной структуры общества, в частности, рабочий класс и шаруа, которому противопоставлялись класс буржуазии и «феодалов» в лице баев. Данная проблема нашла свое освещение в работах Е. Бекмаханова [54]. Вместе с тем, Е.Б. Бекмаханов, рассматривая байские хозяйства, отмечает их рыночный характер. В этих хозяйствах применяется наемный труд, а получаемый доход вкладывается не только в торговлю, но и в аренду земли. Он также обращает внимание на распространение такого явления в казахских хозяйствах как отходничество.

В казахстанской исторической науке исследование истории предпринимательства в различных регионах Казахстана было начато в работах ряда отечественных историков в 90-е годы XX – начале XXI веков [10, 55]. В диссертационном исследовании К.Ж. Абилова предпринята попытка комплексного исследования процесса становления и развития предпринимательства в Казахстане во второй половине XIX – начале XX веков, анализируются последствия вовлечения традиционного общества казахов в рыночные отношения. В работе Д.Ж. Жакупбековой рассматривается развитие предпринимательства в Уральской и Тургайской областях, специфика его функционирования в традиционном обществе в условиях преобладания кочевого скотоводства. Автор приходит к выводу о том, что в условиях колонизации экономическое освоение региона приобрело однобокий характер, где больший приоритет отдавался экономическим интересам центра. В свою очередь это привело к низкому уровню частного предпринимательства и масштабов товаризации экономики в Казахстане.

Региональный аспект предпринимательства в конце XIX – начале XX веков на примере Западного Казахстана получает свое рассмотрение в работе Л.Н. Нурсултановой, в которой исследователь, анализируя социально-экономические причины возникновения частного предпринимательства в регионе, отмечает важную роль в данном процессе административных реформ 1867-1868 годов, научных экспедиций, промышленного освоения края. С.Н. Мамытова анализирует процесс формирования слоя национальных предпринимателей в Прииртышье во второй половине XIX – XX веков, отмечает эволюционный характер развития предпринимательства, рассматривает развитие предпринимательских тенденций в различных отраслях хозяйственной жизни казахского общества, выявляет черты социального имиджа национального предпринимателя, проявляющихся, в первую очередь, в благотворительной деятельности. Б.Т. Тулеуова, на основе архивного материала, делает вывод о том, что «при всей ограниченности возможностей заниматься предпринимательством, казахам оказались не чуждыми понятия инициативности в деле рационального ведения собственного хозяйства. Оказавшись в сложных условиях выживания, представители местного населения не просто меняли традиционный образ жизни, а адаптируясь к рыночным условиям, меняли свое мышление» [55, с. 42].

Региональная специфика хозяйственного развития Центрального Казахстана длительное время в советской историографии неотъемлемым образом была связана с историей промышленного развития региона. Исследователи 50-80-х годов XX века Е.М. Конобрицкая, М.С. Васильева и другие [56] в своих работах исследуют историю Сарыарки, раскрывают природно-климатические особенности края, анализируют историю местных рудников и фабрик, деятельность русских купцов Поповых, Рязановых. Комплексных работ региональной направленности, в которых, помимо промышленной значимости Центрального Казахстана, рассматривалась динамика и перспективы казахского скотоводческого хозяйства, место и

роль региона в развитии внутренней и внешней торговли, в советской исторической науке не было.

В начале XXI века в отечественной науке появляется ряд региональных исследований, в которых затрагиваются вопросы хозяйственного развития казахского общества, в том числе Центрального Казахстана [57]. В работе В.В. Козиной «Население Центрального Казахстана (конец XIX в. – 30-е годы XX в.)» освещаются социально-демографические изменения в Центральном Казахстане. Наибольший интерес по нашей теме представляет первая глава, в которой автор анализирует социально-демографическую ситуацию в регионе в конце XIX - первой четверти XX веков и делает вывод об особом характере хозяйственного развития Центрального Казахстана, не испытавшего значительного влияния крестьянской колонизации. В работе Б.Т. Тулеуовой на основе архивного материала делается вывод о том, что «Центральный Казахстан во второй половине XIX – начале XX веков, будучи включенным в систему общероссийского капитализма и евразийского рынка, занял существенное место в формирующемся Евразийском пространстве, сумев, при этом сохранить своеобразие региона» [58, с. 108].

Отмечая роль отечественной историографии в исследовании проблем казахского общества второй половины XIX – XX веков, следует привести вывод В.З. Галиева о том, что при пересмотре концепций истории казахского народа «важно не только исключить все политизированные ненаучные построения, но и надо сохранять выработанное несколькими поколениями историков рациональное начало» [59, с. 86].

Зарубежная историческая наука также уделяла внимание процессам адаптации традиционных обществ, к которым можно причислить казахское общество второй половины XIX – начала XX веков, к внешним условиям. Важную роль в анализе данной проблемы сыграли российские исследователи – С.В. Лурье [60-61], О.Н. Шелегина [62]. Так, С. Лурье, рассматривая различные этнические культуры, выделяет такой важный составляющий элемент данных культур как адаптация: «...культура понимается в узком или специфическом значении как функционально обусловленная структура, имеющая внутри себя явно выраженные механизмы самосохранения даже в меняющихся культурно-политических условиях, способных как к адаптации своих членов к внешнему природному и культурно-политическому окружению, так и к приспособлению внешней реальности к своим нуждам и потребностям [60, с. 42].

В работе О.Н. Шелегиной «Адаптация русского населения в условиях освоения Сибири (Историко-этнографические аспекты. XVII – начало XX вв.)» отмечается большое практическое значение изучения проблемы адаптации традиционных обществ к новым условиям. На основе археологических, исторических, лингвистических и этнографических источников автор предпринимает попытку выявить в русской культуре «потенциал для достижения адаптивного эффекта в новой социально-экономической, экологической и этнической обстановке» [62, с. 5]. Хотя

работа О.П. Шелегиной носит этнографический характер, для понимания проблемы адаптации теоретическая и практическая ценность ее значительна.

В конце XX - начале XXI веков развитие рыночного хозяйства, сфера обмена, торговли и банков становится предметом специальных углубленных исследований сибирских историков. Так, в работе В.П. Шпалтакова [63] исследуются особенности развития хозяйства Западной Сибири первой половине XIX века, как в отраслевом плане, так и социально-экономических характеристиках, раскрывается процесс превращения натурального производства в товарно-денежное. Автор на основе богатого конкретного материала анализирует формирование регионального рынка, характеризует торговлю со степными областями, степень участия казахского общества в этом процессе.

Изучению роли ярмарок в развитии трансзиатской торговли Западной Сибири и Северного и Северо-Восточного Казахстана посвящены также работы Т.К. Щегловой [64]. Через сравнение масштаба, динамики, территориального и сезонного размещения ярмарок, их связей по продвижению товаров от потребителя к производителю раскрываются сибирско-казахстанские торгово-экономические отношения. В работах Т.К. Щегловой впервые в историографии всероссийского рынка региональная ярмарочная торговля рассматривается как организованная торговая сеть, являвшаяся частью единой торговой системы Евразийского региона в период развития рыночной экономики. Исследователь, основываясь на мнении известных историков С.А. Сундетова, Б.С. Сулейменова, Н.Г. Апполовой, указывает на многофакторный характер поступательного развития степной торговли (потребность России в скотоводческой продукции, этнокультурный и социальный факторы). Важное внимание Т.К. Щеглова уделяет ярмаркам Казахстана, в том числе знаменитой Куяндинско-Ботовской ярмарки, знакомит с историей их создания и деятельности, на основе статистического материала показывает роль торговли и степных ярмарок в процессах перехода казахского общества к рыночным отношениям.

В конце XIX – начале XXI веков тема предпринимательства в связи с переходом к рынку вызывает большой интерес и находит свое развитие в работах российских историков. В них рассматриваются проблемы генезиса предпринимательства, взаимоотношения власти и предпринимателей, анализируются основные этапы развития предпринимательства в истории народов Евразийского региона [65].

Исследование англоязычной и немецкой литературы по истории казахского общества второй половины XIX – начала XX веков, проведенное Р.М. Таштемхановой, К.Л. Есмагамбетовым [66-68], позволяет сделать вывод, что зарубежные авторы также обращают внимание на колониальный характер политики Российской империи в Казахстане, обострившей аграрные противоречия в регионе, обусловившей углубление кризиса скотоводческого хозяйства. Наряду с этим, Г.Шленгер, Х. Финдейзен, Р. Юнге и другие делают вывод на примере социально-экономических отношений Туркестана о возможностях модернизации восточного общества с учетом древней

культуры местных народов [66, с. 23], то есть, рассматривая возможность адаптации местных хозяйственных традиций к рыночным условиям.

Зарубежными исследователями кочевого быта на основе личных наблюдений был сделан вывод о миссионерской роли английского колониализма, что на самом деле не соответствует действительности, учитывая хищнический характер разработок месторождений Спасских и Успенских рудников. Но вместе с тем, английскими инженерами и американскими дипломатами был накоплен некоторый фактологический материал о хозяйстве казахов, развитии горной промышленности, собраны значительные сведения о развитии торговли в казахской степи. Так, Э. Нельсон Фэлл в своей работе уважительно отзывается о казахах, отмечает их честность и ответственность за порученное дело [69].

Из работ американских авторов можно выделить работу М.Б. Олкотт «Казахи», изданную в 1986 году в серии Гуверского института о советских народах [70]. Автор, демонстрируя хорошие знания по истории казахского социума, проводит параллели между различными историческими периодами. В книге так же отмечается адаптивная способность казахского народа в условиях рыночной экономики: «Казахи продемонстрировали свою национальную способность быстро восстанавливать физические и душевные силы путем трансформации экономики и развития культуры. Их традиционное кочевое общество подверглось воздействию более сложной цивилизации, но не было полностью поглощено ею» [70, с. 312]. Однако, анализируя развитие экономики казахского общества в конце XIX – начале XX веков, исследуя процессы экономической трансформации в казахской степи, М.Б. Олкотт, по сложившейся традиции, останавливается на развитии земледельческой культуры и по существу не рассматривает тенденции эволюции скотоводства.

Составной частью зарубежной историографии по проблеме адаптации традиционных обществ являются работы социологов, занимавшихся вопросами этнических меньшинств и влияния модернизации на традиционные общества [4, 71]. Так, ученые Л. Бенсон, И. Сванберг в своих исследованиях изучали сложный комплекс факторов, способствовавших адаптации современных казахов за рубежом. К ним, в первую очередь, они отнесли обычаи и нравственные ценности, которые позволили «бывшим кочевникам адаптироваться социально и экономически к процессам урбанизации, сохранив при этом корпоративный образ жизни» [71, с. 10]. По их мнению, склонность к приспособлению подразумевает под собой не простое копирование элементов чуждой культуры, а «способность и желание активно познавать новую социальную реальность и совершенствование культурного репертуара, то есть, образцы поведения, действия, роли, нормы знания и ценности, необходимые для функциональной адаптации к новой окружающей среде» [4, с. 93]. Их работы и выводы представляют практический интерес для современных деятелей, в том числе в условиях казахстанского полиэтнического общества.

Анализ историографии, предпринятый выше, подтверждает своеобразие социально-экономического развития Центрального Казахстана во второй половине XIX – начале XX веков. Однако, несмотря на наличие публикаций, затрагивающих рассматриваемую нами проблематику, процессы адаптации казахского общества к рынку в условиях континентальной колонизации региона и включения его в общероссийское (евразийское) экономическое пространство, развития товарного скотоводческого хозяйства Центрального Казахстана не были исследованы в отечественной историографии.

Источниковую базу исследования составили неопубликованные и опубликованные письменные исторические источники. В монографии использованы материалы архивных фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК, фонды: 15 – Семипалатинское областное правление; 64 – Канцелярия Степного генерал-губернатора; 369 – Акмолинское областное правление; 393 – Акмолинский областной статистический комитет МВД; 460 – Семипалатинский областной статистический комитет МВД; 342 – Омская казенная палата; 212 – Томское горное управление Министерства земледелия и государственных имуществ), Государственного архива Карагандинской области (ГАКО, фонд: 1487 – личный фонд Ю.Г. Попова) и Государственного архива Омской области Российской Федерации (ГАОО, фонды: 2 – Канцелярия сибирского генерал-губернатора; 3 – Главное управление Западной Сибири; 24 – Омская казенная палата; 86 – Западно-Сибирский отдел РГО; 366 – фонд Катанаева Г.Е.).

По содержанию используемые источники можно разделить на 5 групп: 1) источники законодательного характера; 2) делопроизводственные материалы; 3) статистические данные; 4) периодическая печать; 5) документы личного характера (мемуары, воспоминания, дневники).

Суть официальной политики Российской государства в Казахстане и ее влияние на развитие хозяйства казахского общества во второй половине XIX – начале XX веков раскрывают документы законодательного характера (нормативные акты государственной верховной и региональной власти). Законодательные акты отражают официальную правительственную позицию по различным вопросам и представляют важный интерес. В совокупности с иными видами письменных источников, особенно с делопроизводственной документацией, данный вид источника способен с достаточной степенью достоверности раскрыть закономерные черты российской правительственной политики и ее региональные особенности на протяжении XIX - начала XX веков. Так, вопросы землепользования и расселения казахского общества, политика оседания и прикрепления казахов к земле рассматривались в статьях реформ 1867-1868, 1891 годов, на основании Устава о народном продовольствии от 1857 года во внешних округах Семипалатинской области. Положения о развитии промышленности в казахской степи содержатся в Горном Уставе. Знакомство с нормативными документами, касающимися развития горной промышленности в Казахстане, позволяет проследить эволюцию российской правительственной политики. Так, согласно статьи

2068 Горного Устава от 1842 года и статьи 2198 Горного Устава от 1857 года, частным лицам разрешается отыскивать и разрабатывать в Области сибирских киргиз и Семипалатинской области благородные и прочие металлы (кроме золотосодержащих россыпей). Однако представители казахского общества, владельцы земель, были лишены данного права. Исходя из этого, в 60-е годы XIX века Главное управление Западной Сибири в целях развития горной промышленности выступило с предложением распространить «названными статьями право отыскивать и разрабатывать благородные и прочие металлы в Области сибирских киргиз и Семипалатинской области на всех киргизов» [72, л. 231, 231(об)].

Развитию торговли в Казахстане, в том числе и центральной его части, посвящены указы и циркуляры по ярмаркам Казахстана: «Об установлении денежного сбора со скота, продаваемого на Ботовской ярмарке», «Об установлении денежного сбора с продаваемых на ярмарках Акмолинской области скота» и другие [73].

Наиболее обширный и массовый вид источников по рассматриваемой проблеме – это делопроизводственная документация. К данному виду исторических источников относятся приказы и отчеты Степного генерал-губернатора, отчеты военных губернаторов степных областей, прошения частных лиц о разрешении организации оседлых поселений в казахской степи, ведении горных разработок в регионе, рапорты уездных начальников по тем или иным вопросам развития скотоводческого хозяйства казахов и распространении среди них земледельческой культуры, материалы работы разных комиссий, откомандированных в Степь, материалы законодательных органов государства. Сюда же отнесены письма и иная личная корреспонденция, непосредственно связанная с делопроизводством. Данный вид источников позволяет выявить степень дискуссионности тех или иных вопросов в различных ведомствах, политических и общественных кругах и проследить методы и механизмы реализации основных направлений колониальной политики в регионе. Кроме этого, ежегодные отчеты губернаторов, доклады содержат личные наблюдения и многочисленные данные, собранные для них местными чиновниками и сопровождающими лицами. Так, в материалах переписки Степного генерал-губернатора с региональной администрацией неизменно встречается мнение властей о целесообразности и необходимости развития в южных регионах Степного края казахского скотоводческого хозяйства [74].

В исследовании впервые введена в научный оборот группа источников делопроизводственной документации, составляющая прошения казахского населения уездов центральной части Казахстана о закреплении права владения землею [75], ходатайства казахов об отводе земель для развития оседлой культуры [76]. Наличие такого рода документов свидетельствует о распространении новых тенденций в казахском обществе и адаптации его к рыночным условиям.

Впервые по исследуемой проблематике были использованы документы официального делопроизводства, в которых рассматриваются аспекты

развития казахского скотоводческого хозяйства Центрального Казахстана в рыночных условиях, формирования национального предпринимательства. Их не востребованность в историографии явилась следствием недостаточного внимания к вопросам региональной истории рыночного хозяйства во второй половине XIX – начале XX веков. В центральных и региональных архивах сохранились документы о развитии казахского скотоводства, в том числе товарного, о трудностях распространения в центральной части Казахстана оседло-земледельческой культуры, необходимости устройства хлебозапасных магазинов, имеется переписка представителей российской администрации по вопросам поощрения предпринимательских тенденций в казахском обществе [77].

Впервые введены в оборот материалы, обосновывающие важное место Центрального Казахстана в развитии региональной торговли, документы, описывающие торговые пути и скотопрогонные тракты, проходящие по территории Акмолинской и Семипалатинской областей [78].

Статистические данные, широко использовавшиеся при анализе состояния скотоводства, земледелия и промышленности казахского общества, в зависимости от того, по чьей инициативе они составлялись, делятся на государственную ведомственную статистику и на справочно-статистические материалы, подготовленные научными и общественными организациями (ЗСОРГО), а также отдельными исследователями – историками, экономистами, чиновниками.

Государственная ведомственная статистика составлялась на основе губернаторских отчетов, материалы для которых ежегодно собирались на местах для высших государственных властей и содержали главную информацию о крае в целом и в его частях. В качестве примера можно привести отчеты Главного управления Западной Сибири (ГАОО, ф. 3), отчеты губернаторов Акмолинской и Семипалатинской областей, отчеты военных губернаторов Степного края (ЦГА РК, ф. 64, ф. 369, ф. 15), переписку статистических комитетов МВД степных областей (ЦГА РК, ф. 393, ф. 460). Ряд статистических материалов был впервые введен в оборот по данной проблематике.

Дополнением к отчетной статистике служило ежегодное издание «Памятных книжек», которое было вменено губернаторам в обязанность циркуляром от 1859 года. Они издавались местными статистическими комитетами в Омске, Семипалатинске. Особенно это издание распространилось после 1861 года. Главной целью «Памятных книжек» было дать ясное представление о современном положении губерний и областей и в то же время ознакомить читателей с историческим прошлым. Памятные книжки включали три раздела: справочную часть, статистические таблицы, статьи. Так, в «Памятных книжках Семипалатинской области» были опубликованы статьи В. Маевского, В.И. Коцовского о горнозаводской промышленности Семипалатинской области и других.

Недостатком государственной статистики является то, что данные для отчетов собирались без единой программы и инструкции, основным методом

сбора информации был устный опрос. Другой недостаток данного вида источника – неполный характер данных о состоянии скотоводства, земледелия, промышленности и торговли. В регистрации сведений для статистических комитетов активно участвовали представители местной администрации, поэтому казахское население к сбору материалов о состоянии хозяйства относилось крайне осторожно, усматривая в действиях полиции и податных инспекторов фискальный интерес. Но, несмотря на это, официальная статистика позволяет исследовать численность и состав населения Казахстана, занятие сельским хозяйством, рыболовством, охотой и другими промыслами с указанием общего числа занятых лиц. Поэтому данный вид документов остается важным и ценным массовым источником при изучении хозяйственного развития казахского общества.

Так, ценным источником для изучения казахского скотоводческого хозяйства являются ведомости о количестве скота в казахских волостях степных областей, о количестве лошадей, о движении гуртов скота по Степному краю, материалы военно-конских переписей [79, 80]. Данные архивных материалов государственной статистики позволяют проследить и исследовать процессы дифференциации, выявить предпринимательские тенденции в казахском обществе. Например, списки казахов Атбасарского и Акмолинского уезда Акмолинской области с указанием количества скота позволили выявить имена крупных скотовладельцев региона [81]. Развитие оседлой земледельческой культуры представлено в отчетах о покупке хлеба для казахского населения, в ведомостях о размере площадей посевов, сенокосов, о предстоящих урожаях [82]. Наиболее полными данными отличаются сведения о развитии промышленности и торговли в Казахстане, в том числе и центральной его части [83].

Ценный материал содержат также обзоры областей, которые издавались в качестве приложений к отчетам губернаторов. В «Обзорах» помещаются сведения по истории и географии областей, населению и его экономической деятельности, о развитии торговли и промышленности, широко привлекается статистический материал. Их преимущество состоит в том, что ежегодная публикация материалов об экономическом развитии области, народонаселении, состоянии городов и промышленности позволяет рассматривать отдельные явления в динамике. Однако сопоставление данных «Обзоров» за различные годы иногда затруднено, так как они составлялись не по единой программе.

В целом, несмотря на критическое отношение к статистическим данным, они служили главным материалом при выявлении динамики развития скотоводческого хозяйства, распространения земледельческой культуры среди казахского населения. На основе статистических материалов составлены таблицы по численности населения, скота, по характеристике экономики казахского общества, разработаны диаграммы развития скотоводческого и земледельческого хозяйства казахов, выявлены тенденции развития Центрального Казахстана в условиях рынка.

Важную информацию содержат также справочно-статистические источники, подготовленные региональными историками, экономистами и чиновниками. Они составлялись ими не только в силу должностных обязанностей, но и в силу исследовательского интереса, поэтому содержат в себе элементы научного анализа или описания. Например, П. Соколов [84], основываясь на материалах официальной статистики, дает историко-статистическое описание района Туркестан – Сибирской железной дороги. Автор вводит обширный материал о численности населения данного района, рассматривает динамику в развитии скотоводства и земледелия, делает важный вывод о том, что доход от земледелия составлял только 4,1% всей суммы валового дохода казахского хозяйства [84, с. 129]. Статистический анализ развития торговли в Казахской степи предпринят в работах А. Смирнова, В. Маевского [34], которые предоставляют подробные сведения об истории Ботово-Куяндинской ярмарки, ее торговых связях с Китаем, Монголией, государствами Средней Азии, об основных видах товаров – скот, продукты скотоводства, ее оборотах. Существенным недостатком данных работ являлось отсутствие научно-справочного аппарата при введении большого массива статистического материала.

Одним из видов источников для изучения сельского хозяйства являются различные путеводители и справочники для переселенцев. Эти издания требуют строгого критического отношения, так как они готовились с целью привлечения крестьян из европейской части России в Казахстан и Сибирь. Соответственно для них характерно приукрашивание положения в регионах, обещание льгот и привилегий.

Самостоятельным источником по истории адаптации казахского общества к рыночным условиям второй половины XIX - начала XX веков является периодическая печать, представленная газетами, журналами и другими периодическими изданиями. Периодические издания как исторический источник имеют свои особенности. Во-первых, жанровая направленность, во-вторых, наличие определенного политического характера, в-третьих, вторичность материала, который нередко заимствовался из других первоисточников.

В зависимости от издателя, все использовавшиеся периодические издания можно разделить на несколько видов: 1) официальные центральные издания, устанавливающие обратную связь в системе управления: «Вестник финансов, промышленности и торговли», «Журнал Министерства внутренних дел», «Вопросы колонизации»; 2) официальные региональные издания: «Семипалатинские областные ведомости», «Акмолинские областные ведомости», «Тобольские губернские ведомости», «Томские областные ведомости»; 3) общественно-политические издания, отражающие региональное общественное мнение: «Казахская степная газета», «Степной край», «Қазақ», «Айқап» «Восточное обозрение», «Сибирские вопросы», «Сибирская жизнь» и др.

Значительный массив материалов содержится в таких центральных периодических изданиях, как «Вопросы колонизации», и таких региональных

изданиях, как “Сибирские вопросы”, “Киргизская степная газета”, «Сибирская жизнь», «Қазақ», “Айқап” и др. [85] Часть материалов была повторно опубликована во второй половине XX в. в сборниках документов и материалов [86]. Несмотря на такие известные недостатки, как бессистемность публикуемых материалов, их несопоставимость, публикации в периодических изданиях дополняют официальный материал живыми зарисовками о жизни Степного края, а также отражают деловую и культурную жизнь в регионе. Периодическая печать предоставляет информацию о характере и формах политических дискуссий, способах реализации политических решений, об отношении к ним и к правительственному курсу в целом определенных политических, этнических и иных общественных кругов, показывая сопутствующий резонанс. Так, в журнале «Сибирские вопросы» представители русской публицистики развернули интересные дискуссии о характере земельной политики официальной России, судьбе казахского народа [87]. На страницах журналов “Айқап”, “Қазақ” представители казахской интеллигенции рассказывали о влиянии административной и экономической политики Российской империи на развитие традиционного хозяйства, знакомили с жизнью и бытом казахского народа [86, 88]. На страницах периодической печати содержится информация о жизни казахского общества в новых экономических условиях, о развитии горной промышленности Центрального Казахстана, о закреплении тех или иных участков земель казахской степи за отдельными лицами для разработки природных богатств региона [89].

Документы личного характера, к которым могут быть отнесены мемуары, воспоминания, дневники, а также рукописи и путевые заметки исследователей, горных инженеров, посетивших казахскую степь носят описательный характер. Ближе к ним по характеру стоят исторические произведения XIX – начала XX веков и краеведческие работы, которые в одних случаях выступают как источники, в других могут быть отнесены к историографии. Так, источниковое значение для изучения адаптации казахского общества к рыночным условиям второй половины XIX – начала XX веков имеют работы Н.Коншина, Н.М. Ядринцева, Н. Э. Фэлла, Д. Львовича и др. [16, 28, 34, 69, 90]

В работе также были использованы личные документы из фондов Г.Е. Катанаева и Ю. Попова [91], которые позволяют рассмотреть факторы эволюции экономики кочевого общества, распространения новых тенденций в кочевом хозяйстве, степень взаимовлияния друг на друга культуры казахского и переселенческого населения.

При работе с источниками применялся историко-сравнительный и критический подходы, так как источники второй половины XIX – начала XX веков не лишены отдельных недостатков. Определенную сложность при работе со статистическим материалом представляло несоответствие современного административно-территориального деления Казахстана ситуации второй половины XIX – начале XX веков, что затрудняло возможность сравнивать развитие хозяйства казахского общества по годам.

Данные о численности населения Казахстана, в том числе и в его центральной части, поголовья скота в казахском хозяйстве, доходы от продаж скотоводческой продукции не всегда соответствовали действительности. Сбором информации занимались представители властей, поэтому из чувства суеверия, желания сократить плату в казну за скот казахи давали подчас неточные сведения. Несовершенство методики разработки статистических сведений, отсутствие координации в деятельности фискальных органов определили ложный характер отдельных сведений о численности кочевого населения, скота, что предполагает использование критического подхода.

В целом, источниковый комплекс, используемый в настоящей работе, репрезентативен, информативен и с достаточной степенью достоверности позволяет рассмотреть процесс адаптации казахского общества к рыночным условиям во второй половине XIX – начале XX веков.

В качестве методологической основы исследования был избран системный подход, а также принципы историзма и объективности. Это позволило рассматривать хозяйственное развитие казахского общества Центрального Казахстана во второй половине XIX – начале XX веков как часть единого целого, находящегося во взаимной связи с другими региональными системами, такими как Степной край (Казахстан в целом) и Евразийский регион. Системный подход также дает возможность рассматривать в комплексе вопросы воздействия внешних факторов на развитие традиционного хозяйства степных скотоводов, выявить особенности и динамику адаптации кочевого социума к вызовам рыночного хозяйства, участие казахов в индустриальном развитии региона, раскрыть роль торговли в переходе казахского хозяйства к рыночным условиям хозяйствования.

В работе использованы также общенаучные методы: анализ, синтез, сравнение, обобщение, статистический анализ; специально-исторические методы: проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, методы актуализации и периодизации. Основным методом, использованным при работе с источниками, является их сравнительный критический анализ.

В качестве теоретической основы диссертационного исследования были использованы положения отечественных и зарубежных ученых XX века – С.А. Сундетова, Б. Сулейменова, П.П. Галузо, Ж.Б. Абылхожина, Н.Э. Масанова, Н. Алимбай, М.С. Муканова, Х. Аргынбаева, С. Лурье, Ф. Броделя, Т. Парсонса [37, 38, 41, 60, 92, 93, 94].

Долгое время в современной науке господствовала точка зрения о том, что традиция - застывшая форма, неспособная к саморазвитию. В конце XX века отечественные историки отмечают исключительную роль традиции в жизни и организации аграрных обществ. Так Ж.Б. Абылхожин отмечает, что «традиция высказывает свое присутствие в любой социальности... Она выполняет функцию социальной памяти, выступает транслятором информационного и социального опыта, без нее невозможна коллективная адаптация к окружающей среде и культурной социализации [38, с. 327].

Зарубежные исследователи также рассматривают традицию как явление развивающееся, способное приспособливаться к новым условиям жизни. Так, С. Айзенштадт подчеркивает, что «традиция обнаруживает адаптивные потенции, изменяясь по мере приспособления к меняющимся условиям» [Цит.: 95, с. 97]. Более того, зарубежные исследователи отмечают, «традиция может оказывать позитивное воздействие на процесс модернизации, а может – препятствовать ему, равно как и процесс модернизации может приводить к ослаблению влияния традиции, а может и способствовать ее усилению» [61, с. 22].

Открытость, подвижность традиционных культур отмечается в работах российских историков. По мнению С. Лурье, «адаптивность для той или иной культуры тех или иных моделей поведения в значительной мере определяется согласованностью ее собственных «этнических констант»... Все новшества, которые этнос может почерпнуть в результате межкультурных контактов, проходят через сито «цензуры». Культурная традиция – вещь очень гибкая и подвижная. Она лишь вписывает новшества в свою структуру... Но порой вестернизированная элита Азии так адаптирует западные ценности, что родная Европа их не может узнать» [61, с. 35]. Таким образом, взгляды отечественных и зарубежных исследователей сходятся на том, что традиция еще раз подтверждает свою устойчивость и гибкость, проявляя способность видоизменяться, адаптироваться в процессе своего взаимодействия с новыми явлениями в социально-экономической жизни.

Из зарубежных исследователей особо следует выделить идеи французского историка Ф. Броделя, в частности, его концепцию возникновения и эволюции рыночной экономики в мировой истории, в европейских и азиатских странах. По мнению Ф. Броделя, развитие рыночной экономики в XV – XIX веках происходило на основе «материальной цивилизации», под которой он подразумевает традиционные формы хозяйства и общества. Рыночная экономика включала в свои структуры традиционное хозяйство, не разрушая, а адаптируя его. И адаптированные рыночные формы существовали наряду с самыми развитыми формами капитализма. По сути, концепция Ф. Броделя заключается в том, что традиционная материальная цивилизация (в адаптированном виде), рыночная экономика и капитализм являются не только тремя последовательными стадиями (как в марксизме), но и в значительной степени параллельными и пересекающимися линиями развития хозяйства и общества.

Недостаток марксистской методологии рыночного общества заключается в том, что проводится однозначное разделение между обществом феодальным и капиталистическим. При этом последовательная социально-экономическая периодизация велась марксистами с точки зрения классовой принадлежности основных средств производства в крупных формах. Анализ традиционных форм хозяйства принципиального значения не имел. Марксистский социально-экономический подход (от феодализма к капитализму) не в полной мере раскрывает проблематику генезиса рыночной экономики, упрощает ход экономической истории. На наш взгляд,

необходимо иметь в виду (вслед за Ф. Броделем), что капитализм покоится на продолжительном историческом периоде развития общества рыночной экономики, с которым, как с уровнем экономической жизни, капитализм и сосуществует. То есть наряду с «феодализмом» и «капитализмом» имеется третий элемент, общий для обеих социально-экономических систем – это рыночная экономика. С другой стороны, для понимания генезиса капитализма весьма важна судьба не только крупных средств производства, но и традиционной «материальной цивилизации», которая, по определению Ф. Броделя, является отправной точкой рыночной экономики, а значит, в конечном счете, и капитализма [93].

На складывание концептуальной идеи работы также повлияли идеи нового методологического подхода – синергетического, разрабатываемого многими зарубежными и отечественными исследователями (И. Пригожин, Г. Хакен, М.В. С.А. Гомаюнов, М.В. Сапронов, З.Ж. Жанабаев, Б.А. Мукушев, Б.А. Досова и др.) [96]. В первую очередь, это идея самоорганизации, заключающаяся в том, что в любой системе происходит упорядочивание за счет действия ее составляющих, то есть неких внутренних законов, возможностей и сил. Самоорганизация не навязывается извне: внешнее воздействие только инициирует самоорганизацию. Другим понятием синергетического подхода является понятие открытости, которое означает постоянное взаимодействие системы с внешней средой, в ходе которого происходит адаптация, приспособление всех элементов системы к изменяющимся условиям существования. Данные методологические идеи способствовали пониманию того, что в кочевой цивилизации казахов существовала традиционная естественная саморегуляция, которая помогала ей выдерживать различные инновации.

Мы также считаем, что традиционное общество и хозяйство, это не обязательно застывшая и не способная к развитию система, которая в процессе рыночной модернизации неизбежно разрушается и отрицается. Вслед за отечественными и зарубежными исследователями, мы исходим из того, что традиционное хозяйство может эффективно приспособиться к рыночной экономике, так как традиция всегда имеет не только консервативный, но и адаптивный потенциал. Во второй половине XIX – начале XX веков адаптивная тенденция развития казахского кочевого общества в условиях рынка выразилась в товарности скотоводства, распространении земледелия и сенокосения, появлении слоя предпринимателей и становления института собственности на землю, в изменении быта и образа жизни. Более того, хозяйство кочевого казахского социума заняло важное место в экономике Российской империи и Евразийского региона, а продукция казахского скотоводства сумела создать конкуренцию на внутренних и внешних рынках России.

Примечания

1 Назарбаев Н.А. В потоке истории. – Алматы: Атамұра, 1999. – 294 с.

2 Абжанов Х.М., Селиверстов С.В. Критическое столетие: размышления историков //Мысль. – 2004. – № 2. – С. 6-12.

3 Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана. Стратегия вхождения Казахстана в число 50 наиболее конкурентноспособных стран мира. 1 марта 2006 г. //Страна и мир. – 2006. – № 8. – С. 1, 4-5.

4 Сванберг И. Казахские беженцы в Турции //Казахская диаспора: проблемы этнического выживания. – Алматы: Атамұра, 1997. – С. 86-200.

5 Курылев В.П. Скот, земля, община у кочевых казахов (вторая половина XIX – начало XX вв.). – С-Пб: МАЭ РАН, 1998. – 296 с.

6 Досмагамбетов С.К. Центральный Казахстан: природа и природные ресурсы, события и люди, реформы и развитие. – Алматы: Межд. Изд. Дом «Желтые страницы», 2003. – 562 с.

7 Чермак Л. Киргизское хозяйство в Степном крае //Район железной дороги Петропавловск – Спасский завод в экономическом отношении. – СПб: Тип. Ц. Крайз, 1912. – 314 с.; Хворостанский П. Киргизский вопрос в связи с колонизацией степи // Вопросы колонизации. – 1907. – № 1. – С. 53-104; Шмидт Ю. Очерк киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела в Акмолинской округе //Записки ЗСО РГО. Книжка XVIII. – Омск: Тип. Округ. Штаба, 1894. – С. 1-149.

8 Современный толковый словарь русского языка. – СПб: Норинт, 2001.

9 Козыбаев М. Казахстан на рубеже веков. Кн. 1. Память народа. – А.: Ғылым, 2000. – 418 с.

10 Абилов К.Ж. История становления и развития предпринимательства в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. ... докт. ист. наук: 07.00.02. – Караганда, 2006. – 40 с.

11 Мендикулова Г.М. Исторические судьбы казахской диаспоры. Происхождение и развитие. – Алматы: Ғылым, 1997. – 262 с.

12 Колмогоров Г. О промышленности и торговле в киргизских степях Сибирского ведомства. – Б.М., 1850. – 38 с.

13 Гагеймейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. Ч. 2, 3. – С-Пб, 1854. – 359 с.

14 Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 3. Сибирско-киргизская степь. – М.: Изд-во общества распространения полезных книг, 1867. – 145 с.

15 Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. XVIII. Киргизский край. – С-Пб: Издание А.Ф. Девриена, 1903. – 447 с.; Азиатская Россия. – С-Пб, Изд-во Переселенческого управления Главного Управления землеустройства и земледелия. 1914. – Т. 1. Люди и порядки за Уралом, 576 с.; Т. 2. Земля и хозяйство, 638 с.; Т. 3. Приложение, 155 с.

16 Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношениях. – С-Пб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1892. – 720 с.

17 Головачев П. Сибирь: природа, люди, жизнь. – М.: Изд-во Ю.И. Базановой, 1902. – 288 с.

18 Кауфман А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. – М.: Тип-я т-ва И.Д. Сытина, 1908. – 456 с.

19 Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. – С-Пб: Пересел. управл. ГУЗиЗ, 1910. – 66 с.

20 Седельников Т. Борьба за землю в казахской степи (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). – С-Пб.: Дело, 1907. – 79 с.

- 21 Чиркин Г. Землеотводное дело в киргизской степи и необходимость землеустройства киргиз //Вопросы колонизации. – 1907. – № 3. – С. 59-78.
- 22 Введенский И. Переселение и аграрный вопрос //Вопросы колонизации. – 1909. – № 5. – С. 15-26.
- 23 Чермак Л. Формы киргизского землепользования //Сибирские вопросы. – 1908. – № 23-24. – С. 21-43.
- 24 Щербина Ф.И. Киргизская народность в местах крестьянских поселений // На сибирские темы: под ред. М.Н. Соболева. – СПб., 1905. – С. 173-218;
- 25 Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей (МКЗ). – Т. 2. Акмолинская область. Атбасарский уезд. – Воронеж, 1902. – 385, 22, 55 с.; Т. 3. Акмолинская область. Акмолинский уезд. – СПб., 1907. – 67, 532, 141 с.; Т. 6. Семипалатинская область. Каркаралинский уезд. – СПб, 1905. – 815, 134 с.
- 26 Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Вып. 1. Степной край. Составитель В.А. Тресвятский. – Пг., 1917. – 135 с.; Хворостанский П. Эволюция киргизского хозяйства в Тургайской области //Вопросы колонизации. – 1915. – № 18. – С. 159- 206.
- 28 Клеменц Д. Заметки о кочевом быте //Сибирские вопросы. – 1908. – № 49-52. – С. 18-57; Полферов Я. Сибирь и ее возможности //Вопросы колонизации. – 1914. – № 15. – С. 1-19.
- 29 Валиханов Ч. Ч. О кочевках киргиз //Соч.: В 5 т. – А-А: Гл. ред. Каз. Сов. энцикл., 1984. – Т. 4. - С. 105-109.
- 30 Букейханов А.Н. Киргизы //Избранное. – Алматы, 1995. – С. 66-78; Букейханов А.Н. Овцеводство в Степном крае //Избранное. – Алматы, 1995. – С. 153-191.
- 31 Рыскулов Т. Казахстан //Соч.: в 3 т. – А-А.: Казахстан, 1997. – Т. 2. – 384 с.
- 34 Коншин Н. Краткий статистический очерк промышленности и торговли в Акмолинской области за 1880-1894 гг. – Омск, 1896. – 37 с.; Куяндинская ярмарка (ее возникновение и история, обороты). Составитель Смирнов А. – Семипалатинск: Изд.стат.отдела Семипалатинской торг. биржи, 1924. – 68 с.; Маевский В. Ботовская ярмарка //Памятная книжка Семипалатинской области на 1897 год. – Семипалатинск, 1897. – С. 190-202.
- 35 Коншин Н. От Павлодара да Каркаралинска (путевые заметки) // Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г. Вып. V. - Семипалатинск: Тип. Семипалатинского Областного Правления и Торгового дома «П.Плещеев и К», 1901. – Разд. IV. – С. 1-25; Здравомыслов Н. Природные условия Атбасарского уезда и виды на колонизацию южной его части //Вопросы колонизации. – 1910. – № 7. – С. 223 – 235; Гидрогеологическое описание южной части Акмолинской области. Составитель А.А. Козырев. – С-Пб: Тов-во Р. Голика и А. Вильборга, 1911. – 640 с.; Рожанец М. Природные условия северо-западной части Каркаралинского уезда и юго-западной части Павлодарского уезда Семипалатинской области и значение этого района для колонизации //Вопросы колонизации. – 1914. – № 6. – С. 136-152.
- 36 Асфендияров С.Д. История Казахстана (с древнейших времен). – А-А., 1993; Тогжанов Е. Казахский колониальный аул. – М.: Изд. ассоциации по изучению национ. и колониал. проблем, 1934. – 109 с.
- 37 Сундетов С.А. О генезисе капитализма в сельском хозяйстве Казахстана на материалах северо-восточных областей. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1970. –

127 с.; Сулейменов Б. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX – начала XX веков (1867-1907 гг.). – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. – 412 с.; Галузо П.П. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867-1914 гг. – Алма-Ата: Изд-во «Наука», 1965. – 345 с.

38 Абылхожин Ж.Б. Традиционная культура Казахстана: социально-экономические аспекты функционирования и трансформации. 1920-1930. – Алматы: Ғылым, 1991. – 240 с.

39 Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. Проблема кочевого хозяйства. – М.: Наука, 1972. – 314 с.; Ковальченко И.Д. К истории скотоводства в Европейской России в первой половине XIX века //Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. – М.: Наука, 1960. – С. 175-190; Карнаухова Е.С. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1860- 1914 гг.). – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 214 с.

40 Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. – М.: Изд-во АН КазССР, 1957. – 324 с.; Его же. Джатаки (вторая половина XIX в.) //Вестник АН КазССР. – 1949. – № 8. – С. 60-66; Турсунбаев А.Б. Казахский аул в трех революциях. – Алма-Ата: Казахстан, 1950. – 483 с.; Апполова Н. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – первой четверти XIX вв. – М., 1961. – 455 с.; Апполова Н. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. – М.: Наука, 1976. – 371 с.; Толыбеков С.Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII – XIX веках. – Алма-Ата: Каз.Гос.издат, 1959. – 448 с.; Толыбеков С.Е. Кочевое общество в XVII – XIX в.: политико-экономический анализ. – Алма-Ата: Наука, 1971. – 634 с.; Шахматов В.Ф. Казахская пастбищно-кочевая община (вопросы образования, эволюции и разложения). – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР., 1969. – 207 с.; Тажибаев Е.Е. Изменения в хозяйстве казахов в 20-60-х годах XIX века (на материалах Младшего и Среднего жузов): автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Алма-Ата, 1969. – 49 с.

41 Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII – XIX вв. – Алматы: Наука, 1984. – 176 с.; Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности номадного общества). – Алматы: Социнвест, М: Горизонт, 1995. – 320 с.

42 Машимбаев С.М. Патшалық Ресейдің отарлық саясаты. – Алматы, Санат, 1994. – 135 б.; Алдабергенов К.М. Патшалы Ресейдің Қазақстанды отарлау саясатының тарихынан. – Павлодар: ПГУ, 2003. – 199 б.; Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. – Астана: Полиграфия, 1998. – 136 с.; Рахимбекова А.К. Роль имперского фактора в трансформации казахского общества (XIX – начало XX вв.): автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – А., 2004. – 30 с.; Барсукбаева А.М. Колониальная политика царизма в казахских землях в XIX – XX вв. на материалах Северо-Восточного Казахстана): автореф. канд. ист. наук: 07.00.02. – А., 2005. – 30 с.

43 Семевский. Очерки быта рабочих на сибирских золотых приисках Тобольско-Акмолинского и Семипалатинско-Семиреченского округов // Сибирский сборник. – 1895. – Вып. 1. – С. 81-102; Сборовский А. Материалы к изучению горного дела в степных областях Западной Сибири и Тобольской губернии //Записки ЗСО РГО. Книжка XIX. – Омск: Тип. Окруж. штаба, 1896. – 212 с.; Коцовский В.И. Краткий обзор горнозаводской промышленности Семипалатинской области. – Семипалатинск, 1899. – 152 с.; Григорович. Спасский завод //Акмолинские областные ведомости. – 1871. – № 5. – С. 3.

44 Чуланов Г. Промышленность дореволюционного Казахстана (историко-экономический очерк). – Алма-Ата: Изв. АН Каз.ССР, 1960. – 100 с.; Бекмухаметов Е.Б. Цветная металлургия и горное дело дореволюционного Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1964. – 314 с.; Дильмухамедов Е.Д., Маликов Ф. Очерки истории рабочего класса дореволюционного Казахстана второй половины XIX – начала XX веков. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. – 270 с.; Дильмухамедов Е.Д. Из истории горной промышленности Казахстана. – Алма-Ата: Казахстан, 1976. – 155 с.; Есенов Ш., Кунаев Д., Мухамеджанов С. Недра Казахстана. – А-А: Казахстан, 1968. – 600 с.; Алексеенко Н.В. Казахи на рудниках и заводах Алтайского горного округа в XIX в. //История. – 1971. – № 1. – С. 3-11.

45 Абдразаков Т.А. Экономические последствия присоединения Казахстана к России. – Караганда: Изд-во КарГУ, 1992. – 134 с.; Абдиров М.Ж., Тулеуова Б.Т. Промышленное освоение Центрального Казахстана и казахское общество во второй половине XIX- начале XX вв.// Вестник Карагандинского университета. Серия гуманитарная. - 2001. - № 2 (22). - С. 12-18; Игибаев С.К. Промышленные рабочие дореволюционного Казахстана: численность, состав, положение (1861-1917 гг.). – Алматы, 1991. – 431 с.

46 Есенгалиева Г. О развитии промышленности по переработке сельскохозяйственной продукции в Семипалатинской области в конце XIX – начале XX веков //Вопросы истории Казахстана XIX – начале XX веков. – Алма-Ата: Наука, 1961. – С. 155-173; Антонова И.В. К вопросу о складывании структуры обрабатывающей промышленности в г.Акмолинске (вторая половина XIX – начало XX вв.) //Социально-политическая история Приишимья: сб.статей под ред. Н.В.Алексеенко. –Целиноград: Изд. обкома компартии Казахстана, 1990.– С. 76-80.

47 Дахшлейгер Г.Ф. Турксиб – первенец социалистической индустриализации. – А-А, 1953; Асылбеков М.Х. Железнодорожники Казахстана в период русской революции (1905-1907 гг.). – А-А: Наука, 1965. – 182 с.; Асылбеков М.Х. Развитие сети железных дорог Казахстана в конце XIX – начале XX в. //Казахстан в канун Октября. – А-А.: Наука, 1968. – С. 178-213.

48 Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии: последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX веков. – М.: Наука, 1980. – 280 с.; Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. – 1917 г.). – М.: Наука, 1986. – 244 с.; Базанова Ф.Н. Формирование национальной структуры населения Акмолинской области (на материалах крестьянского переселения) // Социально-политическая история Приишимья (Тезисы выступлений на конференции). Отв. ред. Н.В.Алексеенко. – Целиноград: Изд-во обкома компартии Казахстана, 1990. – С. 10-14; Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана. (численность, размещение, состав, 1870-1914 гг.). – Алма-Ата: «Наука», 1981. – 112 с.; Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897-1997). – Усть-Каменогорск: Вост. Каз-Техн. ун-т, 1999. – 158 с.

49 Жаркенова А.М. Население Казахстана по первой Всеобщей переписи 1897 года (демографический анализ): автореф. ...канд. ист. наук: 07.00.02. –Алматы, 2002. – 30 с.

50 Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. Опыт количественного анализа. – М.: Наука, 1974. – 412 с.; Хромов П.А. Экономика России периода промышленного капитализма. – М.: ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1963. – 285 с.

51 Фридман Ц.Л. Банки и кредит в дореволюционном Казахстане. 1900-1914 г. – Алма-Ата: Казахстан, 1974. – 175 с.; Фридман Ц.Л. Кредит и кредитные учреждения в условиях многоукладной экономики дореволюционного Казахстана // Вопросы истории капиталистической России: проблемы многоукладности: сб. статей под ред. В.В. Адамова. – Свердловск, 1972. – С. 188-203; Рожкова М.К. Экономические связи России со Средней Азией. 40-60-е гг. XIX в. – М., 1963; Зияев Х.З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью. – Ташкент: Фан, 1983. – 167 с.; Литвинова Т.К. Развитие торговли в Казахстане и проникновение товарно-капиталистических отношений в хозяйство казахов во второй половине XIX – начале XX вв. – А-А, 1961. – 217 с. Кушпаева А.Б. Караванная торговля России со Средней Азией через Казахстан (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) // Социально-политическая история Приишимья: сб. статей под ред. Н.В.Алексеевко. – Целиноград: Изд-во обкома компартии Казахстана, 1990. – С. 57-62; Халиев Н.С. Ярмарки Акмолинской области как главный пункт сосредоточения русско-азиатской торговли в Казахстане во второй половине XIX века. // Социально-политическая история Приишимья: сб. ст. под ред. Н.В.Алексеевко. – Целиноград: Изд. обкома компартии Казахстана, 1990. – С. 65–69.

52 Кабульдинов З.Е. Состояние торговли у казахов Омского уезда Акмолинской области // Вестник Павлодарского университета. Серия гуманитарных наук. – 2004. – № 2. – С. 9-17.

53 Бексеитова А.Т. Жәрменкелердің Қазақстандағы сауда-экономикалық қатынастардың орталығы ретіндегі дамуы (Солтүстік - Шығыс аудандардың мәліметтері бойынша. XIX ғ. екінші жартысы – XX ғ. басы): тарих ғыл.канд. дис. автореф...: 07.00.02. – А., 2002. – 29 б; Кожяхметова Г.К. Роль караванных трактов в формировании торгового рынка Северо-Западного Казахстана и Урала (XIX в.) // Вестник КазНУ. Серия историческая. – 2006. – № 4. – С. 39-41; Джаниева Р.М. Торговля и ее формы в уездных городах Степного края в конце XIX – начале XX веков // Вестник КазНУ. Серия историческая. – 2006. – № 4. – С. 44-47; Жанысбеков М.А. Казахстан в торгово-экономических связях со странами Запада в конце XIX – начале XX веков: автореферат. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Алматы, 2002. – 30 с.

54 Бекмаханов Е. Байское хозяйство в Казахстане и его особенности во второй половине XIX и начале XX в. // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и рабочего движения в России. – М.: Наука, 1961. – С. 338-347.

55 Жакупбекова Д.Ж. Торгово-промышленное предпринимательство в Казахстане во второй половине XIX – начале XX веков (на материалах Уральской и Тургайской областей): автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – А., 1997. – 26 с.; Нурсултанова Л.Н. История становления и развития предпринимательства в нефтяной промышленности Казахстана (конец XIX – начало XX вв.): автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – А., 2002. – 138 с.; Мамытова С.Н. История развития предпринимательства во второй половине XIX – начале XX веков: автореф. ... канд.ист.наук: 07.00.02. – Павлодар, 2004. – 24 с.; Тулеуова Б.Т. Развитие предпринимательских тенденций в Центральном Казахстане во второй половине XIX – начале XX веков // Вестник Карагандинского университета. Серия «История, философия, право». - 2004. – № 4 (36). – С. 37-43

56 Конобрицкая Е.М. Карагандинская область (экономико-географическая характеристика). – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1954. – 256 с.; Васильева М.С.

Природа и хозяйство Джезказганского промышленного района. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1959. – 98 с.

57 Козина В.В. Население Центрального Казахстана (конец XIX в. – 30-е годы XX в.). Книга 1. – Алматы: Өркениет, 2000. – 144 с.

58 Тулеуова Б.Т. Место Центрального Казахстана во второй половине XIX-начале XX веков в Евразийском пространстве // Евразия на стыке веков: Материалы международного симпозиума, посвященного 10-летию независимости РК (21 ноября 2002 г.). – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2002. – С. 102-109

59 Галиев В.З. К вопросу о периодизации истории Казахстана // Мысль. – 1995. – № 6. – С. 84-86.

60 Лурье С.В. Историческая этнология. – М.: Аспект-пресс, 1997. – 446 с.

61 Лурье С.В. Евразия: проблемы соседства культур и межкультурного взаимодействия // Вестник Евразии. – 1999. – № 1-2. – С. 20-37.

62 Шелегина О. Адаптация русского населения в условиях освоения Сибири (Историко-этнографические аспекты. XVII – начало XX вв.). Вып. 1. – М.: Логос, 2001. – 184 с.

63 Шпалтаков В.П. Формирование и развитие рыночного хозяйства в Западной Сибири в первой половине XIX века. – Омск: ООО «Литограф», 1997. – 304 с.

64 Щеглова Т.К. Этносоциальные факторы формирования единой ярмарочной сети Западной Сибири и Степного Казахстана во второй половине XIX в. (Акмолинская и Семипалатинская области) // III Востоковедческие чтения памяти С.Г. Лившица. – Барнаул. 2000. – С. 32-41; Щеглова Т.К. Правовые условия развития сибирско-азиатской ярмарочной торговли во второй половине XIX в. (Западная Сибирь и Степные области) // Россия и международные отношения в Центральной Азии (региональный аспект): сб. науч. ст. под ред. Моисеева В.А. – Барнаул. 2001. – С. 67-81; Щеглова Т.К. Ярмарки Западной Сибири и Степных областей во второй половине XIX века. Из истории российско-азиатской торговли. – Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2002. – 236 с.

65 Сметанин С.И. История предпринимательства в России. Учебное пособие. – М.: Палеотип «Логос», 2002. – 194 с.; Хорькова Е.П. История предпринимательства и меценатства в России. Учебное пособие. – М.: «Издательство ПРИОР», 1998. – 496 с.

66 Таштемханова Р.М. К проблеме изучения новой истории Казахстана в немецкой историографии // Вестник КазНУ. Серия историческая. – 2003. – № 3(30). – С. 21-26.

67 Таштемханова Р.М. Казахстан в немецкой историографии. – Павлодар: ЭКО, 2003. – 200 с.

68 Есмагамбетов К.Л. Действительность и фальсификация (Англо-американская историография о Казахстане). – Алма-Ата: Казахстан, 1976. – 200 с.; Его же. Что писали о нас на Западе. – Алма-Ата: Қазақ университеті, 1992. – 152 с.

69 Э. Нельсон Фэлл. Русский и кочевник. Были киргизских степей // Нива. – 2000. – № 1. – С. 100-145.

70 Олкотт М.Б. Казахи // Из истории казахов. Составитель Е. Аккошкарров. – Алматы: Жалын, 1997. – С. 303-336.

71 Бенсон Л., Сванберг И. Казахи Китая // Казахская диаспора: проблемы этнического выживания. – Алматы: Атамұра, 1997. – С. 12-85.

72 ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4864а. – Л. 231, 231(об).

- 73 ГАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7822; Оп. 8. Д. 13914.
- 74 ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10335, 10678; Оп. 4. Д. 55.
- 75 ЦГА РК. Ф. И-369; ЦГА РК. Ф. И-15; ЦГА РК. Ф. И-64.
- 76 ГАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15213; ЦГА РК. Ф. 369; Ф. 15; Ф. 64.
- 77 ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10429, 10565, 10674; ЦГА РК. Ф. И-15. Д. 1789.
- 78 ГАОО. Ф. И-366. Д. 454; ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10398.
- 79 ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Кн. 4. Д. 6858, 6940, 7027, 7118, 7164, 7188, 7264, 7320, 7423, 7424, 7486, 7544, 7671, 7696.
- 80 ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Кн. 6. Д. 10291, 10328, 10343, 10364, 10428, 10463, 10563.
- 81 ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Кн. 4. Д. 10335; Кн. 6. Д. 10648.
- 82 ЦГА РК. Ф. И-8. Д. 310.; ЦГА РК. Ф. И-460. Д. 22, 23.
- 83 ГАОО. Ф. 3; ЦГА РК. Ф. И-15. Д. 369, 393, 460, 212, 10, 13.
- 84 Соколов Л.И. Население. Культура. Колонизация района Туркестан – Сибирская железная дорога. – С-Пб: Тип. Ц. Крайз, 1908. – 130 с.
- 85 Киргизы Уральской степи //Сибирская жизнь. – Омск. – 1899. – № 38. – С. 1-2; О важности заведения в киргизских хозяйствах сенокосных и копных граблей //Киргизская степная газета. – 1900. – № 5. – С. 4; Очевидец. Переселенческий вопрос в Западной Сибири // Наблюдатель. – С-Пб., 1891. – № 8. – С. 121-141.
- 86 Дала уалаятының газеті: адам, қоғам, табиғат. 1888-1902 //Құрастырушы Ү. Субханбердина. –Алматы, Ғылым, 1994. – 815 с.; Айқап энциклопедиясы /Бас редакторы Р. Нургалиев. – Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1995. – 367 с.; Қазақ газеті /Бас редакторы Э. Нысанбаев. – Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1998. – 560 с.; Галиев В.З. Казахстан на страницах дореволюционной печати: «Сибирская газета», «Тургайская газета». – А., 2000. – 185 с.
- 87 Рычков К. Разгром семипалатинской печати из-за местных вопросов // Сибирские вопросы. – 1907. – № 15. – С. 20-22; Его же. Судьбы киргизского землевладения //Сибирские вопросы. – 1907. – № 8. – С. 11-15; Чиркин Г. Необходимость пересмотра Степного Положения //Вопросы колонизации. – 1913. – № 13. – С. 65-72.
- 88 Бокейхан Ә. Жауап хат //Тандамалы. – 2-кітап. – Алматы: “Өлке” баспасы, 2003. – 67-71 б.; Байтурсынов А. Шарушылық өзгеріс // Қазақ газеті /Бас редакторы Э. Нысанбаев. – Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1998. – С. 244-265.
- 89 О выставке в г. Каркаралинске //Акмолинские областные ведомости. –1890. – № 11. – С. 5-6; О выдаче дозволенных свидетельств на право производства разведок месторождений полезных ископаемых //Акмолинские областные ведомости. – 1907. – № 48. – С. 5-6.
- 90 Львович Д. По Киргизским степям. – Пг., 1914. – 224 с.
- 91 ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 338, 374, 443; ГАКО. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 81, 109, 171, 179, 180, 302.
- 92 Алимбай Н., Муканов М.С., Аргынбаев Х. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории. – Алматы: Ғылым, 1998. – 234 с.
- 93 Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV –XVIII вв. – Москва: Прогресс, 1992. – Т. 3. – 679 с.; Бродель Ф. Динамика капитализма. – Смоленск: Полиграмма, 1993. – 127 с.;
- 94 Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.

95 Осипова О.А. Американская социология о традициях в странах Востока. – М.: Наука, 1985. – 235 с.

96 Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М.: Прогресс, 1986. – 272 с.; Хакен Г. Синергетика: Иерархия неустойчивости. – М.: Мир, 1980. – 404 с.; Гомаюнов С.А. Композиционный метод в историческом познании. – М.: МГПУ, 1994. – 143 с.; М.В. Сапронов. Синергетический подход в исторических исследованиях: новые возможности и трудности применения //Общественные науки и современность. – 2002. - № 4. – С. 158-172; Жанабаев З.Ж., Мукушев Б.А. Синергетика в педагогике. – Алматы: Алеем, 2002. – 128 с.; Досова Б.А. Синергетика как подход в историческом познании: историографический аспект: автореф. ...канд. ист. наук: 07.00.09. – Караганда, 2006. – 25 с.

Глава 1. Влияние внешних факторов на развитие традиционного казахского хозяйства

1.1 Административно-земельные реформы второй половины XIX – начала XX веков и казахское общество

В 60-90-х годах XIX века завершилась колониально-континентальная интеграция Казахстана в состав Российской империи. Данный процесс повлек за собой серьезные изменения в политическом, экономическом и социальном развитии региона. В административном отношении были унифицированы ранее созданные органы управления краем и выработана единая система государственно-административного управления на всей территории Степного края.

Казахстан на основании реформ 1867-1868 годов, как известно, был разделен на шесть областей (Уральская, Тургайская, Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская, Сырдарьинская), которые имели различное подчинение (*Карта 1*). Области делились на административные уезды, каждый уезд – на волости, последние – на административные аулы. Во главе областей были поставлены военные губернаторы, назначаемые царским правительством из этнических россиян, уездов - уездные начальники, также прямо назначавшиеся сверху, во главе волостей - выборные "волостные начальники" из казахской среды, аулов - избираемые населением старшины. Каждый казахский аул был приписан к определенному административно-территориальному звену управления краем: административный аул, в частности, базировался на ассоциации общин (аулы, отделения рода, группы родов), волости - на структурах потестарно-политической организации (племя, группа племен и т.п.). Таким образом, реформирование государственно-административного управления Степным краем в 60-е годы XIX века в колониально-континентальных условиях позволило обеспечить объединение казахского кочевого социума.

С утверждением государственно-административной системы управления в регионе были созданы условия для введения регулярного налогообложения казахского населения, в результате которого обеспечивалась непрерывная связь низовых структурных звеньев общества с институтами верховной власти государства. Если в течение 30-50-х г.г. с казахов Сибирского ведомства взимался натуральный государственный налог скотом "ясчная подать", то с 1891 года казахское население региона стало выплачивать единую денежную подать ("кибиточную подать") с любого вида казахского жилища [1, с. 228]. Сроки сбора и сдачи кибиточной подати устанавливались согласно местным условиям. Так, в Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областях они определялись Степным генерал-губернатором, в Уральской и Тургайской – по соглашению министров Финансов и Внутренних дел. В начале XX века сумма денежного земского сбора на территории Казахстана изменилась. С кочевого населения Акмолинской области сумма кибиточной подати стала составлять 1 руб. 70 коп., в

Семипалатинской – 1 руб. 50 коп., в Уральской – 2 руб., в Тургайской – 2 руб. 10 коп. [2, с. 15].

Вместе с тем, если в доколониальном прошлом выплаты налоговых сборов и повинностей рядовыми кочевниками в пользу верховной власти ханов и султанов имели в основном натуральный и добровольный характер, были нерегулярными и незначительными, то теперь была установлена жесткая фискальная зависимость кочевого населения от государства, которая, в силу колониального положения Казахстана в составе Российской империи и многочисленных служебных злоупотреблений различных должностных лиц негативно сказывалась на материальном благосостоянии кочевого населения. Одновременно казахское общество согласно положениям законов 1868-69 гг. и 1891 г. должно было выплачивать дополнительные налоги («ремонтную пошлину», «билетный сбор», «акциз за перепуск скота за линию») [1, с. 228], а также исполнять другие повинности, в том числе обеспечивать продовольствием и юртами воинские команды, проходящие через Степной край.

В рапорте Акмолинского уездного начальника губернатору области за 1883 год отмечалось, что в уезде воинские команды проходят через Акмолинскую, Мунчактинскую, Кызыл-Топракскую, Чурубай-Нурунскую и Спасскую волости. Все тяготы обеспечения проходящих войск продовольствием, топливом ложатся на плечи местного населения. Покупка одного барана казахскому обществу стоит 3-5 руб., команды же платят всего 1 руб.50 коп и 2 руб. 50 коп. Таким образом, казахское общество вынуждено каждый раз доплачивать за барана от 1 руб. 50 коп. до 2 руб. 50 коп. Фиксируя данный факт, уездный начальник рекомендовал в целях облегчения положения местного населения баранов доставлять подрядным способом, причем вместо баранов доставлять мясо по справочной цене за пуд [3, л. 15, 15(об)]. Как мы видим, финансовые трудности местного населения, связанные с выполнением повинностей, осознавала даже официальная власть, стараясь облегчить положение кочевников.

Кроме этого, казахи при прохождении воинских команд должны были за свой счет выставлять одну юрту, обеспечивать топливом и рабочим, отвечающим за ее доставку и присмотр. Так, расход по волостям при проходе 3 казачьих сотен и 1-ой партии новобранцев составлял в Акмолинской волости – 53 руб. 30 коп., Кызыл-Топракской – до 35 руб., Чурубай-Нурунской – до 50 руб., Спасской – до 80 руб., при проходе только одной сотни в Мунчактинской волости – 30-50 руб. в год [3, л.16].

В земельном вопросе официальная политика России в основном была ориентирована на земледельческое русское население, которому, в первую очередь, отдавалось предпочтение в распределении лучших пастбищных угодий и плодородных участков, пригодных для развития земледельческого хозяйства. Так, вопрос о землепользовании и расселении казахского общества был решен в законодательных актах 1867-1868 годов, которые вводили принцип государственной собственности на всю территорию Казахстана. «Все земли киргизов, состоящих в подданстве России, не

составляют их собственность, а принадлежат правительству, которое позволяет киргизам на оных кочевать, охраняет их своими войсками от иноземцев» [4, с. 97]. Данный акт тем самым давал правительству юридическое право отчуждения земель из пользования казахского населения под переселенческие участки.

В законоположениях официальных властей решались также вопросы землевладения. В статье 211 говорится о том, что «признаются землевладельцами на праве полной собственности лица, имеющие на владение землею узаконенные акты» [4, с. 96-97]. Таким образом, вопросы казахского землевладения решались на основании ранее выданных документов о праве личной собственности на землю. Но «прежний вольный киргиз ничем и никем не мог быть стеснен в своих желаниях зимовать и летовать где он хочет» [5, с. 28]. Поэтому, по замечанию управляющего Заборовского, с 1822 по 1868 годы казахи не воспользовались правом наследования земли как недвижимой собственностью, которое предоставлялось им при условии занятия хлебопашеством, так как им не свойственно было понятие о личной собственности [6, л. 2, 2(об)]. Соответственно, так как у большей части казахского населения отсутствовало зафиксированное в документах право собственности на землю, российское правительство получило формальное основание для объявления земель казахского общества государственной собственностью.

Вместе с тем реформы 1867-1868 годов предусматривали возможность приобретения казахами права на владение землями, жилыми и хозяйственными строениями при условии занятия земледелием и перехода в оседлое состояние. В это время оседание происходило не просто отдельными семьями или бедными аулами, факты которого можно было встретить уже с конца XVIII в., а целыми родами. Как говорилось в официальных письмах, «для киргиз же, которые изъявляют желание заниматься земледелием, должны изыскиваться особые участки... внутри степи, в местностях, особенно благоприятствующих занятию хлебопашеством. Размеры эти должны быть в зависимости от числа желающих занять ту или иную местность, причем на каждую рабочую душу положить надел 15-ти десятин» [7, л. 14(об)]. Такая поддержка российской администрации стала играть важную роль в определении статусности социально-политической группы. Многие ранее бывшие слабыми роды, получив поддержку колониальных властей, становились политически выше сильных кочевых родов, а, пользуясь льготами и иногда «ножницами цен», и экономически сильнее их [8, с. 16].

В целом, в реформах 60-х годов XIX века вопрос о праве владения казахским обществом землею тесным образом был связан с политикой оседания и прикрепления казахов к земле. Положение 1886 года еще более жестко подошло к вопросу определения прав оседлого и кочевого населения. Если статья 270 гласит о том, что «государственные земли предоставляются в бессрочное пользование кочевников, на основании правил и обычаев сего положения, то статья 279 дополняет, что, только переходя в оседлое положение, казахи получают право закрепления за собой обрабатываемых

земель на тех же основаниях, на каких ею пользовались оседлые крестьяне [9, с. 78-79].

Как видно, переход к оседлому состоянию и занятие земледелием создавали определенные условия казахскому обществу для закрепления земли как фактической собственности: «Земли, отведенные для хлебопашества переходят в наследственное пользование, доколе будут возделываться, с прекращением же на них хлебопашества возвращается в общественное владение» [10, л. 194(об)]. Это стало причиной того, что в конце XIX – начале XX века происходил весьма своеобразный процесс - развитие земледельческой культуры ради закрепления права на землю. По замечанию А. Кауфмана, «киргизы пахали только для вида, посеянного хлеба даже не убирали» [11, с. 55].

Среди материалов Главного управления Западной Сибирью имеются заявления выборного Атбасарского уезда Джездинской волости Косшибая Тайбергенова и киргизов Адырбая Коспулова и Тымкинбая Кувандыкова от 28 и 18 кибиковладельцев о желании устроить оседлые поселения на реке Джезды с тем, чтобы им было отведено достаточное количество земли для хлебопашества, сенокосения и пастьбы скота. Позже к ним присоединились еще 11 кибитковладельцев [12, л. 161, 161(об)]. Позднее в ответе старшего межевщика Котельво, произведшего оценку запрашиваемой территории, указывается, что "просимые места вследствие местных экономических удобств найдены малоудобными. Однако главное желание просителей - не хотят оставить прежние места". И как в подтверждение к изъявленным заявлениям присоединяются Муртазай Беркердин и Кенчибай Джарыспаев (всего 5 душ мужского пола) [12, л. 208, 208об, 284]. В 1896 году было удовлетворено ходатайство казахов Атабасарского уезда о разрешении образовать оседлое поселение на реке Кайракты по обе стороны реки, где имелись хорошие земли для хлебопашества и сенокосные места [13, л. 90]. Как мы видим, в прошениях казахов Атбасарского уезда желание заняться земледелием ради сохранения традиционного хозяйства и приобретения права на землю объясняло их повышенный интерес к вопросу о земле.

Перед властями ходатайствовали об образовании оседлых поселений и казахи Акмолинского уезда. Например, в 1893 году жители Нельдинской волости Акмолинского уезда Аман Турсунов и Егинбай Чотов испрашивали разрешения образовать оседлое поселение в урочище Бузунгань-Кырган [13, лл. 24, 32].

Однако факты перехода казахов в оседлое состояние в конце XIX века были единичны. Так, в 90-е годы XIX века уездные начальники Акмолинской области в своих рапортах отмечали, что «киргизы не принимают условий, изложенных в распоряжении Степного генерал-губернатора о том, что они должны будут оставить кочевой образ жизни и принять 15 десятин земли на душу» [13, л. 56]. Поэтому, в своих выводах представители власти делают большой упор на необходимость колониальных мероприятий: «основываясь на таком расположении киргиз к образованию оседлых поселений, можно сделать вывод о том, что только течение времени, а главное колонизация

края русскими и живой пример могут заставить киргиз переходить к оседлой жизни» [13, л. 163]. В целом, реформы 60-80-х годов XIX века создавали правовые предпосылки для усиления процессов имперской колонизации казахской степи.

Административные преобразования 1868 года сыграли также важную роль в формировании торговой сети на территории Степных областей и в установлении связей с рынками Западной Сибири. В конце XVIII – первой половине XIX веков торговая колонизация опережала правительственную, но установлению тесных экономических отношений мешала нестабильная политическая ситуация на азиатских территориях [14, с. 111]. В результате административно-территориальных реформ были устранены многие недостатки, препятствовавшие мирному товарообмену.

В 1891 году российское правительство в целях укрепления своей власти в Казахстане издает так называемый «Степной закон», в котором особое внимание уделяется расширению контроля России над использованием земли. Данный документ еще раз подтвердил принцип государственной собственности на землю. В отчете Степного генерал-губернатора Г.А. Колпаковского за 1897 год отмечается, что на «основании, утвержденного 25 марта 1891 года Степного Положения, земли, занятыми киргизскими кочевьями, хотя и признаются государственной собственностью, но оставляются в бессрочном общественном пользовании кочевников в пределах фактического владения, причем каждый кочевник имеет право на участке, отведенном в его пользование для зимового стойбища, обрабатывать землю, разводить сады, огороды и возводить жилье и хозяйственные постройки. Земли, обработанные, а равно занятые постройками и насаждениями, переходят по наследству, доколе земля возделывается или существуют строения и насаждения» [15, с. 91].

Между тем материалы экспедиции Ф. Щербины показали, что землепользование казахов чрезвычайно сложно. В степи наблюдались все формы земельного владения, начиная от общего пользования землей, как родовой собственностью (например, южные уезды Атбасарского уезда и летние пастбища Павлодарского уезда) и доходя до индивидуализации зимних пастбищ в Павлодарском уезде в виде продажи, аренды земли, дарения, передачи в виде калыма (Павлодарский уезд) [16, с. 27]. Так же весьма сложен и многообразен был вопрос о границах казахских пастбищ. Если пользование джайляу, летними пастбищами почти не определялось какими-нибудь границами, то границы осенних пастбищ были более определенными; по отношению к призимовочным территориям границы владения уже совершенно точны. Все это не учитывало Степное положение 1891 года, что неизбежно вело к противоречиям.

Все законотворческие опыты российского правительства в вопросах казахского землевладения основывались на смутном представлении о Степном крае, жизнь которого оно предполагало изменить. Как было отмечено, Степное положение устанавливало, что земли находятся у казахов в общественном пользовании. На этом было основано изъятие части земель

казахов под переселенческие участки. Предполагалось, что отрезка земли из пользования того или иного кочевника компенсируется простым перемещением его на другие земли, которые ему должна выдать община. В записках Русского географического общества за 1898 год приводится случай, когда для устройства Акмолинской сельскохозяйственной фермы с целью пропаганды земледелия, оседлого образа жизни и повышения сельскохозяйственной культуры среди кочевников были отобраны земли у одного казахского аула. По «Положению» казахская община должна была отвести аулу земли в другом месте. Но пять лет казахи этого аула вынуждены были бродить по степи, несмотря на многочисленные предписания администрации отвести им угодья от общинных земель. Объяснение этому одно - в данной местности не было свободных общинных земель [17, с. 27].

Таким образом, административно-земельные реформы Российского государства, носившие ярко выраженный колониальный, имперский характер, вводили принципы государственной собственности на землю в казахской степи, единого налогообложения, поощряли расхищение земель применительно к интересам переселенческого и казачьего населения.

Изъятие земельных площадей под заселение и другие государственные надобности, нарушало естественное развитие казахского скотоводческого хозяйства и искусственно создавало земельное утеснение. Это вызывало недовольство со стороны кочевников, которое нередко выливалось в открытые столкновения с чиновниками. Буквально как крик души можно оценить телеграмму 163 выборщиков-казахов Семипалатинской области в Государственную Думу с просьбой о признании за киргизами, населяющими Семипалатинскую область, права собственности на землю, ими заселенную, и требование, впредь до разрешения земельного вопроса в законодательном порядке Думою, приостановить временным законом переселение крестьян в Семипалатинскую область [18, с. 20-21].

Недовольство колониальной политикой российской администрации высказывала также передовая общественность. Так, известный публицист Н.М. Ядринцев еще в конце XIX века стоял за то, чтобы при вселении переселенцев принимались все меры к тому, чтобы от этого не пострадали интересы старожилов и туземного населения [19, с. 22]. Таким образом, общественность подвергала критике не саму политику переселения, а методы и приемы изъятия земель, которыми пользовалась официальная власть.

Решительно была настроена казахская интеллигенция, которая первоначально допускала вселение крестьян. Но по мере проявления колониальной сущности политики России, поддержка сменилась отрицательным отношением к политике отчуждения земли у казахов без их согласия.

Стихийное движение по закреплению земли за казахским обществом нашло свое выражение в проектах по земельному вопросу казахов-депутатов I Государственной Думы. В поправке, внесенной депутатами от Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской и Уральской областей Нароконевым, Коцегуловым, Беремжановым, Каратаевым, в проекте

резолуции по аграрному вопросу было обозначено: "В Основном законе должно быть написано, что киргизские земли принадлежат на праве вечной собственности киргизскому народу без всяких других совладельцев. Закон о признании киргизских земель государственной собственностью и о переселении на них русских мужиков должны быть отменен, уничтожен. Без позволения самих киргиз русские не должны отбирать землю ни во временное пользование, ни в вечность» [17, с. 59].

В свою очередь, процесс изъятия земель в крае породил у казахского населения желание закрепить за ними земельные участки, находящиеся в их владении. Во многих районах Степного края, особенно там, где активно развивалось земледелие и ощущался недостаток пригодной земли, казахи обращались к местным властям с прошениями об отводе земли с желанием строить постоянные жилища, заниматься хлебопашеством, сенокосением [4, с. 176-162].

В целом законоположения российского правительства по вопросам землепользования носили ярко выраженный колониальный характер, например, по вопросам определения размеров участков, отводимых в пользование для занятия земледелием. Так, каждая казахская семья имела право на пользование 15 десятинами земли для личного пользования или для совместного пользования с другими членами своего аула, изыскав при этом, земельные резервы внутри общины, в то время как для русских переселенцев сразу же отводились земли в размере 30 десятин, а с 1882 года по 15 десятин на душу [20, с. 525]. При этом в расчет не брались особенности почвенно-климатических условий Казахстана и его регионов, поэтому зачастую казахам доставались непригодные для ведения традиционного хозяйства участки земли.

Характерным явлением второй половины XIX – начала XX веков было то, что для устройства переселенцев у казахского населения изымались не просто наиболее плодородные земли и пастбища, а именно те земли, на которых развивалось и могло далее развиваться земледельческое хозяйство казахов-кочевников [1, с. 231]. В начале XX века представители местной администрации отмечали, что «с заселением степи крестьянами количество пастбищных площадей у киргиз действительно сократилось, но еще более сократилась площадь запашек, так как почти все земли отошли крестьянам, вопреки правилам об образовании участков, по которым пашни должны были оставаться в пользовании киргиз» [21, л. 44]. Как видно, в конце XIX – начале XX веков происходило вытеснение казахского земледелия, так как казахи-кочевники не только лишались богатых пастбищных угодий, но и наиболее плодородных участков земли для развития земледельческого хозяйства.

Наиболее ущербной и тяжелой для казахского землепользования была 120-я статья Степного закона 1891 года, в частности примечание к данной статье, согласно которой все земли, могущие оказаться излишними для кочевников, поступали в ведение Министерства земледелия и государственного имущества. Данная статья также наделяла правом

отнимать силой закона землю у тех казахов, которые отказывались выполнять положения закона [15, с. 92]. Кроме этого, российские предприниматели получили широкие возможности для овладения горными богатствами Казахстана, так как недра земель, объявленных государственными, поступали в распоряжение горнопромышленников без всякого вознаграждения в пользу землепользователей, если на них не было построек или древонасаждений. В последнем случае горнопромышленники оплачивали только стоимость построек и садов, от уплаты же земельной ренты они освобождались [4, с. 81].

Закон 1891 года значительно сужал возможности казахского общества в плане арендных отношений. Так, согласно статье 126, казахи имели право «сдавать земли, находившиеся в пределах их зимовых стойбищ в наем на срок не свыше тридцати лет лицам русского происхождения для земледелия и устройства фабрик, заводов, мельниц и других подобных заведений [4, с. 81]. Деньги, вырученные от сдачи земли в аренду, при этом должны были поступать на общественные нужды.

Однако изменение экономической ситуации, ориентир кочевое хозяйство на рынок, потери большей части скота, обусловленные суровыми зимами и болезнями, вынуждали казахов изыскивать иные пути для поддержания своего благосостояния, заставляя их адаптироваться к новым законам и внешним административно-правовым факторам. В этой связи казахское население выработало такие порядки в вопросе землепользования, что они стали мало отличаться от понятия собственности. В обход существующему законодательству обрабатываемая земля сдавалась в аренду, либо под видом долгосрочной аренды продавалась другим лицам. Арендаторами выступало также русское и казачье население, которым сдавались как зимовки, так и пашенные земли [22, с. 211].

Характерным явлением исследуемого периода становятся факты залога зимовок кочевниками, что говорит о развитии рыночных отношений. Бедняк, передавая на один-два года зимовку богачу, получал плату, размер которой определялся отчасти состоянием травостоя. Помимо денежной платы, хозяева земельных участков могли получить за зимовку $1/20$ и даже $1/10$ часть пасущегося на ней скота [22, с. 211]. Так, в Дегеленской волости Каркаралинского уезда 21 хозяйственный аул арендовал на 25 лет землю у двух киргиз из 3 хозяйственного аула, ушедшего на Иртыш. Одному заплатили 120 рублей, другому за урочище «Кзыл» - 45 бойдаков. На основании данного факта в 1891 году был составлен письменный договор [23, с. 181].

Среди архивных материалов можно встретить интересные случаи развития арендных отношений. Так, казах Спасской волости Акмолинского уезда Такабай Джанабаев подал прошение о том, что отведенные ему по акту зимовые стойбища урочища Карабужур были проданы киргизами одной с ним волости акмолинскому мещанину Рудикову до 1900 десятин земли по распашку пашен. Позднее Джанабаевым было через полицейского пристава истребован от Рудикова документ о заключении теперь уже с ним аренды на

землю на 24 года. Сумма назначалась ничтожная – 190 рублей [24, л. 1, 1(об)]. Факт перепродажи ранее отведенных земель основывался на незнании казахским населением процедуры заключения арендных отношений.

Довольно распространенной в казахской степи была практика сдачи земли в аренду нескольким лицам. Как замечает акмолинский уездный начальник в своем рапорте военному губернатору области в 1900 году «киргизы, владельцы отдельных мест Атбасарского уезда по рекам Сары-Узен, Сары-Су и Чу, изобилующих кормами, присвоили себе право исключительной собственности на них, злоупотребляют этим правом, назначая слишком высокую цену за выпас скота, а иногда один и тот же участок сдают в аренду нескольким лицам, причем многие прибегают к вымогательствам» [25, л. 58]. Как видно, воздействие внешних факторов, распространение рыночных отношений сопровождалось различными проявлениями адаптивных способностей казахского населения, быстро реагирующих на изменение спроса и предложения.

Однако недостаточное знание казахским населением особенностей рыночных отношений, в том числе арендных, часто использовалась русскими крестьянами, мещанами для развития собственного земледельческого хозяйства. Надо отметить, что аренда земель у казахов переселенческим и казачьим населением обставлялась российским законодательством различными затруднениями, но желающие за бесценок арендовать земли почти всегда находили выход из ситуации. На данный факт в 1894 году указывала передовая общественность того времени, которая отмечала, что «с проведением железной дороги вывоз зерна облегчится и можно думать, что эксплуатация киргизских земель примет более широкие размеры и на юге Акмолинской области разовьется своеобразное помещичье хозяйство» [26, с. 323].

Этому также способствовала ничтожная арендная плата за землю казахского населения – 5 коп. за десятину на продолжительный срок, иногда до 30 лет [26, с. 322]. В данном случае страсть к земледелию охватила все слои населения: крестьян, казаков, купцов, чиновников, мещан, разночинцев. Причем земледельцы не озадачивались развитием интенсивного хозяйства, а, распахивая землю пластами, на следующий год бросали ее. В связи с этим администрация Степного края, озадаченная варварским распахиванием степных земель, была вынуждена принять серьезные меры, и запретила арендаторам распахивать земли казахского населения до тех пор, пока не соблюдались установленные законом условия аренды.

Нередко происходила купля-продажа земельных участков. Ряд хозяйственных аулов Дегеленской волости Каркаралинского уезда имели ближайшую к кстау площадь в исключительном пользовании отдельного аула, что означало «право свое зимнее пастбище и покос продавать и давать в аренду без разрешения других», хозяйственные аулы Бюрлинской волости этого же уезда являлись «полновластными хозяевами своих зимних пастбищ, могли их продавать, сдавать в аренду, что и бывает нередко», в Беркаринской

волости Каркаралинского уезда аксакалы Кулатай Белес и Бейсек Бакал купили призимовочную территорию у соседних хозяйств [23, с. 258].

Таким образом, покосы, луга, пашни стали оцениваться не только в натуральном, но и денежном отношении, что свидетельствует о проникновении рыночных отношений. Путем аренды, залога и продажи земель бедная и богатая часть населения могла поправить либо улучшить свое материальное состояние, пытаясь тем самым адаптироваться к меняющимся условиям.

Если рассматривать порядок пользования сенокосами в казахских обществах, то здесь так же можно выделить разнообразные формы землепользования.

Наиболее распространенная формой пользования сенокосных угодий была подворно-наследственная, при которой каждое хозяйство имело в своем распоряжении определенный сенокосный участок. Как отмечает С.И. Руденко, характеризуя земельные отношения у восточных казахов, «покосы эти являются предметом собственности, переходят от отца к сыну и передаются за более или менее значительную цену, в зависимости от качества зимовки и ценности прилегающих к ней угодий» [23, с. 233]. В центральной части Казахстана данная форма также получило широкое распространение. Так, в Акмолинском уезде - 55% [27, с. 121], а в Атбасарском уезде – 44,6% [28, с. 114] хозяйственных аулов имели в подворном пользовании сенокосные угодья. В Каркаралинском уезде Семипалатинской области экспедицией Ф. Щербины отмечено, что «права на покос отдельных лиц в достаточной мере фиксированы и что владение их приближается к праву полной собственности на них» [29, с. 28]. П.Е. Маковецкий, обобщая материал по Павлодарскому, Каркаралинскому и Семипалатинскому уездам, собранный в последней четверти XIX века, отмечает, что «кочевки отдельных хозяйств и близлежащие сенокосы составляют их частную собственность» [23, с. 235].

Даже в таких богатых ценными сенокосами уездах, как Акмолинский и Атбасарский, казахи говорили, что «без граней худо, много бывает споров и драк, лучше, если у каждого будет своя земля» [28, с. 115]. Так, права местного общества на имеющиеся в южной части Атбасарского уезда пастбища и сенокосные участки отстаивались достаточно жестко. Не обладая излишком кормов и ощущая их недостаток, вследствие того, что соседние сырдарьинские казахи ежегодно потравляют своим скотом прибрежные земли по рекам Сары-Су, Сары-Узень, баганалинские кочевники запрещали в начале XX века кому-либо перегонять свои стада в этот район. Исключение составляли только аргынские казахи и то, только в силу родственных отношений. На данный факт обращает внимание Военного губернатора атбасарский уездный начальник в 1900 году [25, л. 59, 59(об)].

В большинстве случаев сенокосные угодья с давних пор распределялись между отдельными аулами с установлением определенных межаульных границ, которые при этом не отличались прочностью. Например, в Атбасарском уезде Акмолинской области, необеспеченный сенокосами аул,

ежегодно выпрашивает часть сенокосных угодий у соседнего и пользуется им, как своим [28, с. 114].

Во второй половине XIX – начале XX веков в связи с введением государственной собственности на землю, недостаточным количеством богатых сенокосов в казахских хозяйствах имела распространение совместная заготовка сена с последующим разделом его между хозяйствами. Так, в Каркаралинском уезде из 3379 аулов – 1705 хозяйств (50,6%) производили покос совместно, а затем делили сено между собой [30, С. 28]. Семейно-родственная группа из 29 хозяйств Беркаринской волости Каркаралинского уезда, объединенная общим предком в четвертом поколении Найманбаем, имела покосы на озере Тамырдыры. Сено косили сообща, при этом в одном хозяйственном ауле его делили по количеству скота, в другом – по усмотрению аксакала, в остальных – по расходам [23, с. 238].

Нехватка сенокосных площадей обуславливала распространение фактов аренды покосов. Так, в конце XIX века хозяйственный аул аксакала Бошек Дюйсеке Кентской волости Каркаралинского уезда своих покосов не имел и арендовал их у казаков [23, с. 251].

Вместе с перечисленными формами пользования сенокосами существовали смешанная форма заготовки сена и свободная косьба на летних пастбищах, покос по руслу больших рек, озер и болот.

Так, несмотря на введение ограничений со стороны администрации в праве пользования традиционными пастбищами, пашнями и сенокосами, казахское общество сумело приспособиться к новым порядкам. Более того, наоборот, землеустройство казахов постепенно способствовало укреплению у них понятия о собственности на землю как важном источнике их материального благосостояния. Как отмечает С.Н. Малтусынов, «в традиционных представлениях номадов о земле была пробита брешь: формируется прагматический взгляд на землю как на вещь, появляется понятие об индивидуальной собственности на землю» [31, с. 93].

В целом имперская административно-земельная политика положила предел традиционному развитию казахского общества. «Заселение степи русскими переселенцами и вовлечение ее в мирную торговлю, которая начала в усиленном темпе развиваться с проведением железнодорожных машин, - указывает В.А. Тресвятский, - не могли не произвести переворота в хозяйственной жизни киргиз. Натуральное скотоводческо-кочевое хозяйство киргиз стало превращаться в товарно-денежное, а возникшие капиталистические отношения раскололи киргизский народ на новые экономические классы, не имеющие ничего общего со старыми родовыми группами» [32, с. 71]. Поэтому если ранее казахскому народу, как и всем кочевым народам, было присуще понимание полной свободы по отношению к земле, то в рассматриваемый период на смену старым родовым началам в казахском хозяйстве приходят новые экономические явления, свидетельствующие об эволюции родового строя в Степном крае.

Во второй половине XIX – начале XX веков в Казахстане во время казачьей, а затем крестьянской колонизации, распространения рыночных отношений имело место сокращение пастбищных земель на фоне увеличения численности населения и роста численности скота. Это препятствовало дальнейшему развитию экстенсивного кочевого скотоводства и заставляло казахское общество приспосабливаться к новым условиям, переходить к более регулярному и интенсивному использованию степных пастбищ. В местностях с более благоприятными естественными условиями – богатыми пастбищами и обильными сенокосными угодьями – процесс этот выражался в сокращении кочевков, появлении и постепенном распространении сенокосения, переходе к зимнему содержанию скота на сухом корме и увеличении продолжительности пребывания на зимних стойбищах.

Вместе с тем картина чисто скотоводческого хозяйства в исследуемый период дополнилась усилением роли земледелия, которое проникало в Казахстан с юга – от земледельческих народов Центральной Азии, и с севера – от русского населения.

Анализируя изменения в казахском обществе в начале XX веков, В.А.Тресвятский замечает, что «процесс развития киргизского хозяйства выражался в устройстве постоянных зимних жилищ, затем развитии сенокосения и земледелия. В связи с этим наблюдалось сокращение перекочевков во времени и пространстве, удлинении срока пользования призимовочными пастбищами и более интенсивное зимнее содержание скота. Теперь немало киргизских общин, сохранивших только видимые формы кочевого быта; круглый год они вращаются около своих зимовок, откочевывают на лето не более 5-6 верст, зимою держат на подножном корму только гулевых лошадей, овец же, рогатый скот и рабочих лошадей кормят всю зиму сеном, причем все почти занимаются земледелием» [32, с. 66].

Как мы видим, российская колонизация и крестьянское переселение ускорили естественное сокращение количества пастбищ, так как повлекли за собой изъятие из пользования казахов значительных лучших участков степи. В свою очередь, данный процесс изменил отношение степняков к вопросам землевладения, заставил их более интенсивно использовать сохранившиеся участки, отстаивать свои права владения землею. Вместе с тем в исследуемый период, несмотря на большие изменения в регионе, существовали местности, где традиционное кочевое хозяйство продолжало играть важную, если не решающую роль, в экономике казахского общества. Данный факт был обусловлен наличием более благоприятных для развития скотоводства обширных степных пространств, особенностями природно-климатических условий, неблагоприятных для развития земледельческой культуры в регионе, незначительным влиянием хозяйства переселенческих крестьян.

Таким образом, административно-земельные реформы второй половины XIX – начала XX веков, изначально являясь внешним, имперским фактором, изменили традиционную жизнь казахского общества, вынудили его адаптироваться к меняющимся административным и социально-экономическим условиям. Если до XIX века формы адаптации казахского

хозяйства в разных регионах Казахстана зависели от особенностей природно-климатических условий, то второй половине XIX века процессы адаптации традиционного казахского общества обуславливались проникновением внешних факторов, степенью близости к оседлым поселениям, влиянием рыночных условий, а также характером внутренних изменений в развитии экономики кочевого хозяйства.

1.2 Хозяйственно-экономические факторы адаптации традиционного казахского общества к рыночным условиям

Российская административно-политическая система, вторгаясь в традиционную структуру общественных отношений казахов, разрушала экономическую основу существования казахского кочевого общества. Захватывая огромные земельные пространства в казахской степи в целях разрешения аграрного кризиса в центральной части России и наделения переселенческого населения землей, обеспечения источниками сырья развивающейся промышленности, имперская администрация сковывала развитие традиционного казахского хозяйства, тем самым, усугубляя кризис кочевого скотоводства. Неэквивалентный обмен скотоводческой продукции казахского общества пагубно отражался на производительности кочевого скотоводства. Как замечает отечественный исследователь, «внутри себя казахское кочевое скотоводческое общество не имело потенциальных возможностей интенсивного развития разделения труда. Только по мере оседания номадов, перехода их к земледелию и других видам хозяйственной деятельности, втягивания в рыночные, товарно-денежные капиталистические отношения в их социально-экономической структуре наступают принципиальные изменения» [9, с. 135]. Однако, продолжает далее Б.М. Абдрахманова, «именно разрушительные последствия российского экономического и политического влияния, несмотря на всю катастрофическую болезненность их для казахского общества... в XIX веке, имели позитивное значение для его дальнейшего развития». Поэтому существенным внешним фактором адаптации казахского общества к рыночным условиям являлась, как было показано в предыдущем параграфе, российская административно-политическая система и вытекающие из нее колониальные отношения.

Одним из средств колониального освоения новых территорий и включения их в рыночное пространство российской экономики являлось развитие внутренней торговли на территории Казахстана.

Широкое распространение в казахской степи имела разъездно-меновая торговля, осуществляющаяся кочующими торговцами - представителями крупных купцов и торговых фирм. Углубляясь в отдаленные уголки Степи, они в порядке неэквивалентного обмена выменивали промышленные товары на скот, шерсть, кожи и другие изделия скотоводческого хозяйства. При этом торговцы-алыпсатары «имели 200 процентов чистой прибыли», не считая ростовщической прибыли, которую получал купец, отпуская товары в кредит

[33, с. 112]. Однако, несмотря на явный грабеж местного населения, такая форма обмена позволяла казахам адаптироваться к существующим реалиям.

Для уплаты налогов, поднесения взяток и других нужд кочевникам были необходимы деньги, поэтому они были вынуждены предлагать торговцам скот и скотоводческую продукцию. Как отмечается в дореволюционной периодической печати, «главнейший источник добывания средств для отбывания денежных и натуральных повинностей, равно как и для собственного существования, для киргиз Уральской области служит скотоводство. Оно, составляя природное занятие кочевников, не только дает могущественное средство к обеспечению продовольствия, но и даже определенную их форму бытия» [34, с. 2]. Аналогичная ситуация была характерна для всего Казахстана.

Важной особенностью разъездной торговли был ее ростовщический характер. Ростовщики, пользуясь материальными затруднениями казахов в уплате налогов и податей, давали деньги в кредит под большой процент либо выдавали под баранов деньги, считая по 1 рублю за голову нынешнего приплода, затем продавая его не дешевле 3 руб. и 3 руб. 50 коп. [33, с. 113]. Таким образом, государственные налоги, поборы способствовали вовлечению казахского хозяйства в рыночные отношения, формированию полноценного товарного рынка, а развитие торговли, в свою очередь, являлась важным фактором адаптации казахского общества к рынку.

Важную роль в развитии всероссийской (евразийской) торговой сети сыграли ярмарки, которые в силу скотоводческой специализации Акмолинской и Семипалатинской областей явились преобладающей формой торгового обмена. Для России торговля со Степью диктовалась нуждами общеимперского рынка в скотоводческом сырье и сбыте собственной продукции, казахское же общество испытывало потребность в русских товарах - мануфактуре, металлических и кожевенных изделиях.

Как отмечает Т.К. Щеглова, организация ярмарочной сети в Казахской степи во второй половине XIX века включила казахское скотоводческое производство в активный всероссийский товарообмен и промышленное производство сопредельных западносибирских регионов [14, с. 145]. Ярмарочные системы Степных областей были связаны общими маршрутами движения товаров. Вместе с тем в силу исторических традиций, обусловленных геополитическим положением, у каждого степного региона сформировались самостоятельные рынки сбыта: для Семипалатинской области – это была торговля с Томской губернией, Восточной Сибирью, Семиреченской областью и Китаем, для Акмолинской области – с Тобольской губернией, Уралом и среднеазиатскими городами [14, с. 149]. Местное население также активно участвовало в организации ярмарок и обеспечивало российскую администрацию и ее чиновников лошадьми на крупных ярмарках, имея при этом серьезный экономический интерес. Так, регулярно для откомандированных для сбора денег на Таинчинской и Константиновской ярмарках в Акмолинской области выделялись деньги для найма лошадей у казахского населения [35, л. 6(об)].

Так, важной формой колонизации Степного края и хозяйственно-экономическим фактором адаптации казахского общества к рынку стало создание торговой сети на территории Казахстана. Степные ярмарки способствовали проникновению товарно-денежных, рыночных отношений в кочевое хозяйство, обеспечивали экономическое взаимодействие скотоводческих и земледельческих хозяйств в условиях формирующегося внутреннего степного рынка.

Быстрое развитие капитализма в пореформенной России, распространение рыночных отношений в колониальных окраинах, втягивание регионов в национальный и мировой общий товарооборот, военно-стратегические и политические цели Российской империи настоятельно потребовали строительства железных дорог в Сибири, Казахстане и Средней Азии. Как отмечает М.Х. Асылбеков, первые шаги этого строительства относятся к 70-м годам XIX века [36, с. 182]. Данное мероприятие производилось методом жестокой эксплуатации и обмана строительных рабочих, на стройках царили произвол, взяточничество и насилие.

Важным фактором адаптации казахского общества к рыночным условиям явилось возникновение промышленных центров в Казахстане. Развитие горнодобывающей промышленности было тесным образом связано с насущными потребностями развития капитализма в пореформенной России. Так, в начале XX века из общего количества получаемой меди в Сибири (300.00 пудов) около 270.000 пудов было добыто в Акмолинском уезде на Спасском заводе [37, с. 188]. Выплавленный на предприятиях Центрального Казахстана металл направлялся вьюками на верблюдах или гужом более чем за 700 км в городах Павлодар, а затем по реке Иртышу – к Сибирской железной дороге и дальше в город Екатеринбург или к Каркаралинску и Петропавловску, а оттуда - в центр России.

Возникновение промышленных предприятий в Казахстане положило начало формированию национального пролетариата. Развитие товарного хозяйства, распад патриархальных общин, потеря пастбищ и скота ускорили обнищание части казахского населения. Число отходников на промышленные предприятия в конце XIX века среди казахов северного и восточного Казахстана составляли от 30 до 60% от общего числа аульного населения [38, с. 161].

Для развития промышленности и распространения товарно-денежных отношений имело значение строительство железных дорог на территории Казахстана. В результате этой акции отчуждались традиционные пастбища и плодородные земли, разорялось местное казахское общество, что приводило в свою очередь, к распространению отходничества и развитию применения наемного труда. В целом железные дороги служили средством эксплуатации региона, превращая его в сырьевой придаток капиталистической промышленности Российской империи, в рынок сбыта и источник сырья.

Вместе с тем железные дороги способствовали проникновению товарно-денежных отношений в Казахскую степь, способствовали налаживанию

торгового обмена между Россией и Казахстаном, дали толчок развитию промышленности на местах. Как указывают отечественные исследователи, богатые казахи, адаптируясь к потребностям рынка, создают вдоль железнодорожных линий центры крупного промышленного скотоводства, повышают товарный характер скотоводческих хозяйств. Так, со станций Сибирской железной дороги в 1904-1907 годах было вывезено 19.995.500 пудов мяса, а со станций Ташкентской железной дороги – 1.672.000 пудов мяса, в 1911 году соответственно 2.562.000 и 1.119.000 пудов мяса [39, с. 46]. В целом, товарообмен между Россией и Казахстаном носил ярко выраженный колониально-имперский характер. Казахская степь, являясь источником скотоводческого сырья, взамен получала готовые российские промышленные изделия, что тормозило развитие собственной национальной промышленности.

Важной стороной политики Российской империи в Казахстане и Сибири было переселенческое движение крестьян из центральных губерний в эти регионы. Общий прирост переселенческого населения в степные области, по официальным данным переселенческого управления, за период 1906 – 1916 годы составил в Акмолинском переселенческом отделе 276.679 душ мужского пола, в Тургайско-Уральском – 221.119, в Семипалатинском – 82.789 душ мужского пола, а всего в казахские степи – 673.913 мужчин или около 1 млн. 300 тыс. человек [40, с. 54-55]. Для обеспечения переселенческого населения землей в 1885 году был образован «Западно-Сибирский переселенческий отряд», который в 1893 году заготовил под переселенческие участки в Семипалатинской области 33 тыс. десятин земли, в Акмолинской области – до 280 тыс. десятин земли, куда к тому времени переселилось 12.400 крестьян [41, с. 104].

Временные жилища переселенцев

Фотография из фондов Российской национальной библиотеки

Всего для нужд русского населения в Казахстане к 1917 году было изъято 30,7 млн. десятин. У казахов Степного края для ведения кочевого скотоводства оставалось примерно до 212 млн. десятин, что составляло 82,5% [42, с. 131], из которых большая часть была непригодна для ведения отгонного скотоводства. Данный факт привел к дальнейшему усугублению кризиса кочевого скотоводства, концентрации скота и земель в руках зажиточной части общества, дальнейшему расслоению казахского социума и обнищанию основной массы кочевников.

Однако, несмотря на кризисные явления, вторую половину XIX века, за исключением нескольких лет, можно рассматривать как достаточно динамичный период в истории казахского кочевого скотоводства. В это время рыночные отношения и торгово-ростовщическая эксплуатация в Казахстане уже получили свое развитие, но проникли в экономику казахов еще недостаточно глубоко: показатель вовлечения скотоводства в товарно-денежные отношения в 1909 году составлял около 19,4% [39, с. 43]. Поэтому расслоение казахского общества характеризуется исследователями как относительное (по отношению к байству) обнищание крестьянства, но еще не абсолютное [33, с. 130].

В целом, рост социально-хозяйственной дифференциации в казахском обществе во второй половине XIX - начале XX веков был обусловлен теми изменениями, которые переживал Казахстан в результате распространения рыночных отношений и хозяйственного сближения с Россией. Данный процесс, сопровождавшийся проникновением рыночных отношений в экономику казахского общества, привел к серьезным изменениям и сдвигам в различных областях традиционного хозяйства.

Во второй половине XIX века дифференциация в казахском обществе достигает больших размеров. Так, в Павлодарском уезде Семипалатинской области 12.500 бедняцких хозяйств имели 63.500 лошадей, тогда как 800 байских – 172.700. Бедняцкие и середняцкие хозяйства (84 %) имели столько же скота, сколько 16 % байских хозяйств [1, с. 201]. Сильная поляризация общества и разрыв традиционных общинных отношений приводили к появлению не кочующих, оседлых казахов, порывающих с привычным укладом. В Семипалатинской области в 1888 г. было около десяти тысяч джатаков, перепись населения 1897 г. зафиксировала увеличение их числа в 10 раз [31, с. 255]

Как видно, по мере развития товарно-денежных отношений происходит дифференциация зажиточных слоев казахского населения, с другой, наблюдается относительное обеднение основной части населения. Так, например, результатом дифференциации казахского общества стало увеличение числа джатаков, не кочующих, оседлых казахов, удалившихся вследствие экономических условий из степи, занимающихся промыслами, земледелием, живущие оседло. Утрата скота, бедственное положение,

обнищание заставили их искать другие средства для жизни. Занятие традиционными промыслами и новыми видами хозяйствования для них из простого подспорья превратилось в источник пропитания и выживания, а иногда и достатка. На другом полюсе вырастает байство, которое во второй половине XIX – начале XX веков под влиянием рыночных отношений превращается в слой крупных скотопромышленников, купцов-торговцев. Как отмечает Т. Парсонс, результатом дифференциации было появление более развитой социальной системы, где дифференцированный компонент обладает большей адаптивной способностью, чем прежний компонент, выполняющий его функцию [43, с.43].

Одним из факторов адаптации казахского общества к рыночным условиям был рост городов и их населения, которые сыграли большую роль в проникновении товарно-денежных отношений в степь. Особенно быстро росло население областных и уездных городов - центров административно-торговой, промышленной и культурной жизни. Увеличение численности оседлого населения, нуждающегося в продукции казахского кочевого хозяйства, способствовало развитию товарно-денежных отношений в степи. Как заметил П.Г. Галузо, внешняя торговля скотом и продуктами животноводства явилась предпосылкой развития товарных отношений в сельском хозяйстве Сырдаринской и Семиреченской областей [33, с. 99]. Аналогичный вывод можно применить и по отношению к другим районам Казахстана, в том числе скотоводческим уездам.

Как известно, итогом включения Казахстана в состав Российской империи явилось установление внешне- и внутривосточной стабильности, что в свою очередь привело к быстрому росту народонаселения в регионе. Так, статистические данные Западно-Сибирского отдела Русского географического общества показывают увеличение численности населения за 50 лет (1860-1910 гг.) в Акмолинской области с 390 тыс. человек до 1047 тыс. человек, в Семипалатинской области с 241 тыс. до 842 тыс. человек [44, л. 5, 6], то есть почти в 2-3 раза.

Важным фактором демографического взрыва в Казахстане в XIX веке стала миграция казахов из Центральной Азии на северные окраины степей и крестьян-переселенцев, гонимых нуждой и желанием лучшей доли, - из центральных районов России. К 60-м годам XIX века в Азиатской России проживало 2,8 млн. русских. К 1885 году сюда переселилось еще около 857 тыс. человек, за период 1896 - 1914 гг. в Сибири обустроилось более 3.161 тыс. новоселов [8, с. 56].

Численный состав казахского населения Среднего жуза в течение XIX века также практически постоянно возрастал, за исключением нескольких лет 1880-х годов, когда происходила эпидемия оспы, тифа. В Семипалатинской и Акмолинской областях также наблюдался процесс роста казахского населения. Если в 1903 году численность кочевого населения в этих областях составляла 623.474 и 442.224 душ обоего пола соответственно [45, с. 2], то в 1905 году – 604.564 и 427.389 душ обоего пола [46, с. 1-3; 47, с.

1-3], а в 1910 году казахского населения было 1.363.160 и 477.600 человек [44, л. 8].

На фоне увеличения численности населения в Казахстане происходило увеличение числа поголовья скота всех пород. В целом по Казахстану (за вычетом уездов, не относящихся собственно к Казахстану - Пржевальского и Пишпекского, Ташкентского и Омского) количество голов скота составляло: в 1886 году – 16.991.500, в 1895 году – 19.176.800, 1905 году - 20.571.600, в 1912 году – 25.387.900, в 1916 году – 29.920.600 [41, с. 138], то есть количество голов скота увеличилось за 30 лет в 1,7 раз.

Существенно то, что в степных областях прирост скота обгонял прирост населения. Так, если в 1907 году в Акмолинской области на 100 жителей казахского общества приходилось 405 голов скота, то в 1916 году – 780 голов, а в Семипалатинской области в 1907 году на 100 человек – 395 голов, в 1916 году – 642 [32, с. 58-59]. Следовательно, увеличение скота на 100 душ казахского населения в обеих скотоводческих областях произошло почти в 2 раза.

Такая динамика не могла быть незамеченной дореволюционными исследователями, которые отмечали: «нельзя сказать что киргизы также бесполезны, как до сих пор русские переселенцы. Скотоводство в громадных размерах и разнообразных видах, составляя главное занятие и единственный источник благосостояния киргизов, составляет вместе с тем и рыночный товар, который снабжает не только Сибирь, но и Россию. Лошади десятками тысяч угоняются в восточные губернии России, где находят сбыт без остатка. Рогатый скот, партиями закупаемый крупными торговцами доставляется во многие российские рынки, даже в Питер и Москву. Баранье сало сотнями тысяч пудов, на миллионы рублей, через ишимскую и ирбитскую ярмарки, опять таки доставляется на русские рынки, для свечных заводов. Кожи, шерсть, конский волос громадными партиями идут в Москву и за границу» [48, с. 136]. Таким образом, не только мясо и мясные консервы, но и другая скотоводческая продукция в конце XIX века пользовалась большим спросом на российских и зарубежных рынках.

Скотоводческая продукция Центрального Казахстана пользовалась большой популярностью в российской армии. В записке подполковника Трошкина о торговле в Акмолинском уезде и распределении товаров к рапорту от 10 сентября 1896 года отмечается, что одним из важных потребителей мяса Степного края являются «войско Российское и рабочие центральных фабрик, которые продовольствуются единственно здешним скотом. Например, через одни транспортные конторы отправляется до 3.000 пудов замороженного мяса» [49, л. 16].

Та же российская армия снабжается шерстью исключительно из казахской степи. Определить объем сбыта кошмы сложно, но судя по ее ценности, отмечает Трошкин, до 1 руб. 70 коп. за аршин, а в Семиречье не дороже 50 коп. за аршин, спрос на нее значителен и не менее как на 150.000 руб. в год [49, л. 16].

В годы неурожая 90-х годов XIX века, постигших приволжские и прикамские губернии, скотоводческая продукция Казахстана и Сибири явилась важным подспорьем в хозяйстве крестьян центральной части России. В журнале «Нива» в начале XX века было помещено интересное сообщение о закупке степных лошадей для пострадавших от неурожая 1898 года губерний. «Закупка производилась зимой и весной 1898-1899 годов в районах Оренбурга и Урала, а также в степных районах Акмолинской области. Всего было закуплено 69.172 лошадей на сумму 1.931.903 руб., одна лошадь стоила примерно 27 руб. 92 коп.» [50, с. 4].

Таким образом, востребованность продукции казахского скотоводческого хозяйства на внутреннем и внешнем рынках являются значимым фактором распространения рыночных отношений в кочевом социуме.

Важную роль в адаптации казахского общества к рыночным условиям сыграла официальная политика «приохочивания и разлакомлевания» хлебом [8], которая была направлена на создание благоприятных условий для развития хлебной торговли с казахами. В результате постепенной, но целенаправленной политики российских властей, и благодаря более тесным непосредственным контактам с русскими переселенцами, уже в конце XIX века во всех регионах в рационе питания казахов стала преобладать пища растительного происхождения. Это, в свою очередь, способствовало распространению земледелия в казахском хозяйстве. Как замечает дореволюционный исследователь, «хотя скотоводство и составляло главное занятие киргизского населения, но к занятию земледелием, особенно если урожайные годы следуют друг за другом без перерыва, киргизы проявляют большую склонность во всех местностях, где имеются почвенные и климатические условия» [34, с. 2].

Вместе с тем земледелие второй половины XIX - начала XX веков существенно отличалось от земледелия предшествующих периодов. В это время появляется казах-земледелец, для которого хлебопашество из подсобного промысла становится основным занятием, начинается процесс отделения земледелия от кочевого скотоводства. Если ранее потребность казахов-кочевников в земледельческой продукции реализовывалась через обмен с крестьянами-переселенцами, то постепенно «сбыта им хлебных запасов крестьянского населения не имеется, так как киргизы высевают ныне для себя хлебов в достаточном количестве» [49, л. 15].

Таким образом, по свидетельству современников, «киргизская степь, где земледелие еще находится в зародышевом состоянии... обещает в будущем стать весьма существенной частью степного хозяйства киргизского населения» [34, с. 2].

Характерной особенностью земледелия степных областей Казахстана и Сибири конца XIX – начала XX веков явилось производство хлеба на рынок. В материалах Омского отдела Московского общества сельского хозяйства в 1901 году отмечается, что «до проведения железной дороги к Сибири, она была более известна за страну золота, и только в памятные 1891 и 1892 гг.,

пережитые Западной Сибирью и Приамурским краем, неожиданно определилось, что верховья реки Оби и Иртыша обладают, кроме золота, еще и громадными запасами пшеницы, коей в одну только навигацию 1892 года, было вывезено в Тюмень почти 10 млн. пудов, часть которых тогда же попала в первый раз – за границу, через Санкт-Петербург» [51, л. 11].

Не последнюю роль в удовлетворении спроса на сельскохозяйственную продукцию в Центральной России и западных странах играли и степные области Казахстана. Так, Акмолинская область в этом хлебном потоке занимала четвертое место, поставив в 1892 году в Тюмень 99.758 пудов пшеничной муки [51, л. 14]. Как видно, если ранее местная сельскохозяйственная продукция была ориентирована на потребление, то в конце XIX века земледелие начинает приобретать товарный характер. Хлеб, выращенный в Степном крае и Сибири, поступает на рынок и вывозится в Центральную Россию одновременно с хлебом русских крестьян. Далее он, вливаясь в общий поток сибирского хлеба, направляется на Запад.

Развитие товарного земледелия, изменения в вопросах землевладения привели к повышению ценности земли в Степном крае. Земля начинает цениться не только по наличию пастбищных угодий, но и по качеству пахотной земли. Это явление можно проследить по динамике роста цен на арендуемые участки земли в казахской степи. Если в конце XIX – начале XX вв. «переселенцы арендовали у киргизов землю в первый год аренды даром, во второй – от 25 до 30 коп., в третий – от 75 коп. до 1 руб., то в к 1917 году арендная цена пашни в северной полосе Степной области (Омский, Петропавловский, Кустанайский уезды) достигла 6 руб. 50 коп., а в Атбасарском, Акмолинском и Петропавловском уездах – 3 руб. 75 коп [32, с. 71].

Вместе с тем, учитывая бедность почвенных ресурсов степей Казахстана, искусственное орошение, резко континентальный климат края, земледелие в казахском обществе можно рассматривать преимущественно в качестве вспомогательной отрасли казахского скотоводческого хозяйства, особенно это касается степной части Казахстана.

Н.Э. Масанов отмечает сложный и далеко неоднозначный характер процесса распространения сельскохозяйственной культуры [1, с. 234]. С одной стороны, практически все источники свидетельствуют о высоком удельном весе казахских хозяйств, занимавшихся сельскохозяйственным трудом, с другой стороны, источники указывают на минимальные размеры запашки в кочевом хозяйстве. При сравнении степени соответствия минимального размера посева (6-7 десятин), обеспечивающего необходимый продукт в условиях «рискованного» земледелия, с фактическим размером запашки казахов во второй половине XIX - начале XX веков, Н. Масанов делает вывод, что сельскохозяйственное хозяйство казахов так и не стало надежной материальной базой для жизнедеятельности кочевого населения и не приобрело самостоятельного значения.

Одной из причин такого состояния дел является имперская политика изъятия земель. До образования крестьянских поселений казахи засевали

более значительные площади, так как тогда у них была возможность выбрать плодородные и удобные земли и устроить орошение пашен. Так развивался земледельческий опыт казахов, который нередко мог соперничать с опытом переселенческого населения, не привыкшего работать в сложных условиях. Однако, когда лучшие земли у казахского общества были отобраны в пользу того же пришлого населения, казахи были вынуждены сократить посевы из-за необходимости сохранить земли у своих зимовок от распашки для своего скота [21, л. 44]. Как отмечает в 1901 году омский уездный начальник, «единичные попытки киргиз к засеиванию нескольких десятков десятин зерном, по преимуществу овсом, в счет идти не могут, уже никак не могут быть названы хлебопашеством. Такое равнодушное отношение киргиза к хлебному зерну даже в количестве, необходимом для его потребления, совершенно исключает мысль или заботу о его накоплении или запасе» [21, л. 29, 29(об)]. Таким образом, в начале XX века, несмотря на все старания российской администрации, земледелие в хозяйстве казахов так и не стало основным источником благосостояния и пропитания.

Как замечает отечественный исследователь, даже при массовом отчуждении и изъятии наиболее плодородных земель, определенном развитии земледельческого хозяйства, казахское общество по-прежнему продолжало главным образом заниматься кочевым скотоводческим хозяйством [1, с. 235].

В качестве примера можно привести Атбасарский уезд, где в начале XX века хлебопашеством занималась небольшая часть казахов 2-3 волостей уезда, расположенных вблизи крестьянских поселений. Посевы их были незначительны. Остальная же часть казахского общества уезда земледелием совсем не занималось. Особенно это можно увидеть на примере южной части Атбасарского уезда, которая была разбросана на тысячу верст и не имела ни одного оседлого поселения. В рапорте атбасарского уездного начальника отмечается, что казахи шести баганалинских волостей уезда в течение года стояли на одном месте не более 5 месяцев и то зимою, а в остальное время находились в движении [21, л. 33, 33(об)].

Некоторые историки полагают, что экономика казахского общества, основанная на кочевом скотоводстве, во второй половине XIX - начале XX веков не претерпела серьезных качественных изменений. Причину этого видят в искусственном характере насаждения новых отношений в традиционном обществе в противовес целесообразности кочевого способа производства, порожденного объективным процессом взаимодействия естественно-природных и социально-экономических факторов [1, с. 237].

Однако анализ архивных материалов показывает, что в результате адаптации казахского общества к новым условиям отдельные элементы трудового процесса кочевников (выпас животных, процесс кочевания, состав скота, выбор и распределение пастбищных угодий), образ жизни трансформировались в новые, более приспособленные элементы.

Так, изменения в административном устройстве степных областей Казахстана повлияли на характер и структуру казахского хозяйства. Под

воздействием внешних факторов, появления в казахской степи русских поселений, казачьих и крестьянских, изъятия громадных земельных пространств под эти поселения, вмешательства во внутреннюю жизнь казахского общества, соприкосновения с оседлой культурой, кочевое хозяйство стало видоизменяться и приспособливаться к изменившимся условиям.

Если в XVIII - начале XIX века практически на всей территории Казахстана было распространено традиционное кочевое хозяйство, то во второй половине XIX – начале XX веков в казахском обществе имеются разные формы хозяйства. На данное явление указывает В.А.Тресвятский, когда отмечает, что в начале XX века «самые формы киргизского хозяйства в различных местностях Степного края далеко неодинаковые. Сравнивая эти хозяйственные формы, приходится убеждаться, что они представляют собою ряд переходных ступеней от чисто кочевого склада жизни (в южной части Степного края) к полуоседлому (в зоне «сухих степей») и, наконец, оседлому (в зоне умеренно-сухих степей)» [32, с. 66]. Рассматривая причины данного явления, надо отметить, что хозяйственно-экономическая деятельность казахского социума во второй половине XIX века определялась, как и в прежние времена, в первую очередь, природно-климатическими особенностями. Ее формы обуславливались особенностями адаптации человека к среде обитания. На протяжении многих столетий казахи-скотоводы совершенно свободно и неограниченно передвигались по необъятным степным просторам, что сформировало у них особое отношение к окружающей среде.

«Процесс освоения новых территорий, - отмечает С. Лурье, - тесно связан с адаптацией человека к природной и социокультурной среде обитания, в том числе с адаптацией психологической. В ходе нее формируются определенные модели человеческой деятельности, задача которых - психологически снизить степень дисгармонии между человеком и миром. В той или иной степени иррациональные, эти модели имеют свою внутреннюю логику, которой и следуют люди. Каждая культура формирует свой особый «адаптированный» образ реальности, опыт человека как бы укладывает его в определенные парадигмальные формы» [52, с. 34].

Такой хозяйственной формой в Степном крае исторически стал, как известно, кочевой быт. По мнению А.А. Кауфмана, кочевой быт, явился ярким примером адаптации человека и его хозяйства к природе, всецело господствующей над ним и которой кочевник всецело подчинялся. Это определило в конечном итоге, основные черты типичного чистого кочевого быта: скотоводство как единственный источник существования, использование естественных пастбищ, правильные перемещения людей и стад в зависимости от времени года, переносные жилища, совершенное отсутствие постоянных или хозяйственных помещений [53, с. 6].

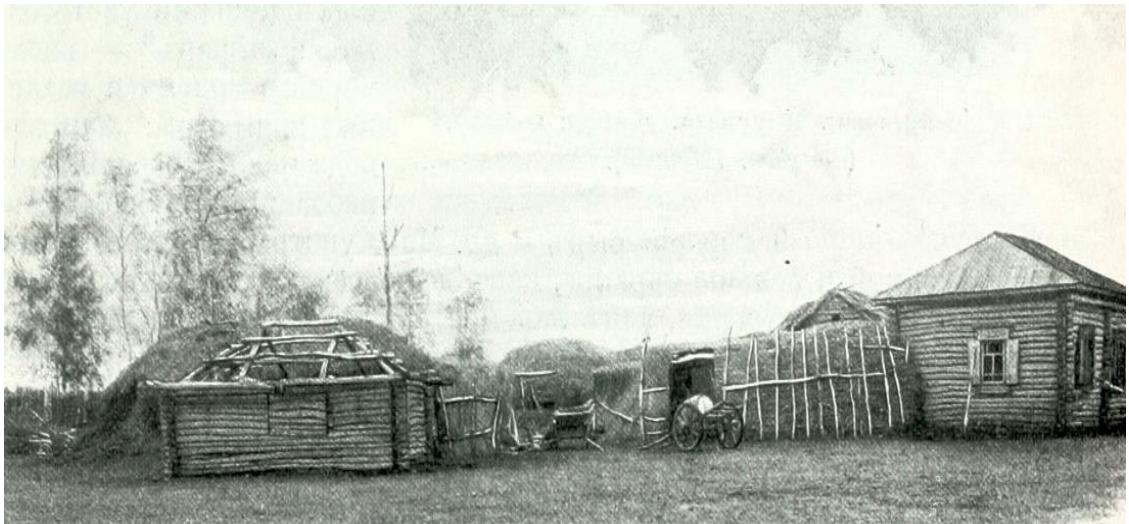
Вместе с тем кочевое хозяйство в различных районах казахской степи, в зависимости от особенностей природно-географических условий, отличалось разнообразными формами. Г. Владимирский выделяет три типа казахского

хозяйства: хозяйство баганалинских казахов, проживающих на юге Атбасарского уезда, хозяйство Баян-Аульских казахов Павлодарского уезда, казахское хозяйство прииртышских волостей Павлодарского уезда. «Первые из этих киргиз более типичные кочевники, делающие при своих перекочевках от 600 до 1000 верст в один конец, в большинстве случаев не имеют постоянных зимовок, поземельные отношения неопределенны, в стадах значительный процент составляют верблюды и овцы, рогатый скот содержится в незначительном количестве. Баян-аульские киргизы ведут тоже типичное пастбищное хозяйство, перекочевки их достигают от 70 до 200 верст, зиму проводят в постоянных зимовках, в стаде главную роль играют лошади, рогатый скот приобретает большое значение... В прииртышских волостях киргизское хозяйство приобретает совершенно отличный характер, приближающийся к оседлому быту. Перекочевки здесь не велики – от 10 до 40 верст, весь скот всю зиму содержится на сухом корму, 75% киргиз занимается земледелием, в стаде преобладает рогатый скот, доход от продажи которого составляет важную статью дохода местных киргиз» [54, с. 23]. Иначе говоря, Г. Владимирский представил различные стадии развития казахского хозяйства, которые позволяют проследить эволюцию этого хозяйства в новых условиях.

Изменения в хозяйственной жизни, переход к оседлости сказались на характере быта бывших кочевников. Под влиянием русских переселенцев и новых условий хозяйствования казахи строят крепкие деревянные дома, дачи, амбары и лари для засыпки хлеба, разводят домашнюю птицу. На многочисленных ярмарках они выменивают на скот или покупают за деньги табак, разные бумажные и шерстяные изделия, железные и медные вещи и т.д.

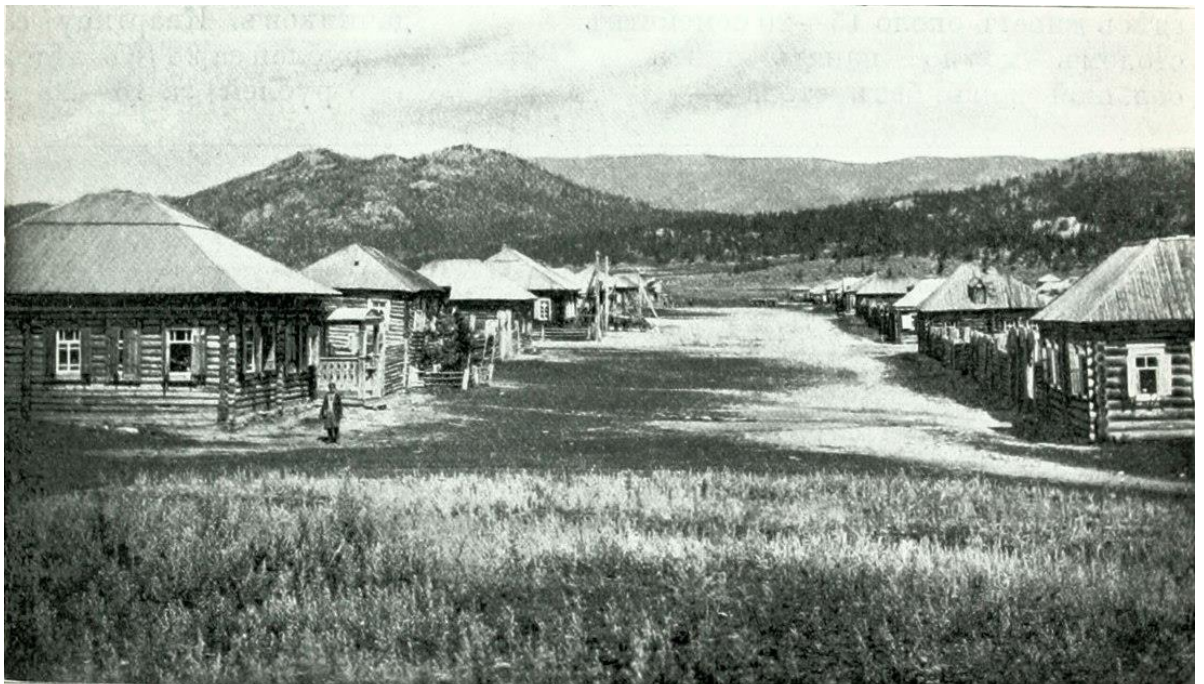
Как отмечали российские исследователи, «киргизы Акмолинской области, в силу климатических условий, а также благодаря социальному строю, слагающемуся под влиянием русских порядков, не довольствуются легким переносным жилищем – юртой, приспособленной к частым, нередко дальним перекочевкам. Они строят зимние постоянные, теплые жилища. Ограниченные в пределах передвижения по степи и в землевладении известным пространством, они оставляют на нем и другие признаки своего пребывания, как-то: сооружают могильные памятники, мечети, роют колодцы. Сооружения эти могут рассматриваться, как признак более устойчивого образа жизни, чем юрта, и есть переходная ступень к оседлости» [55, с. 1].

В архиве Г.Е. Катанаева в Омске имеются интересные заметки по поводу взаимовлияния казахов и русских. Так, рассматривая степень влияния переселенцев на казахское население, исследователь замечает, что, глядя на быт, можно встретить в обыкновенной казахской избушке из четырех стен печь для тепла, часы, ведра, таз, самовар, чайный прибор, вилки, русские летовки, русские сохи [56, л. 36, 36(об)].

Зимовка кыстау

Фотография из фондов Российской национальной библиотеки
(г. Москва, РФ)

Улица в Баян-ауле

Фотография из фондов Российской национальной библиотеки
(г. Москва, РФ)

В то же время, «азиатские нравы до того вплелись в казачье население, что они живут совершенно как киргизы – мужчины носят камзолы, бешметы и халаты, пьют кумыс, разъезжают по тамырам или лежат дома. Казачки зачастую ходят по улице, закрыв голову халатом, носят рубаху, точно такую же, как и у киргизок, которая заменяет им сорочку. Манера ездить верхом подобно киргизским, местными казачками усвоена давно, и они не хуже казака в киргизском платье джигитуют. Замечателен обычай каркаралинских женщин рядиться во время святок киргизками, татарками даже днем. Манера сидеть на полу, поджав ноги под себя, усвоена как казаками, так и казачками [57, л. 37(об)]. Данный факт еще раз подтверждает развитие в Казахстане во второй половине XIX – начале XX веков процессов межкультурного взаимодействия соседствующих народов, в результате которых заимствуются внешние проявления культуры – одежда, быт, а также ценности и даже язык. В свою очередь, это доказывает существование тенденций адаптации не только казахского общества к изменившимся условиям, но и встречную адаптацию переселенческого населения к новой среде.

Итак, подводя итог, необходимо отметить, что во второй половине XIX – начале XX веков казахское общество переживало процессы адаптации к рыночным условиям, получившим свое развитие в результате административно-земельных реформ Российского государства, явившихся внешними (имперскими) факторами этой адаптации. Вместе с тем внешние факторы можно разделить на две группы: административно-колониальные факторы и хозяйственно-экономическое воздействие. Первая группа факторов, к которым относятся реформы второй половины XIX века, налоговая практика, земельные изъятия и переселенческая политика, насильно вторгаясь в традиционную жизнь казахского общества, заставляла его адаптироваться к ним. Вторая группа факторов, - это распространение товарно-денежных, рыночных отношений, строительство городов, фабрик и заводов, железных дорог, рост численности оседлого населения, влияние культуры соседних народов, - имела тесную связь с административными изменениями в Степи и внутренними потребностями казахского общества. Однако в условиях административно-земельных преобразований и распространения рыночных отношений традиционная казахская экономика сумела сохранить свои характерные черты.

В целом, Казахстан переживал в этот период относительный экономический подъем, одним из факторов которого являлся рост численности скота. Развитие скотоводства стало для казахской экономики основой для дальнейшего развития в рамках Российской империи, явившись не только важнейшим элементом благосостояния казахского общества, но и ресурсом промышленности Евразийского региона.

Таким образом, процесс социально-хозяйственной эволюции в Казахстане под воздействием внешних факторов, сопровождавшийся проникновением рыночных отношений и адаптации к ним традиционного общества привел во второй половине XIX - начале XX веков Казахстан к

серьезным изменениям и сдвигам в экономике, жизни и быте казахского социума.

Примечания

- 1 Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевничества). – Алматы: Социнвест, М: Горизонт, 1995. - , с. 228
- 2 Абдрахманов Б.Н. Казахстан в материалах Полного собрания законов Российской империи: автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Усть-Каменогорск, 2002.- с. 15
- 3 Сведения о ежегодных расходах кочевого населения на обеспечение проходящих воинских команд //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 7748.
- 4 Сулейменов Б. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX – начала XX веков (1867-1907 гг.). – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. – С. 97
- 5 Катанаев Г. Возможно ли при существующих знаниях и данных о Сибири определить количество свободных, годных и удобных земель для колонизации //Записки ЗСИРГО. Книжка XVIII. Выпуск II. – Омск: Типография Окружного Штаба, 1895.
- 6 Дело об отводе земли под оседлые поселения //ЦГА РК. Ф. И-501. Оп. 2. Д. 115.
- 7 О возведении оседлых поселений Петропавловского, Кокчетавского, Акмолинского, Атбасарского уездов Акмолинской области, Павлодарского, Каркаралинского уездов Семипалатинской области //ГАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15213.
- 8 Быков А.Ю. Проблема седентаризации в политике России в Казахстане. XVIII – начало XX в: автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Барнаул, 2001.
- 9 Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. – Астана: Полиграфия, 1998.
- 10 О мерах по улучшению золотого промысла в Киргизской степи Семипалатинской области //ГАОО. Ф.3. Оп. 3. Д. 4864а.
- 11 Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношениях. – С-Пб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1892.
- 12 Об отводе земель для киргизов, желающих поселиться оседло //ГАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15213.
- 13 Дело об образовании в Акмолинской области особых поселений из казахов //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 4895.
- 14 Щеглова Т.К. Ярмарки Западной Сибири и Степных областей во второй половине XIX века. Из истории российско-азиатской торговли. – Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2002. – 236 с.
- 15 Кусайынулы К. Читая документы о казахстанско-российских отношениях XVIII – XIX веках. – Алматы: Данекер, 2001. – 140 с.
- 16 Владимирский В. К вопросу о переходе киргиз в оседлое состояние. Доклад //Записки ЗСО РГО. Отчет о деятельности ЗСО РГО за 1901 год. – Омск: Тип. Окр. Штаба, 1902.
- 17 Яхонтов А.П. Переселение и колонизация. – Харьков: Аврора, 1925. –105 с.
- 18 Рычков К. Разгром семипалатинской печати из-за местных вопросов // Сибирские вопросы. – 1907. – № 15. – С. 20-22
- 19 Коншин Н. Краткий статистический очерк промышленности и торговли в Акмолинской области за 1880-1894 гг. – Омск, 1896. – 37 с.

- 20 Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации. – М.: МГУ, 1996. – 682 с.
- 21 Переписка Степного генерал-губернатора о продовольственном снабжении кочевого населения //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 4. Д. 55.
- 22 Апполова Н. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. – М.: Наука, 1976. – 371 с.
- 23 Курьлев В.П. Скот, земля, община у кочевых казахов (вторая половина XIX – начало XX вв.). – С-Пб: МАЭ РАН, 1998. – 296 с.
- 24 Дело по прошению киргиза Спасской волости Акмолинского уезда //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 6437.
- 25 Переписка о выпасе скота вне пределов и в пределах Акмолинской области // ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10429.
- 26 Дала уалаятының газеті: адам, қоғам, табиғат. 1888-1902 //Құрастырушы Ү. Субханбердина. –Алматы, Ғылым, 1994. – 815 с.
- 27 Киргизское хозяйство в Акмолинской области. – С-Пб: Изд. переселен. глав. управл. землеустр. и землед., 1909-1910. – Т. 5. Акмолинский уезд. – 476 с.
- 28 Киргизское хозяйство в Акмолинской области. – СПб: Изд. переселен. глав. управл. землеустр. и землед., 1909-1910. – Т. 4. Атбасарский уезд. – 334 с.
- 29 Клеменц Д. Заметки о кочевом быте //Сибирские вопросы. – 1908. – № 49-52. – С. 18-57.
- 30 Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей (МКЗ). – Т. 6. Семипалатинская область. Каркаралинский уезд. – СПб, 1905. – 815, 134 с.
- 31 Малтусынов С.Н. Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная дума России. 1906-1917 гг. (Социокультурный подход). – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 332 с.
- 32 Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Вып. 1. Степной край. Составитель В.А. Тресвятский. – Пг., 1917. – 135 с.
- 33 Галузо П.П. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867-1914 гг. – Алма-Ата: Изд-во «Наука», 1965. – 345 с.
- 34 Киргизы Уральской степи //Сибирская жизнь. – Омск. – 1899. – № 38. – С. 1-2.
- 35 Дело о командировании чиновников на Константиновскую и Таинчинскую ярмарки в 1893 году для сбора денег //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 6621.
- 36 Асылбеков М.Х. Развитие сети железных дорог Казахстана в конце XIX – начале XX в. //Казахстан в канун Октября. – А-А.: Наука, 1968. – С. 178-213.
- 37 Азиатская Россия. – С-Пб, Изд-во Переселенческого управления Главного Управления землеустройства и земледелия. 1914. –Т. 2. Земля и хозяйство, 638 с.
- 38 Артыкбаев Ж.О. Казахское общество в XIX веке: традиции и инновации. – Караганда: Полиграфия, 1993. – 253 с.
- 39 Жанысбеков М.А. Казахстан в торгово-экономических связях со странами Запада в конце XIX – начале XX веков: автореферат. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Алматы, 2002. – 30 с.
- 40 Тресвятский В. Итоги переселенческого дела за Уралом за десятилетие с 1906 по 1916 гг. //Вопросы колонизации. – 1920. – № 20. – С. 54-57.
- 41 Шахматов В.Ф. Казахская пастбищно-кочевая община (вопросы образования, эволюции и разложения). – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР., 1969. – 207 с.

- 42 Тажибаев Е.Е. Изменения в хозяйстве казахов в 20-60-х годах XIX века (на материалах Младшего и Среднего жузов): автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Алма-Ата, 1969. – 49 с.
- 43 Парсонс Т. Система современных обществ. – М.:Аспект Пресс,1998 – 270 с.
- 44 Статистические сведения о распределении населения, посевных площадей, скота //ГАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 3 .
- 45 Материалы статистического обзора за 1900 и 1903 гг. //Степное эхо. – 1907. – № 21. – С. 2.
- 46 Всероссийская перепись населения. Вып. 81. Акмолинская область. – С-Пб, 1904.
- 47 Всероссийская перепись населения. Вып. 84. Семипалатинская область. – С-Пб, 1905.
- 48 Очевидец. Переселенческий вопрос в Западной Сибири // Наблюдатель. – С-Пб., 1891. – № 8. – С. 121-141.
- 49 Записка о торговле в Акмолинском уезде, направлении и распределении товаров к рапорту № 9530 от 10.09.1896 г. //ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 454.
- 50 О закупке лошадей в киргизских степях //Киргизская степная газета. 1901. – № 14. – С. 4.
- 51 Об упорядочении хлебной торговли в Сибири // ГАОО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 5.
- 52 Лурье С.В. Евразия: проблемы соседства культур и межкультурного взаимодействия //Вестник Евразии. – 1999. – № 1-2. – С. 20-37.
- 53 Кауфман А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. – М.: Тип-я т-ва И.Д. Сытина, 1908. – 456 с.
- 54 Владимирский В. К вопросу о переходе киргиз в оседлое состояние. Доклад //Записки ЗСО РГО. Отчет о деятельности ЗСО РГО за 1901 год. – Омск: Тип. Окр. Штаба, 1902.
- 55 Шнэ В. Зимовки и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской области //Записки ЗСО РГО. – 1894. – Кн.17. – Вып. 1. – С. 1-18.
- 56 Путевые географические и этнографические заметки во время поездки по маршруту Омск – Павлодар – Семипалатинск – Усть-Каменогорск – оз. Зайсан //ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 443.
- 57 Разные записки к вопросу о быте, правах и вообще характерных чертах сибирского народа //ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 338.

Глава 2. Адаптация и развитие скотоводческого хозяйства Центрального Казахстана в рыночных условиях во второй половине XIX - начале XX веков

2.1 Факторы адаптации и развития скотоводческого хозяйства Центрального Казахстана

Территория современного Центрального Казахстана, или Сарыарки, во второй половине XIX – начале XX веков состояла из южных волостей Акмолинского и Атбасарского уездов Акмолинской области и Каркаралинского уезда Семипалатинской области (*Карта 1*).

Согласно Временному Положению 1868 г. (параграф 15) Акмолинская область была разделена на 4 уезда – Омский, Петропавловский, Акмолинский и Кокчетавский. Для удобства управления южной частью области 30 октября 1869 г. был создан Сарысуйский уезд, уездный центр которого временно был помещен в станице Атбасарской. 13 сентября 1878 г. было принято решение оставить уездное управление в Атбасаре и переименовать уезд в Атбасарский [1, с. 17].

Семипалатинская область по этому же Положению (параграф 16) делилась на уезды: Семипалатинский, Павлодарский, Каркаралинский, Кокпектинский и Зайсанское приставство [1, с. 18]

Хозяйственный уклад Центрального Казахстана, производственный цикл и основные характеристики трудовой деятельности казахского общества определялись, прежде всего, природно-климатическими особенностями региона, которые благоприятствовали развитию скотоводческого хозяйства.

В отчете военного губернатора Акмолинской области в 1893 году указывается, что южные и центральные возвышенности Акмолинского уезда, служащие водоразделом Сарысуйского бассейна, с одной стороны – от системы реки Нуры и бассейна озера Кургальджин-Денгиз, а с другой - от бассейна озера Балхаш, богаты кормовыми травами (клевер, кипец), которые являлись хорошим кормом для многочисленных стад местных казахов. Степные просторы Атбасарского уезда, особенно район арганатино-улутавских гор, считались центральным местом кочевков для казахов большей части уезда [2, л. 119, 119(об)]. Кроме этого, богатые травостоем земли по берегам рек Атбасарского уезда играли большую роль в развитии скотоводства соседних уездов. В отчете военного губернатора Акмолинской области за 1879 год отмечается, что «в Акмолинском уезде травы уродились только на самых низких местах около речек и больших озер, прокормление киргизских скота вследствие чрезмерных снегов стало затруднительным, так что часть его угонялась в район Сары-Су, где снегов почти нет» [3, л. 14]. Поэтому традиционно обильные луговые пространства и удобные горные пастбища двух южных уездов Акмолинской области служили преимущественно для развития табунного скотоводства, которое практиковалось кочевниками в обширных размерах.

В Каркаралинском уезде природно-климатические условия также складывались благоприятно для развития, в первую очередь, скотоводческого хозяйства. Как отмечал Ч. Валиханов, «Каркаралинский округ имеет все условия, требуемые скотоводством: летние кочевки по Нуре и Баканасу и уютные зимовки в лесистых горах Кент и Казулык и в камышистых побережьях Балхаша» [4, с. 108].

Земель же пригодных для развития хлебопашества в Центральном Казахстане было сравнительно меньше, чем пастбищ. Земледельческая культура могла развиваться здесь при условии создания ирригационных сооружений и орошения посевных угодий.

Степь Арало-Иртышского междуречья

Фотография из фондов Российской национальной библиотеки
(г. Москва, РФ)

Поэтому основным занятием местных жителей, большинство которых даже в начале XX века составляли казахи, являлось кочевое скотоводство. Именно оно в наибольшей степени было приспособлено к местным особенностям среды обитания, природно-климатическим условиям Центрального Казахстана.

Во второй половине XIX – начале XX веков в казахском хозяйстве Сары-Арки происходят важные изменения, которые были обусловлены объективными факторами, отражающими характерные тенденции развития всего Евразийского региона. Это: увеличение численности населения за счет естественного и механического прироста, казачья и крестьянская колонизация Степного края, административная и земельная политика Российского государства, сокращение традиционных пастбищных земель,

распространение рыночных отношений в регионе, развитие горнорудной промышленности.

Рассмотрим основные из этих тенденций.

В Центральном Казахстане, как и во всем Казахстане, во второй половине XIX - начале XX веков наблюдалось увеличение численности кочевого и оседлого населения за счет естественного и механического прироста. Рассмотрим рост численности населения в регионе за 50 лет (Таблица 1).

Таблица 1 - Рост численности населения в уездах Казахстана с 1860 по 1910 гг.

Уезды	Численность населения (в тысячах)		Процент распределения населения по сословиям по данным на 1 января 1910 года				
	1860 г.	1910 г.	крестьян	казахи	казаки	мещане	Прочие
Акмолинский	84	256	26,7	70,5	0,9	1,3	0,6
Атбасарский	60	129	29,7	66,3	3,2	0,3	0,5
Каркаралинский	61	174	0,8	97,2	0,3	0,5	1,2

Примечание – Таблица составлена на основе Статистические сведения о распределении населения, посевных площадей, скота //ГАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 3. – Л. 5,6

О динамике численности казахского населения Сары-Арки можно судить по следующим данным. Согласно переписи 1897 года в Атбасарском уезде проживало казахов 74.728 из 86.413 человек, что составляло 86,4% [194, с. 22], на 1 января 1907 года - 85.200 из 94.9 тыс. человек, что составляло 66,3% [5, л. 1, 8].

В Акмолинском уезде в 1897 году казахского населения насчитывалось 166.343 (89,8%), общее население составляло 185.058 человек [194, с. 22], на 1 января 1907 года казахов было 180.600 (70,5%) из 206.3 тыс. человек [5, л. 1, 8]. Анализ приведенных данных позволяет говорить об общем росте численности населения в Атбасарском и Акмолинском уездах на 8% и 45% соответственно.

Несколько иначе складывалась ситуация в Каркаралинском уезде, где по данным переписи 1897 года казахское население составляло 169.656 (98,8%) из 171.655 человек [6, с. 22], а к 1907 году число казахов сократилось до 169.400 тыс. человек (97,2%), уменьшилась и общая численность населения уезда на 4,8 тыс. человек (2,9%) [5, л. 1, 8]. Одна из причин сокращения числа коренного населения - переход в 1905 году Чуйской волости к Сырдаринской области [7, л. 57], недостаточное развитие медицинской и ветеринарной части.

Кроме этого, в силу неблагоприятных природно-климатических условий для развития земледельческой культуры Каркаралинский уезд был малопривлекательным для крестьянского населения, поэтому массового переселения оседлого населения в этот регион не наблюдалось. И если в других уездах образовывалась целая система постоянных поселений переселенцев, то в Каркаралинском уезде, а также в южных волостях

Акмолинского и Атбасарского уездов русское население было вкраплено отдельными поселками.

Общее увеличение численности населения Казахстана неизбежно вело к росту потребления сельскохозяйственной продукции, в том числе и мясомолочной, став одним из важных факторов развития казахского скотоводческого хозяйства. В продукции скотоводства было заинтересовано как само казахское общество, так и переселенческое, и казачье население.

В условиях кочевого скотоводческого хозяйства семье из четырех человек требовалось до 260 кг мяса в год, ежедневно 8-10 л молока и молочных продуктов, 2-3 кг зерна. Это означало, что ежегодно необходимо было забивать на мясо 15-17 баранов (или 20-25 коз или 2-3 бычка), иметь 4-5 дойных коров, а также несколько лошадей [8, с. 81]. Следовательно, учитывая мясомолочную направленность питания казахов, в результате увеличения численности кочевого населения увеличилась потребность в скотоводческой продукции.

Попытки российской администрации в целях приобщения казахов к земледельческой культуре изменить рацион кочевников в пользу хлебных продуктов также не отразились на численности казахских стад. Наоборот, в сложные засушливые периоды, когда земледельческой продукции не хватало для удовлетворения насущных потребностей, за счет продажи своего скота казахи имели возможность пополнять запасы зерна из богатых земледельческих соседних регионов и даже делиться ими с оседлыми хлебопашцами-крестьянами и казаками по сходным ценам.

Так, казахи южных волостей Акмолинского уезда, как только выяснился предстоящий неурожай 1900 года и подорожание хлеба, отправили громадные караваны верблюдов в Семиреченскую область, где ими была закуплена пшеница в зерне по 18 коп., а рис – по 30 коп. на месте, в продажу же русскому населению своего уезда было пущено ими – та же пшеница – по 35 коп. и рис – по 40 коп. [9, л. 24]. Таким образом, располагая в достаточном количестве скотом для получения мясных и молочных продуктов и рабочий скотом для доставки хлеба, скотоводческие хозяйства Центрального Казахстана обеспечивали себя и своих соседей продовольствием. Вместе с этим скотоводы имели с продажи хлеба хорошую прибыль, что говорит о приобщении казахского населения к рыночным отношениям.

Как уже отмечалось, важную роль в развитии скотоводства в Центральном Казахстане сыграло увеличение численности оседлого населения, которое также нуждалось в мясомолочной продукции. Создание поселков привело к развитию местных рынков сбыта скота, которые оказывали поддержку крупным скотоводческим хозяйствам.

Большую роль в увеличении спроса на скот и мясную продукцию в Центральном Казахстане сыграл внешний фактор. Во второй половине XIX - начале XX веков в западных районах Евразийского региона, а также в Европе, на фоне роста населения наблюдалось сокращение поголовья скота. В Германии к 1910 году (с начала века) население увеличилось почти на 7%,

а общий убой скота - всего на 2,5% [10, с. 122]. Следовательно, в начале XX века экономика европейских государств переживала продовольственный кризис, преодолеть который могло помочь российское и казахское хозяйство.

Со второй половины XIX века Россия являлась крупным поставщиком продуктов скотоводства на европейские рынки. По данным Ю.Э. Янсона, в 70-х годах XIX века она покрывала более половины европейского дефицита в скоте, поставляя в переводе на крупный рогатый скот 189,4 тыс. голов из 316,5 тыс. голов (59,8%), в которых нуждалась Европа [11, с. 117-118].

Значимость российского мяса на европейских рынках во второй половине XIX века также подтверждают следующие цифры. В 1877 году из России вывозилось мяса 42.430 пудов на сумму 291.575 рублей, в 1878 году – 77.886 пудов на сумму 525.534, в 1879 году - 64.590 пудов на сумму 393.530 рублей, в 1880 году – 49.257 пудов на сумму 558.098 рублей. [197, с. 122]. Данные говорят об относительном росте экспорта российского мяса, который к концу 70-х годов XIX века сократился. Вместе с тем цена на мясо в сравнении с 1877 годом в 1880 году возросла почти в 2 раза, и если в 1877 году пуд мяса стоил 6,8 рублей, то в 1880 году – 11,3 рублей, что говорит о возрастающем спросе на скотоводческую продукцию Евразийского региона [12, с. 122].

Большое значение степных областей Казахстана, где в отдельных регионах вплоть до начала XX века почти в первозданном виде сохранялось традиционное кочевое скотоводство, признавалось и официальными инстанциями. По мнению властей, «при упадке скотоводства в Европейской России и быстро увеличивающейся потребности в мясной пище обширные киргизские степи должны быть сохранены, как места почти исключительно предназначенные для скотоводческой культуры» [13, с. 31], в продукции которой так нуждалось население центральной части России.

Так, на фоне увеличения населения в Европейской России, где за 10 лет (1850-1860 годы) население возросло на 10,8%, наблюдалось падение уровня скотоводства на 15,2% [14, с. 186]. В результате этого в этом регионе количество крупного рогатого скота на душу населения снизилось: в 1880 году на 100 человек приходилось 37,2 шт. крупного рогатого скота, а в 1909 году - 30 штук [15, с. 122].

Сложившаяся ситуация в центральной части России, особенно в связи с возрастающим экспортом мясной продукции в Европу, осложняла продовольственное обеспечение населения этого района. Поэтому повышенный спрос на продукцию скотоводства привел к росту цен на мясо на рынках Евразийского региона, что в целом положительно отразилось на благосостоянии Казахстана и Сибири. Подъем цен на мясо и строительство железных дорог в конце XIX - начале XX веков стимулировали увеличение поголовья скота, особенно крупного рогатого скота в этих регионах. Например, в 1900-1905 годах мясо из Сибири и Казахстана в Москве составляло 11% от общего количества мяса на московском рынке, в 1905 - 1910 годах - уже 23,4%, а в 1910 - 1913 годах эта доля достигла 34,1%, то есть превысила одну треть мясного оборота Москвы [5, с. 122]. Это еще раз

свидетельствует об устойчивом росте значения Степного Казахстана как крупного скотоводческого региона.

В этой связи российские исследователи с недоумением констатировали, что «имея в пределах своего государства самую богатую на всем земном шаре скотоводческую страну, как Киргизский край, мы ввозим из-за границы шерсти в сыром виде, сала и масла животного происхождения и невыделанных кож на 51½ миллионов рублей (данные за 1908 год)» [16, с. 44].

Еще в 60-х годах XIX века публицист Старков, пытаясь опровергнуть сложившийся стереотип о Казахской степи как о местности безликой и пустынной, доказывал ее роль в развитии промышленности и торговли России. «Обитатели Киргизской степи есть прямые и ближайшие из азиатцев потребители наших отечественных произведений, а вымениваемые на эти произведения (бараны, лошади, рогатый скот и разные предметы, получаемые от скотоводства) значительно увеличивают средства нашего продовольствия внутри государства, питают заводскую промышленность в восточных областях России и заграничную торговлю ее на Западе» [17, с. 193]. Так дореволюционный исследователь жизни казахского народа показывал значимость традиционной экономики для развития центральных районов России.

В 90-е годы XIX века управляющий государственным имуществом по Акмолинской и Семипалатинской областям А. Селиванов в своем отчете министру замечает, что «упадок кочевого скотоводческого хозяйства не только вредно отразится на экономическом положении киргиз, но и неблагоприятно отразится на государственных интересах вообще. Государство лишится: 1) окладных доходов с киргизского населения, поступающие ныне безнедоимочно за год вперед, 2) всех продуктов животноводства... на десятки миллионов ежегодно, 3) содействия в разработке естественных минеральных природных богатств степи,... содействия в передвижении по степи для надобностей административных, научных, промышленных и т.п.» [18, л. 7, 8]. Как видно из замечания официального лица, в большей степени в развитии регионального скотоводческого хозяйства казахов заинтересована должна быть российская администрация.

Во второй половине XIX – начале XX веков Центральный Казахстан как один из богатых животноводческих районов стал значительной сырьевой базой для развивающейся капиталистической промышленности Евразийского региона. Скотоводческая продукция Центрального Казахстана пользовалась большим спросом на региональных рынках. Так, лучшими баранами в Степном крае считались баганалинские, выращенные в степях Центрального Казахстана, которые и ценились вдвое дороже (6 рублей), чем бараны северных уездов [19, с. 16]. Местный крупный рогатый скот, уступая по своим пищевым качествам коровам других пород, например черкасской, благодаря своей дешевизне сумел составить конкуренцию им на скотопрогонных дворах столичных городов [20, с. 243]. Таким образом, рост

потребления сельскохозяйственной продукции, в том числе и скотоводческой, в связи с возросшим населением Европы и Евразийского региона способствовал развитию традиционного казахского хозяйства, в первую очередь скотоводства.

Важную роль в развитии местного скотоводства, по мнению исследователей казахского быта, сыграло влияние древних хозяйственных традиций, обусловленных спецификой степных областей. Так, Л. Чермак в своей работе о формах землепользования в казахском обществе, размышляя о роли скотоводства в судьбе казахского народа, отмечает: «Киргизы изстари занимаются скотоводством, они сроднились с этим занятием, весь склад их жизни находится в полной зависимости от их хозяйства. Даже там, где они осели и занимаются земледелием, они все же оставались скотоводами» [21, с. 7].

Основное богатство в традиционном казахском обществе измерялось количеством скота. Некоторые богатые скотовладельцы имели огромные стада, насчитывающие тысячи голов скота. Из них большая часть приходится на мелкий рогатый скот, затем идут лошади, крупный рогатый скот и верблюды. У каждого животного было свое историческое место в хозяйстве и культуре кочевников. Так, в казахском народе бытовала поговорка: «лошади – для роскоши, верблюды – для украшения, овцы – для щедрости, рогатый скот – для сытости» [22, с. 76]. Каждый вид скота в уходе и содержании имел свои особенности, которые казахи хорошо знали.

Наиболее продуктивным животным в хозяйстве казахов является мелкий рогатый скот, где больше всего ценятся овцы и бараны. Они доставляют народу почти все необходимое в жизни, являются меновой и торговой единицей и самое главное основным товаром всей степной торговли. Как отмечает Д. Львович, «ныне с постепенным переходом хозяйства от натурального к денежному баран оказался на высоте своего назначения, ибо с одной стороны неожиданно приобрел значение как бы монетной единицы, а с другой – сам сделался главным объектом степной торговли, доходы от которой составили не менее 2/3 всего киргизского бюджета» [23, с. 209].

Только в 1880 году сгон баранов со всей степи на Ботовско-Куяндинскую ярмарку в Каркаралинском уезде составил 1 миллион голов. В 1883 году на ярмарке баранов было продано на сумму полтора миллиона рублей, а весь оборот за год составил 1.256.920 рублей [24, с. 31]. Большим спросом на внешних рынках пользовались бараньи кишки, которые применялись в колбасной промышленности и изготовлении струн для музыкальных инструментов. Основные рынки потребления сосредотачивались в Вене, Будапеште, Берлине. Так, в 1899 году в Берлин было отправлено 380.000 штук бараньих кишок [25, с. 50].

Казахский баран имеет крупный рост, грубую шерсть и резкое отличие – отложения сала, так называемый курдюк. Крупный баран дает до 1 - 3 пуда мяса, до 1 пуда курдюка и 3-4 ф. шерсти и обладает хорошей выносливостью [13, с. 27]. Несмотря на огромные перекочевки, достигающие 1000 верст в один конец, овцы южных волостей Атбасарского уезда отличаются своими

Казахи в степи. Вторая половина XIX в. Ксилография по рис. В.И. Васнецова. Из кн. Галиев В.З. Казахстан в творчестве художников XIX в. – Алматы, 2005.

Типы казахов.

Фотография из фондов Российской национальной библиотеки
(г. Москва, РФ)

Доение кобылы.

Фотография из фондов Российской национальной библиотеки
(г. Москва, РФ)

Перекочевка.

Фотография из фондов Российской национальной библиотеки
(г. Москва, РФ)

мясными качествами. Ежегодно в Туркестанский край отгонялись более тысячи овец из Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской областей.

В начале XX века значимость казахских овец значительно возросла также в связи с тем, что во внутренних губерниях России и на Кавказе с развитием товарного зернового хозяйства условия успешного и выгодного разведения овец были нарушены. Поднявшиеся цены за аренду земли до 5-10 рублей за десятину в год притом, что на десятину приходилось от 1 ½ до 3 голов овец, заставили скотоводов названных регионов либо сократить поголовье мелкого рогатого скота, либо отыскивать прежний земельный простор для развития овцеводческого хозяйства [15, с. 124]. Поиски богатых и просторных пастбищ были обращены в сторону земель за Уралом, в степные части Сибири, то есть Акмолинскую и Семипалатинскую области. Скрещивание местных пород овец с привезенными меринсами давало хорошие результаты. Кроме этого, особые природно-климатические условия Казахстана (жаркое и сухое лето), давние производственные традиции способствовали тому, что заболеваемость овец в казахской степи была намного ниже, чем в Крыму и на Кавказе. Таким образом, перспективы овцеводческого дела с должным применением селекции, научных знаний в центральной части Казахстана были весьма значительны.

После барана наиболее ценным животным и более разводимым в казахском хозяйстве Центрального Казахстана являются лошади. Как отмечает Э. Нельсон Фелл (управляющий Лондонской горнодобывающей компании в Степном крае с 1902 по 1908 гг.), «для степняка лошадь – самое лучшее животное. Она легко зимует, кобылы дают самое лучшее молоко, лошади дают самое лучшее мясо. Они верные слуги при перемещении стоянок, для присмотра за отарами и стадами. Невозможно представить жизнь в степи без лошади» [26, с. 107].

В «Обзорах», анализируя состояние местного скотоводства, авторы замечают, что «чисто киргизская порода лошадей, характеризуется следующими качествами: небольшой рост (до 2 аршин), короткий стан (длина туловища – 40 - 40½ верш., длина спины – 12 верш.), небольшая сухая и прямая голова с небольшими прямо стоящими ушами, низкая шея, широкий и сильный крестец, толстые крепкие ноги с плоскими и крепкими копытами. Означенные качества обуславливают легкость, быстроту и силу бега» [13, с. 28].

Необходимо заметить, что данный вид лошадей встречается в конце XIX века лишь в глубине казахской степи, в хозяйствах поддерживающих традиционные способы ведения хозяйства, к которым можно отнести степные области Центрального Казахстана. И даже, несмотря на свою невзрачность, казахская лошадь обладает многими важными качествами, за что сумела обратить на себя внимание не только скотопромышленников Евразийского региона, но и военного ведомства и ведомства государственного конезаводства.

Именно благодаря своим качествам казахская лошадь находила хороший спрос как среди местного, так и среди русского населения. Так,

именно южная казахская лошадь принесла славу Акмолинскому конному рынку. В 1885 году на эту ярмарку было пригнано 200 лошадей, в 1890 году – 377, в 1891 году – 1352, в 1892 году – 3031, в 1894 году – 7801 [27, с. 135]. Лошадей перегоняли в сибирские, уральские и поволжские губернии, где их закупали для хозяйственных работ. Часть лошадей перегонялась в промышленные районы Урала и Восточной Сибири для забоя на мясо. На Акмолинской ярмарке были представлены большей частью лошади Акмолинской области (82%), в том числе и с южных волостей Акмолинского и Атбасарского уездов. Остальные 18% были пригнаны из Каркаралинского и Павлодарского уездов Семипалатинской области. В 1893 году на ярмарке лошади из Акмолинской области составляли 100%, в 1894 году – 84% [27, с. 135].

Особым спросом во внутренней и внешней торговле на Евразийском пространстве пользовались конские кожи, конский волос и хвосты, большие партии которых закупались только в Казахстане, где в силу традиций выращивали в большом количестве лошадей. Данный товар сосредотачивался “в Петропавловске, Ирбите, Тюмени, откуда отправлялся в Европейскую Россию, где его промывали и подбирали. Потом часть его вывозилась в Германию и Англию, другая часть отправлялась в необработанном виде через Балтийский порт и через германскую границу” [25, с. 50].

Казахская лошадь пользовалась большим спросом и в российской армии. Во второй половине XIX – начале XX веков увеличение состава армии, активная внешняя политика, новые вооружения выдвинули перед государством на первый план вопрос о конном ремонте. Ресурсы собственного коневодства Российской империи не позволяли обеспечить потребности армии. Перед отменой крепостного права в европейской части России проявилась отчетливая тенденция к снижению общего уровня коневодства. Так, в 50-х годах он снизился по сравнению с 40-ми годами XIX века на 13,2%. По отдельным районам это снижение было еще большим. В Южном Степном районе (Кубань) число лошадей сократилось на 34,3%, в Средневолжском – на 26,6%, в Северо-Западном – на 21,3%, в Юго-Восточном степном – на 18,4%, в Западном – на 15,4% [14, с. 184].

В связи с этим во второй половине XIX века ведомство государственного конезаводства было озадачено целью создания запасного фонда для армии. Источником такого фонда могло стать степное коневодство Казахстана, в том числе и коневодство Центрального Казахстана, которое обладало большими возможностями и перспективами при рациональном ведении хозяйства. Поэтому в своих распоряжениях уездным начальникам Степной генерал-губернатор настоятельно выдвигал вопрос о необходимости поднятия степного коневодства и возможности пользоваться им для военных нужд [28, л. 28].

Важным достоинством казахских лошадей для российской армии, как уже отмечалось, является ее выносливость, быстрота и сила бега. Она была способна выдерживать значительный бег на дальние расстояния, обходиться

без корма, воды и отдыха. Так, «киргизы не затрудняются делать переезды на одной лошади до 100-150 верст с небольшими остановками в течение 10-12 часов. На дистанции 20 верст их лошадь может идти со скоростью до 1 версты в 1½ мин» [13, с. 28].

Поэтому с целью изыскания возможностей решения проблемы обеспечения российской армии лошадьми в начале XX века уездные начальники Акмолинской области получили задание выяснить, насколько тот или иной уезд области может выполнить эту задачу. Из рапортов акмолинского и атбасарского уездных начальников (1902-1904 гг.) следует, что «на случай мобилизации войск Сибирского военного округа можно приобрести покупкою верховых и упряжных лошадей лишь киргизской породы» [29, л. 14]. Причем отмечалось, что покупку нередко можно произвести в южных волостях Акмолинского и Атбасарского уездов, то есть на территории современного Центрального Казахстана, либо в городах и станицах, куда из степи во время ярмарок пригоняется значительное количество лошадей [29, л. 70, 71(об), 81].

Цены на лошадей устанавливались в зависимости от состояния лошади, ее качеств и достоинств: артиллерийские стоили 85-100 руб., верховые, офицерские – 120-150 руб., рабочие – 50-60 руб. Приведенные цены являлись средне справочными, в экстренных случаях казахи продавали лошадей дороже [29, л. 70, 71(об), 73]. Данный факт говорит о предприимчивости казахских скотовладельцев, чутко реагирующих на изменения в спросе на скотоводческую продукцию.

Необходимо отметить еще одно из перспективных направлений в развитии коневодства и реализации его возможностей, в частности, в области лечения и профилактики многих болезней. В периодической печати середины XIX века анализировался опыт работы кумысо-лечебного заведения возле города Самара, попасть в которое стремились желающие из разных мест. Данная статья, по мнению редакции, «представляет немаловажный интерес и в применении к нашему краю, так как Киргизская степь Сибирского ведомства при благоприятных климатических условиях, изобилии кумыса у киргиз и роскошности природы не уступит лечебным заведениям других мест» [30, л. 61]. Уже в начале XX века экспедиция Ф. Щербины отмечала новое явление в казахской степи – продажа кумыса, которым занимались преимущественно многолошадные хозяйства [31, с. 15].

Как уже отмечалось, во второй половине XIX – начале XX веков Центральный Казахстан представлял интерес для Российского государства как регион развитого коневодческого хозяйства, здесь в исследуемый период были крупные хозяйства, которые насчитывали по 1000-1500 и более голов лошадей [28, л. 30, 30(об), 35, 35(об)].

Рассмотрим процентное соотношение владельцев коневодческих хозяйств в Акмолинском и Атбасарском уездах (Приложение А). Так, наибольший процент владельцев крупных табунов приходится на хозяйства, где насчитывается от 450 до 1000 лошадей в Акмолинском уезде (35%) и от 1000 до 1500 лошадей в Атбасарском уезде (64%). Казахи, имевшие табуны

лошадей из 2000-2500 лошадей, в обеих уездах составляют незначительный процент: 5,8% и 7% соответственно. Однако, как те, так и другие играли доминирующую роль в кочевом хозяйстве Центрального Казахстана, поставляя на рынки Евразийского региона и за пределы Российского государства скотоводческую продукцию, обеспечивая работой бедные хозяйства, лишившиеся пастбищ и скота.

Это еще раз подтверждает, что степные просторы Атбасарского и Акмолинского уездов, особенно их южные области, предоставляли хорошую возможность для содержания и выращивания лошадей как для собственного потребления и обогащения, так и для нужд российской армии и промышленности.

Однако сокращение традиционных пастбищных угодий в хозяйстве казахов во второй половине XIX – начале XX веков негативным образом отразилось на развитии и состоянии казахского табуноводства, так как «устраивать конюшни на несколько сот лошадей также невозможно, как готовить на это число фуражных запасов» [4, с. 107]. На численности и качестве лошадей также сказывалась усиленная поставка лучших экземпляров на рынки Казахстана и Сибири. Это привело к сокращению численности лошадей в хозяйстве скотоводов.

Кроме этого, коневодство у казахов, по мнению специалистов-ветеринаров, во второй половине XIX – начале XX веков основывалось на применении простейших методов и способов. В этой связи Степной генерал-губернатор в 1894 году настоятельно поднимает вопрос о необходимости дальнейшего развития степного коневодства и возможности пользоваться им для военных нужд [28, л. 28].

Поэтому в начале XX века официальными властями намечаются и проводятся различные мероприятия, способствующие более интенсивному развитию скотоводства в казахском хозяйстве: распространение сенокосилок, создание общественных запасов сена, создание продовольственного капитала казахских обществ. Большую работу, по мнению акмолинского областного ветеринарного инспектора, необходимо провести среди самих казахов: «для улучшения скотоводства и коневодства в Акмолинской области нужна популяризация в населении знаний о приемах рационального разведения и содержания животных, которые можно осуществить путем народных чтений, издания брошюр на русском и киргизском языках, при помощи скотоводческих выставок» [32, л. 12].

Как видно, одной из важных задач областной администрации в конце XIX – начале XX веков явилось, в целях увеличения численности местных видов скота, даже, несмотря на трудности (производственные традиции местного населения, возрастающий экспорт скота, вывоз лучших экземпляров производителей из степных областей, неправильная селекция, сложные климатические условия), распространение научных знаний в области животноводства среди казахского населения, развитие интенсивных методов ведения хозяйства, к которым можно отнести распространение

сенокосения, улучшенный уход за молодняком, соответствующий подбор пород для скрещивания и т.д.

В традиционном кочевом хозяйстве казахов крупный рогатый скот занимал незначительную долю. Это объяснялось тем, что крупный рогатый скот был менее приспособлен к круглогодичному выпасу, чем другие виды животных, а также трудностью перегона его на дальние расстояния. Но зато быки киргизской породы были сильны в работе, очень выносливы к зимней стуже и неприхотливы на корм. Высокое качество так называемого «мраморного» мяса, который давал рогатый скот, обеспечивало ему большой спрос на российских рынках, «а потому ежегодно десятки тысяч голов на несколько миллионов рублей выгоняются отсюда в Петроград, Москву и другие большие города» [33, с. 13]

Во второй половине XIX - начале XX веков в структуре казахского стада происходят важные изменения, обусловленные экономическими условиями данного периода. В связи с изъятием традиционных пастбищ, сокращением перекочевков начинает возрастать процент крупного рогатого скота. Как замечает А.Кауфман, в казахском обществе на смену верблюду – спутнику кочевого быта приходит рогатый скот – спутник оседлого образа жизни [22, с. 18]. Ориентир на внутренний и внешний рынок, нуждающийся в мясной продукции, заставил казахов иначе посмотреть на роль данного вида скота в своем хозяйстве. Даже русские переселенцы обратили внимание на местный рогатый скот и охотно стали приобретать у казахов волов, и, подкормив их, затем продавать на убой [7, с. 243].

Одним из недостатков местного рогатого скота среди специалистов считалась его мелкорослость. Так, бык весил от 15 до 25 пудов, коровы еще мельче. Однако местный скот более вынослив к зимней стуже и неприхотлив на корм, вынослив в работе. Как заметил акмолинский областной ветеринарный инспектор в своем докладе о мерах по улучшению пород домашних животных в 1910 году, «киргизский крупный рогатый скот, благодаря своей чрезмерной выносливости, имеет в себе зачаток хорошо приспособляться к новым условиям, и потому при применении в его разведении более рациональных приемов, он в лучшем виде улучшит себя без примеси посторонней крови» [32, л. 12].

В целом этот вывод специалиста можно распространить и на весь казахский скот. Значимость данного суждения очень велика, так оно как подчеркивает большие перспективы скотоводческого хозяйства казахского общества. Так, в «Обзорах Акмолинской области» неоднократно подчеркивается мысль о возможности более эффективного развития этой важной отрасли. «Если и теперь киргизские степи доставляют на европейские рынки очень большое количество скота и животноводческих продуктов, то при ведении киргизами более правильного скотоводческого хозяйства, отпуск из степей этого товара может увеличиться в несколько раз» [13, с. 31].

Следовательно, при использовании более рациональных приемов ведения хозяйства, распространении научных знаний среди

скотопромышленников скотоводство Центрального Казахстана имело большие возможности и перспективы в начале XX века создать экономический фундамент для укрепления и развития экономики казахского общества.

Сложные почвенно-климатические условия Центрального Казахстана повышали ценность верблюдов в хозяйстве казахов. Как выючные животные, они незаменимы в дальней дороге при больших переходах. Неприхотливы они также на пищу, могут долго обходиться без воды.

Обширные степные просторы Сары-Арки издавна отличались большой значимостью верблюдов в стаде. Поэтому даже в начале XX века (1906-1910 гг.) Атбасарский и Каркаралинский уезды, где развивалось традиционное кочевое скотоводство, были основными поставщиками верблюдов в соседние районы. Если в северных уездах доля верблюдов в хозяйстве казахов была незначительна, как, например, в Кокчетавском уезде на 10000 жителей приходилось от 5 до 20 верблюдов, Павлодарском, Семипалатинском, Усть-Каменогорском – от 150 до 500, то в уездах центральной части Казахстана от 600 до 1000 верблюдов [5, л. 25].

Большую роль играли верблюды в развитии как местной, так и транзитной торговли. Как известно, через Казахскую степь проходили важнейшие транзитные караванные пути, связывающие Россию со среднеазиатскими государствами (*Карта 3*). Например, один путь пролегал из Петропавловска в Бухару, проходя мимо гор Улутау, на р. Сары-Су, другой – из Петропавловска, минуя г. Акмолинск, далее через Нуринский пикет на г. Туркестан [34, с. 504]. Поэтому обеспечение караванов выносливыми животными рассматривалось как государственная задача. Так, в южных волостях Атбасарского уезда, где часто в степи на торговых путях встречаются одни горько-соленые озера и реки, верблюды участвовали в развитии российской торговли с соседними странами. «Как часть государства, сопредельная с промышленными странами Средней Азии, киргизская степь способствует движению нашей среднеазиатской торговли, доставляя выючных животных и вожakov для многочисленных караванов, посредством которых эта торговля производится» [17, с. 193].

В свою очередь, обеспечение караванов верблюдами стало одним из главных промыслов, способствующим адаптации казахского общества к рыночным условиям. Средняя тяжесть, поднимаемая верблюдом – 16 пудов. За него берут в зависимости от расстояния от 8 до 16 рублей, при наиме помесечно средняя цена верблюда составляла 10 рублей в месяц [35, с. 353].

С распространением земледелия верблюдов стали употреблять и при сельскохозяйственных работах. Верблюжья шерсть, джебага также составляла видную статью в торговле.

Таким образом, особенности среды обитания и хозяйственные потребности казахов Центрального Казахстана определили соответствующий видовой состав казахского стада, где преобладали лошади, мелкий рогатый скот и верблюды. Данная видовая структура стада в казахском хозяйстве обуславливалась адаптивными способностями каждого вида животных, его

продуктивностью и возможностью его использования в системе социально-экономических отношений [36, с. 86]. Однако, с изменением экономических условий в казахской степи, с распространением рыночных отношений, роль традиционных видов животных несколько изменилась, уступив место крупному рогатому скоту.

Как уже отмечалось, кочевое скотоводство в Центральном Казахстане, обусловленное особенностями природно-климатических условий региона, в хозяйстве казахского общества занимало центральное место вплоть до начала XX века. Такое постоянство казахского общества, его непреодолимое желание заниматься именно кочевым скотоводством, официальные власти объясняли леностью народа, полагающегося только на силы природы. В циркуляре Акмолинского губернатора давалась следующая оценка уровня развития казахского скотоводства: «...суть дела заключается в самом неразумном ведении степного хозяйства, в невежестве самих кочевников, и в неумении их приспособиться к изменяющим их быт условиям» [28, л. 12]. Им вторили отдельные исследователи экономического развития народов Сибири и Казахстана. Так, Н.М. Ядринцев в своей работе «Леса как начало оседлости», увлекаясь традиционным мнением о превосходстве оседлого быта над кочевым, сравнивает полуголодную, почти нищенскую жизнь таежных татар с более обеспеченной жизнью казахов-скотоводов. Таежные татары, живущие среди хвойных лесов Сибири, где годных для возделывания земель очень мало, климатические условия неблагоприятны, много лет пытаются заняться земледелием и продолжают покупать хлеб. Однако, признавая, что казах гораздо сытнее и зажиточнее, чем лесной татарин, Н.М.Ядринцев видит в последнем более культурный элемент, чем в кочевнике [37, с. 23].

По-нашему мнению, данная оценка принижает значимость кочевого скотоводства как важной отрасли хозяйства в условиях Центрального Казахстана. Неуважительное отношение к труду скотовода-кочевника было типичным явлением для представителей оседлой культуры и основывалось на незнании специфики скотоводческого производства. Если учесть сложные природно-климатические условия, в которых казахи осуществляли свою производственную деятельность, защищая свои стада от голодных зим, болезней, диких зверей, подвергая свою жизнь трудностям и опасностям, то, следует признать, что труд скотовода-кочевника не менее сложен и труден, чем труд земледельца. Говоря о культуре или культурности скотоводческого хозяйства, необходимо отметить древние традиции и методы разведения того или иного вида скота, опирающиеся на богатый многовековой производственный опыт казахов. Опытные скотоводы могли точно сказать, на какие пастбища с какими травами необходимо пускать скот в тот или иной период, определить те выгоны, на которых тебеневка обеспечивает наиболее богатый приплод, даже точно предполагая возможность именно здесь появления двойни.

Поэтому в целом скотоводческое хозяйство кочевников-казахов может быть охарактеризовано как многоцелевое и достаточно высокопродуктивное,

полностью самодостаточное и ориентированное на удовлетворение потребительских потребностей кочевого населения [36, с. 88].

В 70-е годы XIX века свою точку зрения на уровень скотоводства высказал Г. Потанин, который своим письме Н.М. Ядринцеву от 28 февраля 1872 года заметил, что «даже киргизы нашу культуру считают ниже. Да и в самом деле они нас снабжают армяком, а не мы их» [38, с. 275]. Как мы видим, мнение ученого конца XIX века, основанное на объективных фактах, еще раз подтверждает значение скотоводства казахского общества для экономики центральной России.

Скептическое отношение к перспективам развития традиционного хозяйства является характерным для западных ученых, свысока смотрящих на культуру других народов. Этот недостаток не смогли преодолеть отечественные историки 60-70-х XX века (Б. Сулейменов, С. Толыбеков, А. Турсунбаев и другие). Они не отводили должного внимания вопросам изучения роли и места скотоводства казахского общества в исследуемый период и рассматривали процессы оседания номадов как прогрессивное явление.

В конце XX века данный подход критически оценивался в работах Ж. Абылхожина, Н. Масанова. Они рассматривают политику оседания и перехода к земледельческой культуре со стороны Российской империи как попытку проведения колониальных мер. Как заметила М. Олкотт, история взаимоотношений казахов с официальной властью в первой половине XIX века ясно показала, что кочевниками достаточно трудно управлять, а военно-политические меры по усмирению их могут отнять много времени и средств [39, с. 318]. Поэтому наиболее приемлемое решение в данной ситуации – это перевести казахов на оседлый образ жизни, прикрепить к земле и распространить среди них земледелие.

Данное мнение можно подкрепить документальными данными. Так, в конце XIX века официальные власти считали, что «доколе киргизы будут совершать в пустынных пространствах степей огромные орбиты своих кочевок, вдали от русского населения, они останутся верноподанными лишь по названию и будут числиться русскими лишь по переписям» [33, с. 6-7].

Однако практический опыт конца XIX – начала XX веков доказал несостоятельность, нерентабельность мер по насаждению оседания. Как указывал Д. Клеменц, огромные затраты, вложенные в дело седентаризации кочевников и приобщения их к новой культуре, не могли и не могут окупиться с достаточной прибылью. К тому же «всех сухих степей не оросить и вести земледелие с орошением, требующим добавочного труда, не всегда выгодно. Выгоднее будет покупать привозной хлеб из житниц настоящих» [37, с. 22]. Особенно данное высказывание актуально по отношению к Центральному Казахстану как к региону традиционного крупного скотоводческого хозяйства и рискованного земледелия. Поэтому в степных условиях Сары-Арки скотоводство являлось наиболее рациональным видом хозяйства. В силу недостатка пригодных для земледелия земель, как ни был бы хорош урожай хлебов, он не мог

удовлетворить продовольственные потребности казахского общества. Поэтому выгоднее было бы развивать и улучшать скотоводческое хозяйство казахов, вложив сравнительно небольшие средства в улучшение пород скота и более лучшее его содержание.

В этой связи примечателен пример других государств начала XX века, которые в своем развитии сделали ставку на дальнейшее усовершенствовании существующей экономики. Отвечая на вопрос, стоит ли уничтожать традиционное, полезное в Степном крае, Д.Клеменц в своей статье, посвященной кочевникам и кочевому быту, ссылаясь на опыт европейских стран, отмечает, что «успехи, достигнутые земледелием, заставляют и нас мечтать об интенсивном хозяйстве, но мы проглядели Швейцарию». Далее он продолжает: «С обычной своей практичностью и здравым смыслом швейцарцы крепко держатся за свой горный кочевой быт, сумели его усовершенствовать и соединить с интенсивной культурой и промышленностью [37, с. 22]. Как мы видим, публицист, не отрицая прогрессивного характера оседло-земледельческой культуры, вместе с тем достаточно ярко на примере небольшого европейского государства, доказывает большие перспективы скотоводческо-промышленного хозяйства.

Публицисты, исследователи конца XIX века, отмечая большое значение степных областей Казахстана для центральной России, предупреждали о том, что сокращение скотоводства означало бы сознательное разрушение традиционного хозяйства казахов, обрекая их на голодное прозябание, либо на отказ от привычного для них занятия. Игнорирование интересов кочевого населения может пагубно сказаться не только на развитии самого традиционного общества, но и на экономике Российского государства. Поэтому на вопрос: “что полезнее: пахарь ли, который, кроме своей пашни, ничего не дает для края, или киргиз, который снабжает не только свои местные, но и русские рынки предметами несомненно полезными и даже более – необходимыми?”, здравомыслящие наблюдатели, отвечали, “что если бы было возможным собрать статистические данные о том, сколько доставляется киргизами на рынки, за пределы местного края, предметов необходимости и пользы, если бы можно было вычислить, насколько такая доставка удешевляет предметы фабричной обработки, потребляемые всей Россией, тогда бы мы увидели, что ... киргизы далеко не бесполезны для нас, чтобы не сказать более, и что поэтому задаваться фальшивой задачей обрусения киргизов, в смысле отнятия у них земли в пользу хлебопашцев – не следует, ибо это поведет к полному обеднению киргизов, к тому положению, при котором киргизы или укочуют за пределы России или же обратятся в жалких нищих, никуда негодных пролетариев” [40, с. 137].

Прогноз дореволюционного исследователя жизни казахского общества воплотился в жизнь в 30-е годы XX века, когда насильственное оседание казахов привело к уничтожению традиционного хозяйства в Казахстане, к потере от голодной смерти половины казахского этноса и откочевке значительной части состоятельного слоя нации за пределы края.

Как отмечалось ранее, в конце XIX и даже в начале XX веков в южных районах Акмолинского и Атбасарского уездов и Каркаралинского уезда основную часть населения составляло казахское кочевое население. В результате включения Казахстана в экономику Евразийского региона, активной земельной политики официальных властей, проникновения рыночных отношений в Казахстан меняется сам характер кочевой жизни. В этот период все больше появляется хозяйств, сохранявших только видимые формы кочевого быта. Как констатирует В. Тресвятский, “круглый год они (кочевники) вращаются около своих зимовок, откочевывают на лето не более 5-6 верст, зимою держат на подножном корму только гулевых лошадей, овец же, рогатый скот и рабочих лошадей кормят всю зиму сеном, причем почти все занимаются земледелием” [41, с. 66]. Подобные явления где-то в большей степени, где-то в меньшей проявляются и на территории Центрального Казахстана.

Экспедиция А. Щербины, исследовав характер казахских хозяйств в Акмолинской области, констатировала, что здесь имеются группы хозяйств, различного характера, разного состава и размеров и преследующие различные, отчасти противоположные цели. При этом сделан важный вывод о том, что «кочевое хозяйство эволюционирует в сторону приспособления к новым условиям, особенно сильно развивающихся под влиянием переселения в степь русских крестьян. Наряду с чистым кочевым типом существуют хозяйства смешанного скотоводческо-земледельческого и скотоводческо-промыслового характера» [42, с. 52].

Таковы были особенности развития скотоводческого хозяйства Центрального Казахстана во второй половине XIX – начале XX веков.

Во второй половине XIX – начале XX веков в казахском хозяйстве Центрального Казахстана происходят важные изменения, которые были обусловлены объективными факторами, отражающими характерные тенденции развития всего Евразийского региона. Это: увеличение численности населения, казачья и крестьянская колонизация Степного края, административная и земельная политика Российского государства, сокращение традиционных пастбищных земель, распространение рыночных отношений в крае, развитие региональной и местной промышленности.

Особо следует выделить те факторы, которые в наибольшей степени влияли на развитие казахского скотоводческого хозяйства:

- общее увеличение численности населения Казахстана, которое вело к росту потребления сельскохозяйственной продукции, в первую очередь мясомолочной;

- рост численности оседлого населения (создание поселков способствовало развитию местных рынков сбыта скота);

- внешний фактор, к которому можно причислить повышенный спрос на продукцию скотоводства на рынках Евразийского региона в условиях роста численности населения в Европе и в европейской части России, потребность российской армии в лошадях, развитие капиталистической промышленности Евразийского региона, для которой во второй половине XIX – начале XX

веков Центральный Казахстан, как один из богатых животноводческих районов, стал значительной сырьевой базой;

- развитие местной промышленности, появление заводов и рудников, ощущающих потребность в мясомолочной продукции казахского скотоводческого хозяйства;

- распространение рыночных отношений, появление скотных рынков на территории Казахстана, в том числе и в его центральной части.

Анализ структуры стада в казахском хозяйстве Центрального Казахстана во второй половине XIX – начале XX веков подтверждает важную роль древних хозяйственных традиций и специфику степных областей. Особенности среды обитания и хозяйственные потребности определили соответствующий видовой состав казахского стада, где преобладали лошади, мелкий рогатый скот и верблюды. Однако, с изменением экономических условий в казахской степи, сокращением традиционных пастбищ, распространением рыночных отношений, традиционная структура казахского стада меняется в сторону наиболее востребованных на рынке видов скота.

Таким образом, скотоводческое хозяйство Центрального Казахстана во второй половине XIX – начале XX веков прошло сложный и противоречивый путь развития. С одной стороны, традиционное хозяйство казахов Сары-Арки в усложнившихся экономических условиях доказало свою жизнеспособность и возможности, продолжая оставаться основой экономики казахского общества. Кроме этого, оно сумело занять достойное место на рынках Евразийского региона. Сохраняя в своей основе производственные традиции и применяя имеющийся опыт, казахи вместе с тем демонстрировали адаптивные способности к развитию рыночных отношений.

С другой стороны, казахское хозяйство продолжало в большей своей массе применять традиционные простейшие методы ведения экономики, что в условиях сокращения пастбищных угодий отрицательно сказывалось на развитии скотоводства. Пагубно отразилось на темпах роста скотоводства также нерегулируемая поставка скота на рынки региона.

2.2 Скотоводческое хозяйство казахского общества Центрального Казахстана: региональный и хронологический аспекты

Важную роль в развитии скотоводческого хозяйства Центрального Казахстана во второй половине XIX – начале XX веков сыграли благоприятные природно-климатические условия. Об этом свидетельствует соотношение площадей различных сельскохозяйственных угодий региона. Из общего числа земель на пашни и сенокосы в южной части Акмолинской области приходилось 1,6 тыс. десятин (0,16%) и 3,7 тыс. десятин (0,35%) соответственно, в Каркаралинском уезде - 4,1 тыс. десятин (0,03%) и 16,4 (0,1%) соответственно [43, с. 148, 149; 44, с. 6]. Из этого следует, что земледельческое хозяйство в степных областях Центрального Казахстана не имеет большого значения, составляя по площади 1-2%, и местное население

98-99% земель может использовать как пастбища для развития своего скотоводческого хозяйства.

На данную особенность обращает свое внимание Управление государственных имуществ Западной Сибири, которое еще в 1885 году на запрос Министерства земледелия и государственных имуществ о количестве свободных и удобных земель для колонизации в регионе ответило, что «84% всего пространства Акмолинской области находилось под выгонами и степью, в Семипалатинской области в Павлодарском и Каркаралинском уездах земли, частью песчаные, частью твердо-глинистые и каменисто-древесные, следовательно, неудобные для земледелия» [33, с. 17].

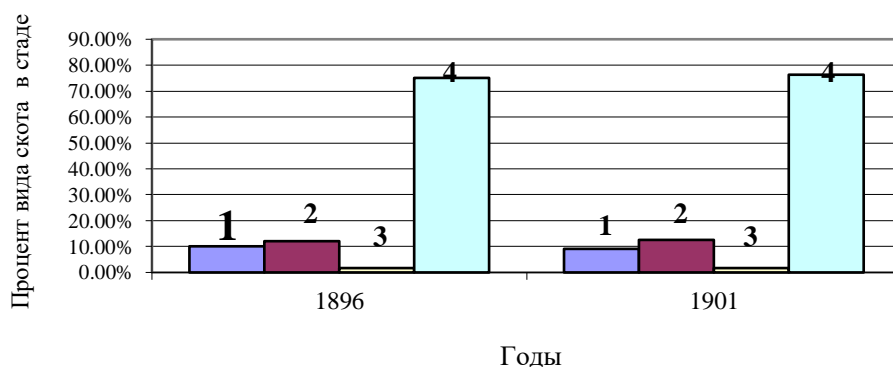
Важную роль скотоводства в экономике казахского общества Центрального Казахстана в конце XIX – XX веков демонстрируют также данные о характере казахского хозяйства (Приложение Б, Приложение В).

В данном регионе скотоводство является преимущественным занятием и главным источником существования казахского населения. Так, в среднем по южным волостям Атбасарского уезда, Акмолинского и Каркаралинского уездов 14,7%, 19,6% и 26,5% всего числа хозяйств соответственно имеют различные промыслы, 0,3%, 61,5% и 14,6% хозяйств соответственно имеют посевы. Процент неkochующих хозяйств в уездах незначителен. Следовательно, в экономике казахского общества центральной части Казахстана конца XIX – начала XX веков скотоводство играет ведущую роль.

Вместе с тем, можно выявить определенные региональные различия в развитии казахских хозяйств Центрального Казахстана, объясняемые степенью проникновения новых рыночных отношений и распространения переселенческой культуры, близостью к крупным торговым путям и центрам горной промышленности, особенностями природно-климатических условий того или иного региона.

Хозяйство южных волостей Атбасарского уезда можно отнести к традиционному, чисто кочевому скотоводческому хозяйству. Состав стада здесь строго подчиняется естественным условиям и общему строю хозяйства. Наибольший процент принадлежит мелкому рогатому скоту, который наиболее приспособлен к климату южных сухих пустынных областей и довольствуется незначительной растительностью. Большую роль в хозяйстве играют лошади и верблюды, которые легко переносят большие переходы и охотно съедают различные кустарниковые и травянистые растения, непригодные для других видов скота. Процент крупного рогатого скота незначителен, так как он менее приспособлен к далеким переходам (Приложение Г).

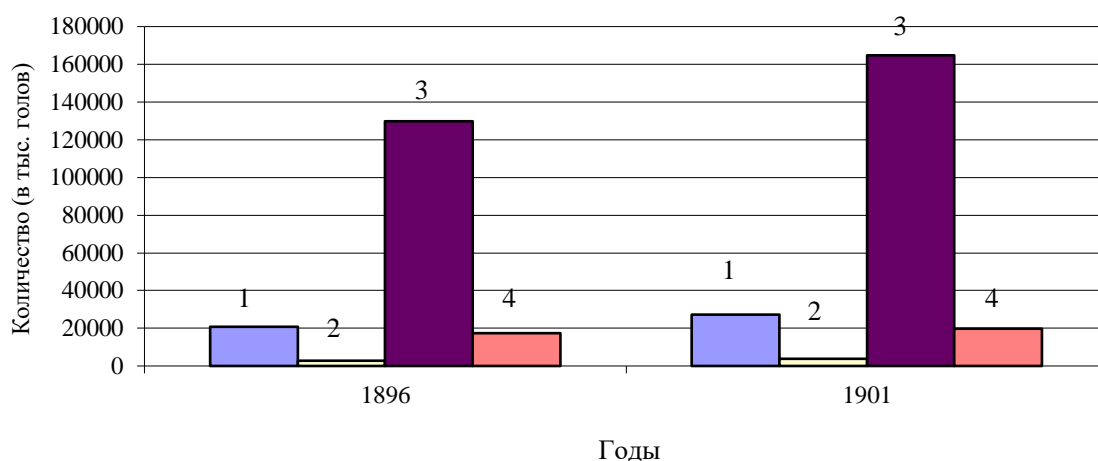
Существенно и то, что процентное соотношение каждого вида скота в южных волостях Атбасарского уезда в конце XIX – начале XX веков остается стабильным. Данный факт еще раз доказывает сохранение казахским обществом традиционных черт классического кочевого хозяйства в соответствии с рисунком 1 [45, л. 2, 3, 3(об), 4, 4(об), 5; 20, с. 219, 221].

Виды скота: 1 – верблюды, 2 – лошади, 3 – крупный рогатый скот (коровы и быки), 4 – мелкий рогатый скот (овцы и бараны)

Рисунок 1 - Видовая структура стада в хозяйствах южных волостей Атбасарского уезда

Если проследить динамику роста численности скота по видам с 1896 по 1901 годы, то налицо увеличение количества знаменитых баганалинских овец на 21%, лошадей – на 23,7%, верблюдов – на 11,6%, рогатого скота – 27%, при общем росте поголовья – на 20,7%. Приведенные данные свидетельствуют об устойчивом росте казахского скотоводства в исследуемый период в соответствии с рисунком 2 [45, л. 2, 3, 3(об), 4, 4(об), 5; 20, с. 219, 221].

Виды скота: 1 – лошади, 2 – крупный рогатый скот (коровы и быки), 3 – мелкий рогатый скот (овцы и бараны), 4 - верблюды

Рисунок 2 - Казахское скотоводство в 4 южных волостях Атбасарского уезда

Таким образом, природно-климатические условия, отсутствие плодородных земель в южной части Атбасарского уезда способствовали развитию традиционной скотоводческой культуры. Здесь даже в начале XX века не было ни одного оседлого поселения, а казахское общество, не испытывая прямого давления извне, сумело сохранить свои характерные черты. Как указывает в 1901 году Атбасарский уездный начальник, «это видно даже из того, что киргизы шести баганалинских волостей в течение года стоят на одном месте не более 5 месяцев и то зимой, а в остальное время находятся в движении» [46, л. 33].

Можно сказать, что для данного региона влияние рыночных условий в основном ограничивалось ростом внешней рыночной потребности на продукцию скотоводства. Ориентир на рынок, интенсификация скотоводческого хозяйства, которая нашла свое выражение в сенокосении (10,9% хозяйств, косящих сено), позволяет говорить об адаптации казахского общества данного района к новым условиям.

Отдельные волости Акмолинского уезда и Каркаралинский уезд, за исключением Чуйской волости, впоследствии отошедшей к Семиреченской области, можно отнести к району кочевого скотоводческого хозяйства, осложненного сенокосением и земледелием. Здесь казахи находятся под влиянием двух сил. Одна из них – это традиция, которая удерживает их в состоянии кочевников, рассчитывающих на возможности природы, другая – необходимость [20, с. 222], которая заставляет их адаптироваться к меняющимся условиям, подчиняться им и вынуждает заниматься сенокосением, земледелием, развивать рыночное хозяйство. В отличие от южных волостей Атбасарского уезда, здесь на характер хозяйства местного населения, в первую очередь, оказывают влияние региональные экономические условия. В частности, это близость к железной дороге и крупным городам, потребности увеличивающегося оседлого населения в скотоводческой и земледельческой продукции казахского общества, развитие торговли.

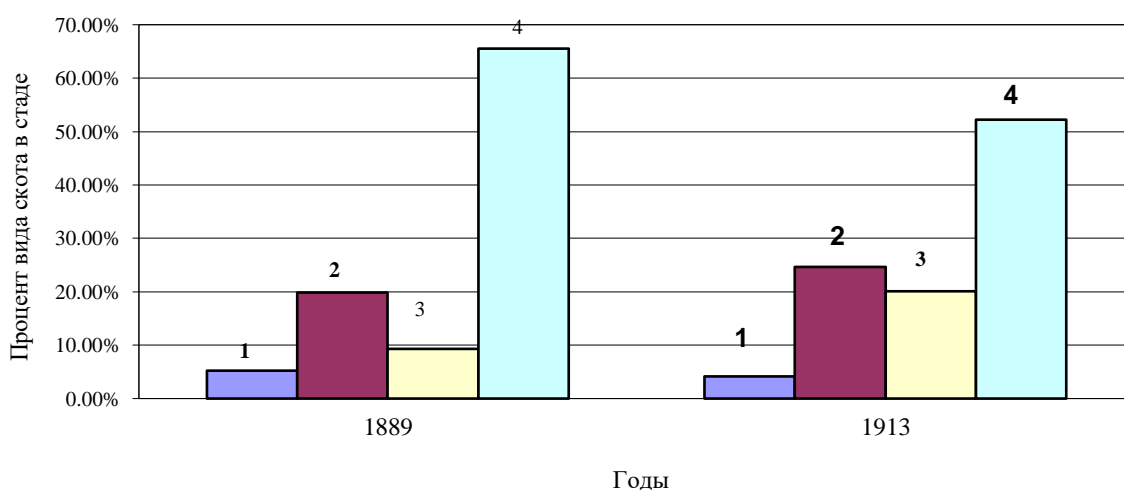
Чисто скотоводческого хозяйства в обоих уездах в конце XIX - начале XX веков не существует, оно дополняется промыслами и земледелием, тем самым, адаптируясь к меняющимся условиям жизни и быта. Кроме этого, в Акмолинском уезде 15,7% хозяйств, в Каркаралинском уезде 4,4% перестали кочевать, перейдя в категорию полукочевых и оседлых казахов, так называемых “джатаками” [43, с. 126].

Казахское общество в Акмолинском и Каркаралинском уездах более активно включается в рыночные процессы развития экономики Евразийского региона. В первую очередь, это нашло отражение в изменении структуры местного стада. Если в 80-е годы XIX века ведущее место занимали лошади и мелкий рогатый скот, а крупный рогатый скот и верблюды составляли небольшой процент, то в начале XX века под влиянием внутреннего и внешнего рынка, земельной политики администрации, роста переселенческого населения и избытия земель процентное соотношение

видов скота меняется в пользу крупного рогатого скота (Приложение Д, Приложение Е).

Рассмотрим изменение процентного соотношения видов скота в Акмолинском уезде в конце XIX и начале XX веков. В соответствии с рисунком 3 [47, л. 298; 48, с. 51], доля традиционных спутников кочевого хозяйства в сравнении с ситуацией конца XIX века и начала XX века сокращается, что объясняется изъятием обширных степных пространств из веденья кочевников и созданием переселенческих участков на территории уезда.

Вместе с тем, растущая потребность на мясную продукцию, нужды российской армии заставили казахское общество перестраиваться на новый лад, адаптируя свою экономику к рыночным условиям. Это привело к увеличению в стаде доли крупного рогатого скота и коз на 10,8% и на 3,3% соответственно, востребованных на российских и европейских рынках, а также лошадей, необходимых для конного ремонта в армии. Процент баранов и овец, а также верблюдов в Акмолинском уезде, количество которых по сравнению со второй половиной XIX века в 1913 году возросло в 1,09 и 1,27 раз соответственно, снизился на 17% и 1% соответственно (Приложение Д).

Виды скота: 1 – верблюды, 2 – лошади, 3 – крупный рогатый скот (коровы и быки), 4 – мелкий рогатый скот (овцы и бараны)

Рисунок 3 – Видовая структура скота в хозяйствах Акмолинского уезда

Аналогичная тенденция роста крупного рогатого скота, наиболее востребованного на рынках России и Европы, была характерна не только для экономики Евразийского региона, но и прослеживается в истории хозяйства других народов, например Франции. Если в конце XVIII века здесь имеется более 1.700.000 лошадей и от 6 до 7 миллионов быков, то в 1862 году насчитывается около 3 миллионов лошадей и около 13 миллионов быков, то

есть наблюдается резкое увеличение поголовья крупного рогатого скота, что также объяснялось увеличением потребления мяса [40, с. 36].

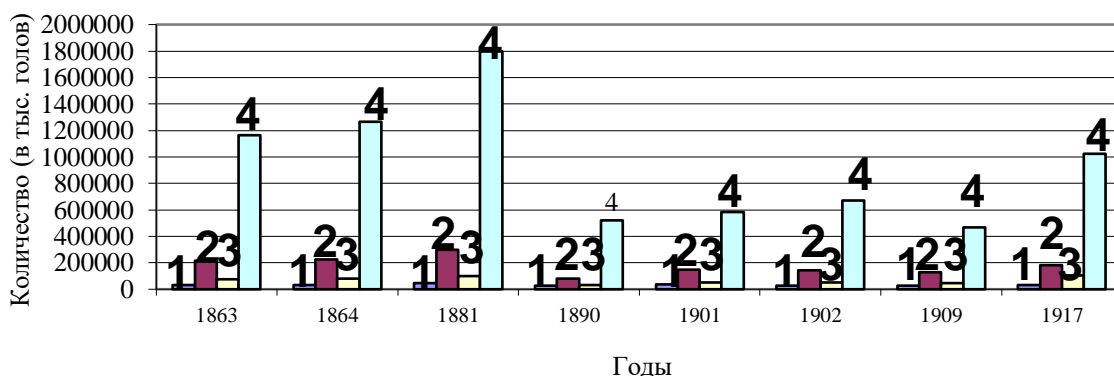
Рассмотрим развитие скотоводства в Каркаралинском уезде. Развитие казахского скотоводческого хозяйства в данном районе происходило несколько иначе, чем в Атбасарском и Акмолинском уездах (Приложение Е).

Если сравнить имеющиеся показатели 60-х годов XIX века с 1909 годом, то общая численность скота в Каркаралинском уезде уменьшилась в 2,2 раза или на 55%, однако к 1917 году количество скота приблизилось к показателям 60-х годов (в 1863 году – 1.489.823 голов скота, в 1917 году – 1.343.025 голов скота) [50, с. 377; 51, л. 110; 52, л. 30].

То есть, в отличие от двух соседних уездов скотоводство здесь развивалось медленнее, тенденции роста были незначительны. Причины такого положения заключались в том, что в Каркаралинском уезде промышленное развитие региона, наличие богатых озер и рек обеспечивали благосостояние отдельных представителей казахского общества. Так, процент хозяйств с промыслами в Каркаралинском уезде несколько выше, чем в соседних южных волостях Атбасарского уезда (14,7%), и составлял 19,6% (Приложение Б).

Эти факторы неизбежно сказались на темпах развития скотоводства в Каркаралинском уезде во второй половине XIX – начале XX веков.

В соответствии с рисунком 4 [50, с. 377; 51, л. 110; 52, л. 30], период 1860-1880 годов отличался динамичным развитием казахского скотоводческого хозяйства. Однако в 90-е годы XIX века казахскому обществу пришлось столкнуться с разными проблемами в плане развития скотоводства в регионе: джугты, болезни скота. Большой урон развитию местного скотоводства нанесло слабое развитие ветеринарного дела, усиленная поставка скота и скотоводческой продукции на местные и внешние рынки.

Виды скота: 1 – верблюды, 2 – лошади, 3 - крупный рогатый скот, 4 – мелкий рогатый скот

Рисунок 4 - Скотоводство казахского общества в Каркаралинском уезде

Однако, если рассмотреть развитие скотоводства Каркаралинского уезда по отдельным волостям, то можно выделить традиционные скотоводческие районы (Приложение Ж). Это - Абралинская, Акботинская, Котань-Булакская, Кызылтавская, Дагандельская, Беркаринская, Чубартавская, Моинтинская, Темирчинская волости, в которых всегда наблюдалась положительная динамика роста скотоводства в соответствии с рисунком 5 [51, л. 9(об), 14, 19, 24, 29, 34, 39, 44, 49, 54, 59, 64, 69, 74, 79, 84, 90, 95, 100, 105, 110; 52, л. 18-30].

В перечисленных волостях уезда, наиболее приспособленных к развитию скотоводческого хозяйства, всегда наблюдалась тенденция роста поголовья скота, численность которого в казахских хозяйствах за 25 лет возросла почти в 2,5 раза. В других волостях скотоводство также занимает важное место в хозяйстве казахов, но вследствие сложных природно-климатических особенностей региона, сокращения пастбищ, распространения оседлой культуры местному населению приходилось сочетать традиционное хозяйство с дополнительными видами занятий (Приложение Б, Приложение В), что было ярким проявлением адаптации казахского общества к рыночным условиям.

Волости: А – Абралинская, Б – Котань-Булакская, В – Кызылтавская, Г – Дагандельская, Д - Беркаринская, Е – Темирчинская, Ж – Чубартавская;

Годы: 1 – 1890 год, 2 – 1898 год, 3 – 1917 год.

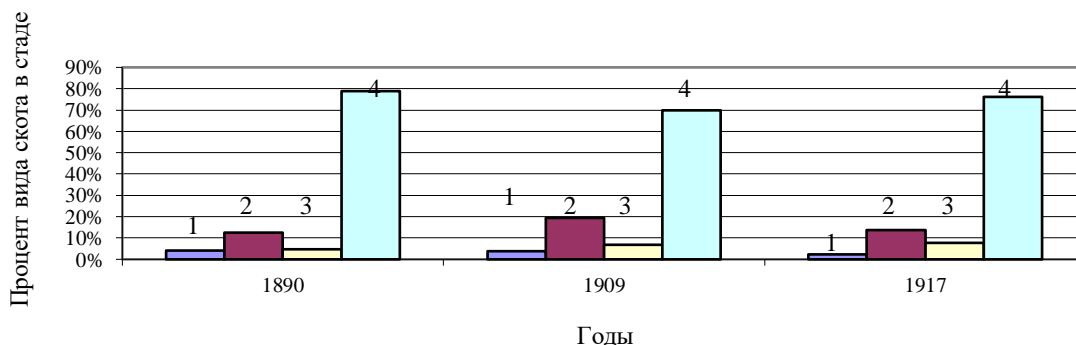
Рисунок 5 - Развитие казахского скотоводства в отдельных волостях Каркаралинского уезда

Однако вместе с тем основным элементом экономики казахского общества Каркаралинского уезда во всех волостях являлось скотоводство, где даже в начале XX века большая часть населения была представлена кочевым населением (Приложение И). К 1917 году типы казахских хозяйств были представлены следующим образом: хозяйств, имеющие скот – 97,5%, неимеющие скота – 2,4%, с промыслами – 15,5%, косившие сено - 32,1%,

использующие наемный труд – 3,3%, не имеющие инвентаря – 72,5% [52, л. 1-14].

Видовой состав скота в целом по Каркаралинскому уезду был обусловлен преобладанием казахского населения (в 1897 году – 98,9%, в 1907 году – 97,2%) и традиционного кочевого хозяйства, то есть представлял собой традиционное для кочевого общества процентное соотношение скота. В 1890 году наибольший процент падал на мелкий рогатый скот (78,9%) и лошадей (12,4%), доля верблюдов и крупного рогатого скота была примерно одинаковой (4% и 4,6% соответственно) [53, л. 14(об)].

Вместе с тем, изменения в социально-экономической жизни кочевого общества, переселенческая волна, влияние рыночных отношений привели к тому, что к 1917 году доля верблюдов и мелкого рогатого скота в целом по уезду сократилась на 2% (2,3% и 76,2% соответственно), процент лошадей в сравнении с 90-ми годами XIX века практически сохранился и даже возрос (в 1909 году – 19,4%, в 1917 году - 13,6%), процент крупного рогатого скота неизменно возрастал (в 1909 году – 6,8%, в 1917 году – 7,7%) в соответствии с рисунком 6 [52, л. 9(об), 14, 19, 24, 29, 34, 39, 44, 49, 54, 59, 64, 69, 74, 79, 84, 90, 95, 100, 105, 110; 47, л. 18-30].

Виды скота: 1 – верблюды, 2 – лошади, 3 – крупный рогатый скот (коровы и быки), 4 – мелкий рогатый скот (овцы и бараны)

Рисунок 6 - Видовая структура стада в хозяйствах Каркаралинского уезда

Для оседлого населения Каркаралинского уезда, процент которого в 1881 году составлял 11%, скотоводство являлось также главным источником благосостояния. В богатых оседлых хозяйствах оно велось по традиционному образцу, отличие состояло лишь в том, что вместо баранов, составлявших основу казахского кочевого хозяйства, обращалось внимание преимущественно на крупный рогатый скот [54, л. 12(об)]. Данный факт еще раз свидетельствует об устойчивом росте значения Центрального Казахстана как скотоводческого региона.

Таким образом, проанализировав региональные особенности развития скотоводческого хозяйства казахского общества Центрального Казахстана, можно отметить, что в конце XIX – начале XX веков оно играло ведущую роль не только в развитии экономики местного населения, но и занимало важное место в развитии Евразийского региона.

Рассмотрим основные этапы развития скотоводства в казахском хозяйстве Центрального Казахстана во второй половине XIX – начале XX веков.

До 90-х годов (60-80-е годы XIX века) скотоводческое хозяйство казахов в Центральном Казахстане развивалось на основе традиционных приемов, которые рассматривались официальной властью в лице Акмолинского губернатора в 1893 году как “примитивный путь по вековому установившемуся обычаю, всецело предоставляя его (скотоводство) силам природы, не сообразуясь со спросом и существующими потребностям, ни с видоизменяющимися условиями их собственной жизни, ни прилагая никаких стараний к сохранению своего благосостояния” [28, л. 12]. Данная оценка носит несколько субъективный характер, еще раз подтверждая некомпетентность официальных властей.

Введение нового административного устройства в Степном крае, и самое главное объявление государственной собственностью всех казахских земель серьезно отразилось на состоянии скотоводства в степных областях региона. Однако, развиваясь согласно существующим традициям и еще не испытывая сильного влияния новой оседло-земледельческой культуры, скотоводство Центрального Казахстана продолжало развиваться в количественном отношении и сумело занять достойное место в экономике Российского государства и всего Евразийского региона.

Как было указано ранее, важным фактором повышения спроса на мясную продукцию степных областей явилось падение скотоводческой отрасли в России при увеличении численности населения. Данная ситуация вызвала рост значимости казахских степей, что позволило официальной региональной прессе в 1871 году сравнить положение Казахстана к России, как Монголии к Китаю. «В настоящее время одна только часть сибирских степей (Акмолинская область) отпускает ежегодно в Россию свыше миллиона скота. В этих видах мы обязаны устранить все обстоятельства, которые могли бы нанести удар столь существенной для нас отрасли народного хозяйства, даже развитие оседлого населения в степи, полагающим за основание своего хозяйства хлебопашество, должно иметь свои пределы, то есть не более того, сколько требуется административным и торговым интересам края. Всякий излишек в этом отношении вредно отразится на скотоводстве и в тоже время обречет поселенцев на довольно жалкое существование» [55, с. 3]. Как мы видим, официальная печать особо рассматривала значение скотоводческого хозяйства казахского общества. При этом исследователем экономической жизни края делался важный вывод о необходимости устранения всех препятствия в развитии традиционного хозяйства, учитывая большие возможности Степного края.

90-е годы XIX века в истории скотоводческого хозяйства Центрального Казахстана характеризуется важными изменениями, которые нашли свое отражение в определенных новациях. Адаптируясь к новой ситуации, в условиях сокращения традиционных пастбищных земель, кочевники Центрального Казахстана изыскивают различные способы поддержания своего благосостояния, развивая более рациональные методы хозяйствования: заготовка сена на зиму, организация общих сенных запасов, травосеяние, применение селекции, стойловое содержание молодняка. Данные мероприятия позволили казахским скотоводам добиться важных результатов. В 90-е годы XIX века казахское скотоводство переживает период постепенного подъема, когда на основе полученного опыта местные жители производят животноводческую продукцию не только для потребления, но и на рынок.

Однако поиск новых методов и форм развития казахским обществом в период адаптации к рыночным условиям сопровождался противоречивыми процессами. Ориентир местной экономики на рынок, усиленная поставка лошадей для армии в середине 90-х годов XIX века отрицательно сказались на развитии скотоводческого хозяйства казахов. Так, если в 1882 году пригон лошадей на Ботовскую ярмарку в Каркаралинском уезде составил 111 голов, в 1885 году – около 2 тыс., а в 1890 г. – 82 тыс. [27, с. 136]. Только за один год (1899-1900 годы) сбыт по железной дороге по Акмолинской области скотоводческого сырья увеличился в два раза. Если в 1899 году мяса было отправлено 570.829 пудов, кожи – 1.812.974 штук, то в 1900 году - 1.069.570 пудов мяса и 2.160.785 штук кожи [56, л. 36(об), 37]. Такая неконтролируемая ситуация неизбежно вела к сокращению численности стада. Кроме этого, ветеринары объясняли сложившуюся обстановку изменением условий жизни казахов-кочевников, переходом части кочевников к земледелию, применением ими прежних методов ведения скотоводческого хозяйства и предлагали систему мероприятий по развитию казахского скотоводства.

Но даже, несмотря на рекомендации специалистов-ветеринаров, официальные власти не всегда соглашались с проведением важных мероприятий по поддержанию скотоводства казахского общества. В ответ на письмо заведующего ветеринарной частью по Акмолинской области Военный губернатор области от имени Степного генерал-губернатора в 1894 году отказал в организации комиссии и мерах по улучшению скота киргизской породы в виду отсутствия средств [28, л. 46, 46(об), 47, 47(об)].

Вместе с тем в циркулярах областных губернаторов конца XIX века отмечалось, что «степное скотоводство, единственное занятие местных кочевников, существует не только для внутреннего удовлетворения киргиз, но, напротив, благодаря постоянному спросу на предметы скотоводства, занимает очень видное место, а потому естественно, что на эту отрасль сельского хозяйства должно быть обращено самое серьезное внимание и покровительство для поддержания и более успешного его развития» [28, л. 12]. То есть администрация осознавала, что в продукции скотоводства

казахского общества заинтересована, прежде всего, сама Россия, поэтому предпринимаются различные мероприятия для поддержания традиционного хозяйства.

Для изучения состояния данной отрасли и оказания поддержки скотоводческо-торговым и скотоводческо-промышленным хозяйствам казахского общества российской администрацией с целью обследования скотоводческих районов Степного края в регион регулярно откомандировываются чиновники.

В июле 1896 года в Акмолинскую область Министерством земледелия и государственных имуществ был откомандирован старший производитель работ, надворный советник Снегирев для добывания сведений о современном состоянии скотоводства в области и мерах для развития данной отрасли. В первую очередь, он должен был обратить внимание на выяснение вопросов, касающихся роли и участия местного населения в деле улучшения видов животных [57, л. 10, 10(об)]. Кроме этого, тот же вопрос в области изучал князь П. Кудашев. По итогам исследования перспектив казахского скотоводства был составлен отчет о положении коневодства в Акмолинской области [58]. Отчеты чиновников, а также рапорты уездных и областных ветеринаров отмечали большие возможности скотоводства степных областей для развития внутренней и внешней торговли, обеспечения российской армии, решения внутренних продовольственных проблем.

В начале XX века вопросы развития скотоводства в условиях повышения товарности скотоводческой продукции как в Евразийском регионе, так из-за пределами Российского государства привлекли внимание российской администрации. Как отмечалось выше, местная скотоводческая продукция играла большую роль в развитии внешней торговли, в экспорте мяса на рынки Европы, обеспечивала потребности населения и русской армии.

Возможности скотоводческого хозяйства казахского общества привлекли внимание переселенческого населения. Особенно это относится к Центральному Казахстану, где специфика природно-климатических и почвенных условий не позволяла вести земледельческое хозяйство в достаточных размерах. Так, в 1910 году, оценивая состояние земледелия переселенцев в центральных районах казахской степи, Г.Чиркин подчеркивает, что ведение зернового хозяйства здесь является мало доходным и даже иногда убыточным. В этих условиях население вынуждено переходить от земледелия к скотоводству даже там, где почвенные условия весьма благоприятны для земледельческой культуры [16, с. 27-28]. Отсюда следует, что специфика природно-климатических условий, в свое время определившая специализацию казахского хозяйства Центрального Казахстана, отразилась также и на характере хозяйства русского населения.

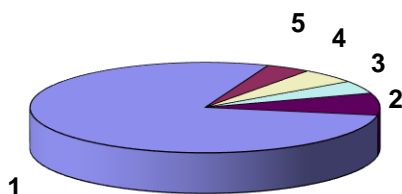
Большую роль в развитии скотоводства Центрального Казахстана в начале XX века сыграло проведение Сибирской железной дороги, связавшей отдаленные регионы Российской империи с центральными и европейскими рынками. Если до строительства Сибирской железной дороги из Сибири и Казахстана вывозилось не более 100 тыс. пудов мяса и главным образом на

Урал, то в 1900 году отсюда было вывезено в европейскую часть России около 2,5 млн. пудов мяса [59, с. 65]. Таким образом, экспорт сибирского и казахского мяса за 10 лет возрос в 25 раз, что еще раз подтверждает вывод о значимости Казахстана как скотоводческого региона.

Повышение роли скотоводства как важной отрасли хозяйства казахского общества в начале XX веков определялось также тем, что основная часть населения региона все средства своего бюджета получала от продажи скота и продуктов скотоводства. Получаемый доход от земледелия и промыслов по своей величине имел второстепенное значение. Этот факт подтверждается официальным мнением о том, что «скотопромышленность дает акмолинскому сельскому хозяйству денежных средств больше, чем какая-либо другая отрасль» [60, с. 47] в соответствии с рисунком 7 [61, с. 129]. Данную оценку доходности скотоводческого хозяйства можно распространить на весь Казахстан.

Из рисунка 7 видно, что скотоводческий промысел дает более $\frac{3}{4}$ всех поступлений в хозяйство казахского общества, тогда как доход от земледелия составляет только 4,1% всей суммы дохода хозяйства.

Так, в Акмолинском уезде 28,9% хозяйств все средства своего бюджета получали от продажи скота и продуктов скотоводства, а остальная часть казахов извлекала из этого источника главнейшую часть своих доходов. Доход от земледелия и промыслов для 71,1% казахских хозяйств уезда, несмотря на широкое распространение оседлой культуры, по своей величине имел второстепенное значение [42, с. 80].

Виды доходов: 1 – доход от скотоводства (78,1%), 2 – доход от земледелия (7,9%), 3 – доход от промысловой деятельности (4,6%), 4 – доход от сенокосов (5,3%), 5 – прочие доходы (4,1%)

Рисунок 7 – Доходность различных отраслей хозяйства в казахском обществе в начале XX века (в %)

В то время, как в отношении производства скотоводческой продукции наиболее доходными можно рассматривать казахские хозяйства Атбасарского, Акмолинского и Каркаралинского уездов, где доходы от скотоводства в год на одного едока составляли соответственно 81,85 руб., 64,12 руб. и 43,61 руб. Следовательно, на 100 руб. дохода от скотоводства в этих трех уездах дохода от земледелия приходилось соответственно 2,1 руб., 5 руб. и 4.3 руб. Данные таблицы раз еще подтверждают, что Центральный

Казахстан в начале XX века являлся важным центром скотоводческой промышленности Казахстана.

Прибыльность любого хозяйства определяется товарностью создаваемой продукции, насколько она востребована на рынке потребления. В степных областях Казахстана преобладало мясное скотоводство, которое по своему характеру было более товарным и более доходным, чем земледелие. Так, норма товарности мяса в Казахстане и Западной Сибири в первое десятилетие XX века достигала почти 50% и была выше, чем в Европейской России на 37% [59, с. 65]. Крупные скотоводческие хозяйства казахов в условиях увеличения потребности в скотоводческой продукции на внутреннем и внешнем рынках все более приобретали торгово-промышленный характер, активно участвуя в рыночных отношениях.

Прибыльность скотоводства как формы развития хозяйства в Центральном Казахстане в начале XX веков начали осознать крестьяне, которые стали увеличивать поголовье скота в своих хозяйствах. Практически во всех уездах Акмолинской области за крайне низкую цену крестьяне сдавали свой скот на выпас. Так, за лето с головы крупного рогатого скота крестьяне платили 50 коп., за мелкий скот – 10-15 коп. за голову [62, с. 64]. Поэтому у казахского населения земельные участки изымались не только для аренды под хлебопашество, сенокосные угодья и создание земледельческих хозяйств, но и для увеличения пастбищ для скота переселенцев.

Однако необходимо также принять во внимание то обстоятельство, что в начале XX века крестьянское и частновладельческое скотоводческое хозяйство еще не получило должного развития, в то время как скотоводческая продукция казахского общества уже имела хороший сбыт на внутреннем и внешнем рынках. Кроме этого, ветеринары Акмолинской области отмечали, что в северной полосе области в казахских хозяйствах налицо все признаки вырождения сибирской породы крупного рогатого скота [32, л. 12]. Поэтому официальные власти возлагали большие надежды на южные уезды региона, где скотоводство по-прежнему развивалось в больших размерах.

Значение Центрального Казахстана как одного из главных скотоводческих регионов Евразийского региона усиливалось его расположением на пути крупных скотопрогонных трактов. Так, ветеринарный врач Петропавловского уезда Сутормин в 1911 году отмечал, что казахи волостей уезда приводят на выпас на Таинчинскую ярмарку скот, следуя по степному тракту, проходящему через уезды Центрального Казахстана. Среди них казахи Таинчинской волости – Абдулла Шинкаев, Полуденской волости – Досмухамед Кудайназаров, Баймухамед Уразбаев [63, л. 56, 56(об), 57]. Данный факт еще раз свидетельствует о доходности скотоводческого хозяйства как для местного населения Центрального Казахстана, так и для соседних регионов, извлекающих выгоду из развития рыночных отношений в Евразийском регионе.

Однако в начале XX века на фоне роста товарного скотоводства в Казахстане начали проявляться тенденции сокращения численности скота в казахских степях, вызванные усиленными поставками скотоводческого сырья на рынки и для потребностей армии. В 1906-1914 годах количество скота, проданных на рынках Казахстана увеличилось в 4 раза, общая стоимость экспорта из степи увеличилась, превысив почти в 10 раз импорт [39, с. 332].

Главное управление землеустройства и земледелия, озадаченное расстройством данной отрасли сельского хозяйства в степных областях, в декабре 1912 года приняло решение сдавать в аренду скотоводческие участки преимущественно обеспеченным скотоводам и коневодам. А с 1913 года Переселенческое Управление начало нарезать крупные, скотоводческие участки и сдавать их на льготных условиях в аренду всем опытным скотоводам, желающим заняться правильным скотоводством или коневодством. Земли сдавались без торгов сроком на 36 лет, от 10 до 25 коп. за десятину с обязательством в течение пяти лет завести определенное количество голов скота. Например, кто пожелает заняться коневодством, тому полагается завести одну лошадь на 30 десятин удобной арендованной земли, для коров считается по 25 десятин на голову, для мелкого рогатого скота – по 6 десятин [64, с. 16].

Полезность от данного мероприятия, по мнению экспертов, должна была быть обоюдной. Государству – экономия средств, если каждая ремонтная лошадь обходилась казне около 1000 рублей, то рыночная стоимость не превышала 300 рублей [15, с. 126]. Казахскому обществу – дальнейшее развитие скотоводческого хозяйства, приложение всех возможностей для реализации насущных потребностей.

Реакция населения не замедлила сказаться. Так, в соседней с центральной частью Казахстана Семиреченской области, «скотоводческие участки по новому закону сдаются в аренду очень ходко, несмотря на короткий срок. Средняя величина участков под культурное коневодство, уже сданных целому ряду как местных, так и иногородних предпринимателей, колеблется от 2 до 4 тыс. десятин [65, с. 3].

Позднее Министерство земледелия предложило организовывать и более мелкие скотоводческие участки для сдачи в аренду, как переселенцам, так и местным жителям из казахов и русских крестьян [64, с. 15-16]. Данные факты еще раз подтверждают перспективность развития скотоводческого хозяйства не только среди кочевого, но и оседлого населения. К этому выводу можно добавить слова Д. Клеменца, который в начале XX века отметил, что «Россия крайне разнообразна, и потребностей у нее много. Для живущих в ней кочевых племен найдется полезное дело и без ломки их быта» [37, с. 54].

Таким образом, природно-климатические условия Центрального Казахстана определили характер и основные направления развития системы материального производства региона. Важное место в экономике казахского социума во второй половине XIX – начале XX веков продолжало занимать скотоводство.

Процесс хозяйственного взаимодействия Казахстана с Россией, сопровождавшийся адаптацией традиционных отношений к рыночным условиям, привел во второй половине XIX – начале XX веков к серьезным изменениям в казахском хозяйстве, которые были вызваны различными причинами: увеличением численности населения целом в мире и в Евразийском регионе, внутренним и внешним рыночным спросом на продукцию скотоводства, сокращением традиционных пастбищных земель казахов, крестьянской и казачьей колонизацией, административной и земельной политикой официальных властей, распространением рыночных отношений.

Общее увеличение численности населения Евразийского региона и Казахстана, привело к росту потребления скотоводческой продукции, в которой было заинтересовано как само казахское общество, так и переселенческое и казачье население. Местное население в условиях рынка стало ориентировать экономику в сторону не только количественного роста, но и улучшения качественных показателей.

Большую роль в увеличении спроса на скот и мясную продукцию сыграл внешний фактор. Скот и скотоводческая продукция в больших размерах поставлялась не только на рынки Центральной России и Сибири, но и в крупные города Европы, где в конце XIX – XX веков наблюдался дефицит продовольствия.

Ориентир скотоводства Центрального Казахстана на рынок отразился на структуре местного стада, где длительное время ведущее место занимали традиционные виды животных – лошади и мелкий рогатый скот, крупный рогатый скот и верблюды имели небольшой процент. В конце XIX – начале XX века под влиянием потребностей внутреннего и внешнего рынков, роста оседлого населения и изъятия у казахов традиционных пастбищ процентное соотношение видов скота меняется в пользу крупного и мелкого рогатого скота, наиболее востребованных в рыночных условиях.

В развитии казахского хозяйства Центрального Казахстана в конце XIX – начале XX веков можно выделить региональные особенности, которые объяснялись степенью проникновения рыночных отношений и распространения переселенческой культуры, близостью к крупным торговым путям и промышленным центрам.

Хозяйство южных волостей Атбасарского уезда даже в начале XX века, сохранив в своей основе традиционные черты классического кочевого хозяйства, сумело приспособиться к потребностям рынка и занять важное место в экономике Евразийского региона, как центр крупного скотоводческого хозяйства. Казахское же общество южных волостей Акмолинского и Каркаралинского уездов, адаптируясь к меняющимся экономическим условиям, постепенно изменяет традиционным привычкам ведения хозяйства. Здесь наибольшее развитие получили смешанные хозяйства, в которых наряду со скотоводством, развивалось земледелие и сенокосение.

Вместе с тем в начале XX века скотоводческое хозяйство казахского общества Центрального Казахстана переживало серьезные трудности, которые были вызваны сокращением традиционных пастбищных земель, усиленной поставкой скота в больших размерах на рынки региона и для армии, слабым уровнем развития ветеринарного дела. Осознавая значимость Центрального Казахстана как центра скотоводческой промышленности, губернаторы, уездные начальники, ветеринары предлагали различные мероприятия для поддержания и развития казахского скотоводства. По их мнению, распространение среди казахов научных методов ведения скотоводства, использование более рациональных приемов ведения хозяйства должно было позволить в будущем создать экономический фундамент для укрепления и развития экономики казахского общества.

Проанализировав факторы развития скотоводческого хозяйства казахского общества Центрального Казахстана и его темпы во второй половине XIX – начале XX веков можно выделить три этапа:

1) 60-80-е годы XIX века – период введения нового административного управления в Степном крае; проведение политики земельного утеснения, столкновение экономических интересов казахов с реальной действительностью, что отразилось на характере скотоводства местного населения;

2) 90-годы XIX века – осознание казахским обществом прибыльности скотоводства, ориентир на внутренний и внешний рынок, появление предпринимателей, развитие новых видов деятельности;

3) начало XX века – дальнейшее развитие скотоводческого хозяйства Центрального Казахстана, проведение различных мероприятий со стороны официальных властей для поддержания экономики казахского общества. Таким образом, скотоводческое хозяйство Центрального Казахстана, исходя из его природно-климатических условий, огромных перспектив и возможностей, позволило казахскому обществу в условиях рыночных отношений суметь приспособиться к меняющимся реалиям жизни и занять важное место не только в экономике Казахстана, но и Евразийского региона.

Примечания

1 Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизский степных областях. – Оренбург, 1898. – 532 с.

2 Копии отчетов военных губернаторов //ЦГА РК. Ф. И-64. Оп. 1. Д. 596.

3 Отчет царю военного губернатора Акмолинской области за 1879 г. //ГАОО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 17047.

4 Валиханов Ч. Ч. О кочевках киргиз //Соч.: В 5 т. – А-А: Гл. ред. Каз. Сов. Энцикл., 1984. – Т. 4. – С. 105-109.

5 Статистические сведения о распределении населения, посевных площадей, скота //ГАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 3 .

- 6 Хозяйство казахов на рубеже XIX-XX вв. (Материалы к историко-этнографическому атласу). Под ред. Г.В. Дахшлейгера. – Алма-Ата: Наука, 1980. – 254 с.
- 7 Списки населенных мест Семипалатинской области //ЦГА РК. Ф. И-460. Оп.1. Д. 41.
- 8 Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. Проблема кочевого хозяйства. – М.: Наука, 1972. – 314 с.
- 9 Переписка Степного генерал-губернатора о продовольственном снабжении кочевого населения //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 4. Д. 55.
- 10 Колонизация и народно-хозяйственное значение проектируемой Южно-Сибирской магистрали //Вопросы колонизации. – 1913. – № 13. – С. 100-129.
- 11 Карнаухова Е.С. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1860- 1914 гг.). – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 214 с.
- 12 Ленин В.И. Подготовительные материалы к книге «Развитие капитализма в России. – М: Политиздат, 1970. – 717 с.
- 13 Обзор Акмолинской области за 1895 г. – Омск, 1897. – 90 с.
- 14 Ковальченко И.Д. К истории скотоводства в Европейской России в первой половине XIX века //Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. – М.: Наука, 1960. – С. 175-190.
- 15 Колонизация и народно-хозяйственное значение проектируемой Южно-Сибирской магистрали //Вопросы колонизации. – 1913. – № 13. – С. 100-129.
- 16 Чиркин Г. Проектируемые Сибирские железные дороги и их колониационное значение //Вопросы колонизации. – 1910. – № 6. – С. 26-45.
- 17 Старков. Краткое обозрение Киргизской степи в географическом, историческом и статистическом отношении //Тобольские губернские ведомости. – 1860. – № 26. – С. 193-195.
- 18 Селиванов А. Поездка по Акмолинской и Семипалатинской областям. Извлечение из отчета министру //ГАКО. Ф. 1487. Оп.1. Д. 178.
- 19 Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. XVIII. Киргизский край. – С-Пб: Издание А.Ф. Девриена, 1903. – 447 с.
- 20 Чермак Л. Киргизское хозяйство в Степном крае //Район железной дороги Петропавловск – Спасский завод в экономическом отношении. – СПб: Тип. Ц. Крайз, 1912. – 314 с.
- 21 Чермак Л. Формы киргизского землепользования //Сибирские вопросы. – 1908. – № 41-42. – С. 4-11.
- 22 Кауфман А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. – М.: Тип-я т-ва И.Д. Сытина, 1908. – 456 с.
- 23 Львович Д. По Киргизским степям. – Пг., 1914. – 224 с.
- 24 Козина В.В. Население Центрального Казахстана (конец XIX в. – 30-е годы XX в.). Книга 1. – Алматы: Өркениет, 2000. – 144 с.
- 25 Жанысбеков М.А. Казахстан в торгово-экономических связях со странами Запада в конце XIX – начале XX веков: автореферат. ... канд. Ист. Наук: 07.00.02. – Алматы, 2002. – 30 с.
- 26 Э. Нельсон Фэлл. Русский и кочевник. Были киргизских степей //Нива. – 2000. – № 1. – С. 100-145.

27 Щеглова Т.К. Ярмарки Западной Сибири и Степных областей во второй половине XIX века. Из истории российско-азиатской торговли. – Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. Пед. Ун-та, 2002. – 236 с.

28 Дело об улучшении скотоводства в Киргизской степи //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп.1. Д. 10335.

29 Дело об укомплектовании армии лошадьми во время мобилизации 1902-1904 гг. //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10545.

30 Кумысо-лечебное заведение доктора Постникова близ Самары. Тобольские губернские ведомости. 1863. - № 23 //ГАКО. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 45.

31 Кабульдинов З.Е. Состояние торговли у казахов Омского уезда Акмолинской области //Вестник Павлодарского университета. Серия гуманитарных наук. – 2004. – № 2. – С. 9-17.

32 Переписка о мероприятиях по улучшению пород домашних животных в Акмолинской области (1910-1912 гг.) //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10678.

33 Остафьев В. Возможно ли при существующих знаниях и данных о Сибири определить количество свободных, годных и удобных земель для колонизации? //Записки ЗСО РГО. Книжка XVIII. – Вып II. – Омск. 1895. – С. 1-62.

34 Азиатская Россия. – С-Пб, Изд-во Переселенческого управления Главного Управления землеустройства и земледелия. 1914. – Т. 2. Земля и хозяйство, 638 с.

35 Юзефо Б. О быте киргизов в Тургайской области //Царская колонизация в Казахстане по материалам русской периодической печати XIX века. Составитель Ф.М. Оразаев. – Алматы: Рауан, 1995. – 367 с.

36 Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В., Алексеенко А.Н. История Казахстана. Народы и культуры. – Алматы: Дайк-Пресс, 2000. – 600 с.

37 Клеменц Д. Заметки о кочевом быте //Сибирские вопросы. – 1908. – № 49-52. – С. 18-57.

38 Письма Г. Потанина. – Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1987. – Т.1. – 276 с.

39 Олкотт М.Б. Казахи //Из истории казахов. Составитель Е. Аккошкаров. – Алматы: Жалын, 1997. – С. 303-336.

40 Очевидец. Переселенческий вопрос в Западной Сибири // Наблюдатель. – С-Пб., 1891. – № 8. – С. 121-141.

41 Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Вып. 1. Степной край. Составитель В.А. Тресвятский. – Пг., 1917. – 135 с.

42 Киргизское хозяйство в Акмолинской области. – С-Пб: Изд. переселен. Глав. Управл. Землеустр. И землед., 1909-1910. – Т. 5. Акмолинский уезд. – 476 с.

43 Район железной дороги Спасский завод – Пишпек в экономическом отношении. – СПб: Тип. А.Ф. Дресслера, 1914. – 270 с.

44 Статистика Российской империи. XXVII. Волости и населенные пункты. Выпуск 1. Акмолинская область. – СПб; Центр. Стат. Комитет МВД, 1893. – 15 с.

45 Ведомости о количестве скота в казахских волостях Акмолинской области. 1896-1903 //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10385.

46 Переписка Степного генерал-губернатора о продовольственном снабжении кочевого населения //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 4. Д. 55.

47 Отчет по Области сибирских киргиз за 1860 г. //ЦГА РК. Ф. И-345. Оп. 1. Д. 1780.

48 Седельников А.Н. Акмолинская область. – Омск: Тип. Штаба воен. Округа, 1916. – 58 с.

- 49 Бродель Ф. Что такое Франция. Кн. 2. Ч.2. Крестьянская экономика до начала XX века. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. – 511 с.
- 50 Красовский М. Область сибирских киргиз. Ч. 1-3. – СПб, 1868.
- 51 Статистические сведения по волостям Каркаралинского уезда. 1909-1910 //ЦГА РК. Ф. И-460. Оп. 1. Д. 16.
- 52 Элементы хозяйства Семипалатинской области. Данные Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. Поселенные и поволостные статистические данные по кочевому хозяйству Каркаралинского уезда //ЦГА РК. Ф. И-460. Оп. 1. Д. 80.
- 53 Статистика Российской империи. Т. 27. Вып. 5. Семипалатинская область. 1895 г. //ЦГА РК. Ф. И-460. Оп. 1. Д. 53.
- 54 Отчет царю военного губернатора Семипалатинской области за 1881 г. //ГАОО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 17056.
- 55 Акмолинские областные ведомости. – 1871. № 5. – С. 2-3.
- 56 Копии отчета губернатора о состоянии и нуждах Акмолинской области за 1912 г. //ЦГА РК. Ф. И-393. Оп. 1. Д. 109.
- 57 Дело о командировании Снегирева в Акмолинскую область для обследования скотоводческих районов //ЦГА РК. Ф. И-8. Д. 272.
- 58 Кудашев П. О положении коневодства в Акмолинской области //Записки ЗСОРГО. Отчет о деятельности ЗСОРГО за 1896 год. – Омск: Тип. Окр. Штаба, 1897. – С. 5-6
- 59 Горюшкин Л.М Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне. Об уровне и особенностях развития капитализма в сельском хозяйстве Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского Гос. Университета, 1962. – 130 с.
- 60 Памятная книжка Акмолинской области за 1912 г. – Омск, 1887. – 65 с.
- 61 Соколов Л.И. Население. Культура. Колонизация района Туркестан – Сибирская железная дорога. – С-Пб: Тип. Ц. Крайз, 1908. – 130 с.
- 62 Атушева С.Б. Джуты в Казахстане в конце XIX – начале XX веков: диссертация на соискание степени канд.ист.наук: 07.00.02. – А., 2000. – 142 с.
- 63 Дело по вопросу выпаса скота в Акмолинской области //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10674.
- 64 Описание Акмолинской области. – Петроград: Издание Переселенческого управления, 1916. – 25 с.
- 65 Аренда скотоводческих и хуторских участков в Семиречье //Семипалатинский край. – 1914. – № 8. – С. 3.

Глава 3. Новые тенденции в экономике казахского общества в рыночных условиях (вторая половина XIX – начало XX веков)

3.1 Особенности развития земледелия в Центральном Казахстане, его место в структуре казахского хозяйства

Во второй половине XIX века административная и аграрная политика российской администрации, переселение крестьян из центральных районов России в Казахстан, концентрация земель и пастбищ в руках зажиточного слоя населения привели к социально-экономическим изменениям в традиционном обществе. В условиях роста численности населения, сокращения традиционных пастбищных земель, дифференциации казахского общества традиционное хозяйство изыскивает иные формы развития для поддержания минимального благосостояния. Эти поиски нашли свое отражение в распространении земледелия и сенокосения.

В Центральном Казахстане, несмотря на отсутствие прямого влияния со стороны аграрной культуры и сохранение элементов традиционного уклада, также наметились тенденции к развитию хлебопашества.

Вместе с тем в уездах центральной части степных областей во второй половине XIX – начале XX веков развитие земледельческого хозяйства было ограничено природно-географическими условиями, в частности бедностью почвенных и водных ресурсов, недостатком атмосферных осадков, засушливостью и континентальностью местного климата. Вследствие этого земледелие в этом регионе носило ирригационный характер и зависело от возможности орошения посевных угодий.

Так, в природно-климатическом плане Каркаралинский уезд в материалах, адресуемых крестьянам-переселенцам, характеризовался как малоблагоприятный район для развития земледелия. «Каркаралинский уезд – самый обширный в Семипалатинской области. Восточная его часть охватывает, лишенную пресной воды, пустыню Бетпак-Дала, которая в пределах уезда достигает наибольшей широты. Лесной растительности очень мало, и она сгруппировалась в основном в северной части уезда, на горах Каркаралы, Кент, Куу, Эдрей, Кызылрай» [1, л. 44].

На распространение земледельческой культуры влияло также наличие удобных для хлебопашества земель (Таблица 4). В Каркаралинском уезде соотношение удобной и неудобной земли было не в пользу первой: 23.301 десятин удобной (0,1% от общего размера угодий) и 30.860 неудобной [2, л. 10(об)]. При этом количество пахотных земель составляло 1.830 десятин (0,01% от общего размера угодий).

Поэтому, обращаясь к переселенческому управлению, В.А. Остафьев в «Журнале сельского хозяйства и лесоводства» за 1893 год отмечал, что в Каркаралинском уезде нельзя водворять переселенцев отдельными поселками, потому что земли здесь песчаные, частью твердо-глинистые и каменисто-древесные, также неудобны для земледелия» [3, с. 159]. Лишь

немногие переселенцы в начальный период колонизации края и позднее, во второй половине XIX века выбирали местом жительства данный уезд.

Хозяйственный уклад южных уездов Акмолинской области был также обусловлен географическими и почвенными особенностями региона. Бедная растительность, каменистые почвы, редкие дожди, незначительная плотность населения определили основной вид хозяйственной деятельности местного населения – кочевое скотоводство. В.А Остафьев, размышляя о судьбе земледельческой культуры, отмечает, что «Акмолинский и Атбасарский уезды заселены кочевым населением и считаются крайне неудобными для земледелия, по своей почве и климату. В большей своей части занимают ровную, каменистую и почти безводную и бесплодную пустыню. Годные для земледелия места идут только по берегам рек Ишим и Нура и есть еще кое-где долинки с хорошей землей по рекам Чу и Сарысу и около больших озер. Без орошения полей водою, проведенного канавами, заниматься успешно здесь земледелием нельзя и надеяться» [3, с. 158, 159]. Поэтому здесь, как и в соседнем уезде, процессы крестьянской колонизации и распространения земледельческой культуры в южных волостях Акмолинского и Атбасарского уездов протекали намного медленнее, чем в других регионах Казахстана.

Таблица 4 – Размеры видов земельных угодий по уездам Степного края

Уезды	Виды земельных угодий (десятин)						
	Пашни	Сенокосы	Пастбища	Лес	Неудобной	Нераспределенной	Всего
Каркаралинский	1.830 (0,01%)	2.212	14.408	4.851	30.860	18.105.578	18.159.739
Акмолинский	26.664 (0,13%)	6.375	26.467	147	6.948	20.233.409	20.300.010
Атбасарский	37.836 (0,3%)	7.343	25.696	292	11.309	12.274.795	12.357.271
Примечание - Таблица составлена на основе 4, с. 6; 5, с. 13							

Из таблицы 4 видно, что в казахских хозяйствах Степного края доля пахотных земель была крайне низкой. В Каркаралинском уезде Семипалатинской области, Акмолинском и Атбасарском уездах Акмолинской области на пашни приходилось 0,01%, 0,13% и 0,3% соответственно, что свидетельствует о незначительной роли казахского земледелия.

Таким образом, особые природно-климатические условия Центрального Казахстана не позволяли новой аграрной культуре пустить прочные корни в данном регионе. Отсутствие богатых пашен, сухой климат, недостаток влаги, перепады температуры делали предпочтительным для казахов южных степных волостей занятие скотоводством и разведение скота в больших размерах.

Вместе с тем земледельческая культура была давно знакома казахам. В статье Д. Карбышева за 1827 год рассказывается о казахе Чанчаровской волости рода Джанибековского Каркаралинского округа Карычале Турсунове, который «весной 1826 года при урочище гор Ку (100 верст от Каркаралов) засеял часть земли просом, а часть пшеницею, последней 4 ½ пуда. Так как лето было дождливое, то просо, посеянное на низком месте пропало, а пшеницы, по урожаю, он снял до 100 пудов» [6, л. 3, 4]. В статье также описывались примитивные орудия труда, технология переработки зерна. Однако традиционно пашни у казахского населения были невелики и располагались далеко от зимовок и летних кочевков. Распахав и засеяв землю, казахи-земледельцы уходили кочевать совместно с сородичами и оставляли при пашнях несколько бедняков в качестве работников и охраны. Ближе к жатве и следующей за ней молотбе хозяева пашней возвращались с кочевков, собирали урожай и делили его между собой. Зерно хранилось в ямах, которые располагались вблизи зимовок, однако в том количестве, которое было необходимо для годового пропитания и для посева [7, л. 9, 9(об)]. Как видно, во второй половине XIX – начале XX веков земледелие в казахском обществе Центрального Казахстана, где основная часть населения была представлена кочевниками, было привязано к кочевому образу жизни и носило второстепенный характер.

Изменение административной и экономической ситуации в регионе, периодические джуты, падежи скота от хищных животных и болезней, распространение рыночных отношений вынуждали не только обедневшую часть казахского общества, но и представителей богатых слоев населения обращаться к земледелию, сенокошению.

Большую роль в развитии земледелия сыграло оседло-земледельческое население Центрального Казахстана, численность которого, хотя и медленно, но неуклонно росла.

Следовательно, в Казахстане во второй половине XIX – начале XX веков «картина чисто-скотоводческого хозяйства нарушается появлением земледелия, которое проникает в степь двумя путями: с юга – от земледельческих племен Центральной Азии, и с севера – от русских» [8, с. 24]. В казахской степи, где ранее господствовала чисто кочевая скотоводческая культура, хозяйство казахов начинает дополняться новыми формами экономического развития.

В данной ситуации назревала необходимость воспитания сельскохозяйственной культуры среди кочевников, которую осознавали представители официальной администрации, заинтересованные в этом вопросе в плане развития и расширения рынка сбыта хлебной продукции и прикрепления казахов к земле. В предложениях о мерах развития земледелия в Степном генерал-губернаторстве и о необходимости прикрепления казахов к земле за подписью Г.А. Колпаковского указывается, что «опыты такого рода, как знакомство населения с новейшими сельскохозяйственными орудиями, улучшение сельскохозяйственной культуры в массе населения, в особенности желательны по отношению к кочевому населению Атбасарского

и Каркаралинского уездов [9, л. 2, 2(об), 3], то есть, в районах, где процент казахского населения вплоть до XX века был весьма значителен. Следовательно, названные уезды, по мнению официальных властей, нуждались в особом контроле по развитию оседлой культуры.

В числе мероприятий, организуемых правительством для развития и дальнейшего распространения оседло-земледельческой культуры среди казахов, были: проведение показательных запашек, знакомство местного населения с новейшими сельскохозяйственными орудиями, покупка семян и плугов и другие. Например, в Акмолинской области была проведена показательная запашка земли плугами, по окончании которой троим казахам Таксыбаеву, Сарыказакову и Токебаеву были выданы три плуга, один плуг оставлен для фермы мужского казахского интерната [9, л. 35]. В Семипалатинской области для распространения земледельческой культуры в некоторых волостях казахам, изъявившим желание заниматься хлебопашеством, были также выданы семена и земледельческие орудия [10, с. 8].

Перечисленные меры по прикреплению казахов к земле и распространению среди местного населения новой культуры должны были способствовать усилению влияния России в отдаленных областях Степного края. Официальные власти, желая ускорить эти процессы, стремились всячески развивать новый вид занятия среди казахов. «Киргиз, который первый в округе разведет значительное хлебопашество, пчеловодство и прочее, получит право на особенную награду о назначении» [11, л. 193, 193(об)]. Как мы видим, российское правительство было заинтересовано в увеличении оседло-земледельческого населения и всячески поощряло хлебопашество предоставлением льгот и привилегий.

Земельная политика российской администрации в Казахстане во второй половине XIX – начале XX веков была ориентирована на земледельческое население. Лучшие земли в первую очередь изымались в пользу переселенцев. Только после изучения природно-климатических возможностей того или иного региона власти разрешали казахам закреплять земли за собой. Так, по прошению казахов Еременской волости Акмолинского уезда Байбекова и Мусина был произведен осмотр урочища Баке. По итогам осмотра было вынесено решение о том, что ввиду неблагоприятных для земледелия природных условий, рельефа («берега речки крутые и каменистые, сенокосных мест нет») и непригодности их для создания крестьянского селения, «дозволить киргизам поселиться здесь для постройки домов, заведений, пашен, устройства пастбищ [12, л. 15]. Данный факт еще раз доказывает колониальный характер административной и земельной политики в Степном крае российских властей. Лишенное необходимых пастбищ казахское общество не имело другого выбора, как принять оседлый образ жизни, заняться хлебопашеством, промыслами.

Характерной особенностью распространения земледельческой культуры среди кочевого населения Казахстана во второй половине XIX века – начале XX веков являлось то, что в условиях сокращения традиционных

пастбищных земель казахи, не имея кормовых источников и возможностей свободного выпаса, начинали заниматься земледелием для поддержания традиционного скотоводческого хозяйства и увеличения поголовья своего стада. «Началом введения земледелия в казахские степи должен рассматриваться тот период, когда богатые казахи вынуждены были искать дополнительный корм для своих поголовий скота, только лишь с этого периода земледелие становится постоянным» [13, с. 320]. В связи с этим одним из первых традиционных видов выращиваемых злаков в казахском хозяйстве является овес.

О темпах распространении аграрной культуры среди кочевого населения Казахстана также можно судить по росту площадей казахских пашен. В Семипалатинской области площадь казахских пашен с 1875 года по 1882 годы увеличилась от 8 до 20 тыс. десятин [14, с. 37]. Если в 1885 году казахи данной области засеивались 12.543 дес., в 1904 году – 77 тыс. дес. [14, с. 37], в 1906 году – 106.867 дес., то есть в 8,8 раз больше [15, с. 12].

В Акмолинском округе в 1860 году количество засеянных десятин составляло 1.206 [16, л. 113], в 1915 в Акмолинской области году площадь посевов у казахов достигала уже 100.355 десятин [17, л. 53], то есть увеличилась почти в 80 раз. Следовательно, к началу XX века по всему Казахстану наблюдается рост посевных площадей как в казахском, так и переселенческом и казачьем хозяйствах.

В Акмолинской области земледелие в казахском обществе получило свое распространение в ее южных уездах, то есть, Акмолинском, на который приходился 51% посева и 72% сбора, и Атбасарском, на который приходится 32% посевных площадей и 17,5% сбора хлеба [18, с. 8]. Данные уезды можно отнести к районам, где скотоводство и земледелие во многих казахских хозяйствах имеют равноценное значение. Так, в 1896-1897 гг. на Акмолинский и Атбасарский уезды приходится достаточно высокий процент сеющих хозяйств: 61,6% и 30,7% соответственно [19, с. 244]. Статистические данные можно подкрепить мнением очевидца, подполковника Трошкина, который в 1896 году в своей записке о торговле в Акмолинском уезде замечает, что «из года в год растут хлебные запасы крестьянского населения, но сбыта им нет, так как киргизы высевают для себя хлебов в достаточном количестве» [20, л. 15]

Вместе с тем необходимо отметить, что земледельческая культура в центральной части Казахстана получила свое развитие сравнительно поздно – во второй половине XIX века, по причине слабой заселяемости региона русским населением, отдаленности от центров, высокого процента казахского населения.

В начале XIX века хлебопашество интенсивнее развивалось во внутренних округах (Петропавловском, Омском и Семипалатинском), где влияние русского населения было ощутимее, чем во внешних казахских округах (Аягузском, Баян-Аульском, Акмолинском, Каркаралинском и Кокбектинском). К 60-м годам XIX века размеры казахских пашен как во внутренних, так и во внешних округах начинают расти. Если в 1833 году

Г.Броневский, анализируя посеы в 6 внешних округах, зафиксировал площадь казахских пашен в 661 десятин [21, с. 185], то в 1860 году только в одном Каркаралинском округе количество засеянных десятин составляло уже 1.396, а в Акмолинском округе - 1.206 [16, лл. 113, 225], что еще раз подтверждает распространение новой культуры в традиционном хозяйстве казахов.

История земледельческой культуры в Центральном Казахстане сравнительно молода. Так, в Каркаралинском уезде «из 1101 аула, имеющих запашку 585 завели ее в последнее десятилетие, прочие же пашут не более 30-40 лет» [22, с. 66], то есть вторая половина XIX века. Вплоть до начала XX века в Каркаралинском уезде существовали волости, где казахское население земледелием не занималось. Например, согласно статистическим сведениям за 1909 год хлебопашество не было распространено в Акботинской, Бюрлинской, Чубартавской, Кентской, Сартавской, Дагандельской волостях данного уезда [23, л. 9(об), 29, 34, 54, 74, 100].

В целом, Каркаралинский уезд можно отнести к районам, где земледелие носило подсобный, второстепенный характер, уездная доля посевов к общей площади посевов Семипалатинской области составляла всего 1%. Незначителен был также процент участия казахов уезда в развитии земледельческой культуры. Так, в 1896-1897 гг. на Каркаралинский уезд приходится самый низкий процент сеющих хозяйств – 14,5% [19, с. 244]. Однако, если учесть, что в 1860 году в Каркаралинском уезде хлебопашеством занималось всего 830 казахов (1,4%) [16, л. 225], то увеличение представителей местного общества, занимающихся земледелием, налицо. То есть, даже в таком скотоводческом регионе, как Каркаралинский уезд, земледелие постепенно получала свое распространение, что можно проследить также на основе анализа степени участия казахского населения в данном занятии.

В сравнении с 1876 годом, когда сеющих хозяйств в Каркаралинском уезде насчитывалось 2088 [24, л. 19-34], их число возросло на 3,8% и составляло 3331 хозяйств, что объяснялось хорошим урожаем 1885 года [10, с. 8]. К 90-м годы число сеющих хозяйств оставалось относительно стабильным: в 1890 году - 2766 [2, л. 11(об)], в 1895 году – 2777 [25, с. 12]. К началу XX века количество сеющих казахских хозяйств достигло своей верхней точки составило 9552, увеличившись по сравнению с 1876 годов на 21,7% [26, л. 8(об)]. Однако к 1917 году число хозяйств, занимающихся земледелием, сократилось до 4.520 (14,7%) хозяйств, то есть уменьшилось почти в 2 раза [27, л. 18-30]. По нашему мнению, главная причина заключается опять же в скотоводческой специализации Каркаралинского уезда. Сокращение численности стада в казахских хозяйствах уезда вследствие кризиса традиционного скотоводства в условиях сокращения пастбищных земель, усиленная поставка скотоводческой продукции на рынки региона заставили казахов иначе взглянуть на проблему обеспечения земель. Столкнувшись с недостатком кормов для своих стад, казахское общество вынуждено было сократить посевные площади в пользу

возможности выпаса скота на сохранившихся землях. Не в пользу земледелия также складывались природно-климатические условия региона. Поэтому, для определенной части казахского населения Каркаралинского уезда занятие скотоводством, а также промысловая деятельность и работа на рудниках и заводах региона предоставляла больше возможностей для поддержания своего благосостояния.

Потребность в земледельческой продукции казахи Каркаралинского уезда реализовывали за счет покупки хлеба из соседних уездов. Так, в 1883 году из 1.134.000 пудов хлеба в Семипалатинской области 40% приходилось на данный уезд, который традиционно занимал в этом деле первенствующее место [28, с. 7].

Рассмотрим темпы роста количества засеянных десятин в Каркаралинском уезде. Так, в 1860 году в данном уезде количество засеянных десятин составляло 1.396 [16, л. 225], в 1902 году – 1.942 ½ десятин [29, с. 95], в 1904 году – 1.304 десятин [30, с. 110], в 1909 году – 1.029 десятин [31, л. 3-110]. Посевы в уезде с каждым годом уменьшались, как и уменьшалось число сеющих хозяйств. Причины, обусловившие слабое и медленное развитие земледелия, опять же заключаются в недостатке хороших пахотных земель, участии казахского населения в промышленном освоении и скотоводческая специализация региона.

Характерной чертой земледелия Центрального Казахстана является неравномерный характер развития, что объясняется различием в почвенных условиях и наличием естественных водных ресурсов.

Центрами казахского земледелия являются в конце XIX – начале XX веков Токраунская, Кызылтавская, Аксаринская, Нуринская и Чуйская волости Каркаралинского уезда. Здесь, в юго-западной части Каркаралинского уезда протекают многоводные пресные реки Мукур-Джамчи, Токрау, Нура, Чу, что позволило местным казахам заниматься земледелием. Если в Токраунской волости экспедицией Щербины было насчитано 65% казахских хозяйств с запашкой, в Кызылтавской волости – 40%, в Нуринской волости – 27,8%, то в засушливых волостях (Акботинской, Борлинской и других) процент хозяйств с запашкой намного ниже [22, с. 67]. Самый низкий процент хозяйств с запашками приходится на Акботинскую волость – 0,1%, где в 1909 – 1917 годах в статистических материалах Семипалатинской области даже отмечается отсутствие хозяйств, занимающихся земледелием [31, л. 9(об), 29, 34, 54, 74, 100].

В южной части Акмолинской области наличие полноводных рек позволяло казахам активно заниматься земледелием, хотя и здесь оно выполняло второстепенную роль. Как отмечает русский исследователь С. Козырев, «по руслам рек кое-где разбросаны поля, орошаемые из реки, для чего киргизы местами устроили примитивные плотинки, запруды, вода проводится арыками» [32, с. 389, 392, 399, 401].

Большую роль в развитии земледельческой культуры, несомненно, сыграли крестьяне-переселенцы, которые приносили в Казахстан не только сельскохозяйственный опыт, но и опыт жизни в рыночных условиях того

времени. «Переселенец, - отмечает А. Щербина, - является, прежде всего, учителем киргиза в области хозяйственной. Он учит его пахать, сеять, косить, молотить и даже потреблять хлеб. Всюду, где только появились посевы, непременно это первый шаг делается под влиянием и при содействии крестьянина» [33, с. 214]. Так, в Акмолинской области в 1860 г. только 175 казахских хозяйств занимались земледелием, в 1896-1901 гг. – уже 20.949 хозяйств [34, с. 167].

Однако нельзя преувеличивать влияние русского элемента на развитие земледельческой культуры среди казахов. Для развития земледельческого хозяйства казахского и переселенческого населения у казахского общества изымались наиболее плодородные участки земли, на которых традиционно располагались не только пастбища и выгоны, но и казахские пашни. Как замечает А. Кауфман: «Факт географического совпадения русской колонизации и киргизского земледелия ничего не доказывает: русские поселения возникали просто там, где в виду благоприятных условий сосредотачивалось киргизское земледелие» [35, с. 42]. То есть, колонизация региона и раздача казахских земель переселенческому населению не только изменило ход развития скотоводческого хозяйства кочевников, но и пагубно отразилось на развитии земледелия в казахской степи.

До образования крестьянских селений в Акмолинской области площадь посевов казахских хозяйств была более значительна, но так как не только лучшие пастбища, но и лучшие пахотные земли изымались в пользу переселенцев, площадь казахских пашен сократилась [36, л. 44]. Изъятие традиционных пастбищных угодий у казахского населения заставило его иначе взглянуть на свои наделы. Имея значительное количество скота, кочевники были вынуждены отказаться от распашки земли около зимовок, чтобы не лишать на зиму свой скот подножного корма.

Борьба за землю в условиях потери традиционных пастбищ сопровождалась драматическими событиями. По сведениям военного губернатора Акмолинской области за 1887 год, казахи, испытав жестокую эксплуатацию со стороны казахского населения, ставят первым условием при переходе на оседлое состояние, «чтобы между ними не были поселяемы русские, а для ознакомления с земледелием и промышленностью они сами наймут себе русского учителя» [37, л. 5(об)].

Таким образом, влияние русских крестьян на характер хозяйства казахов носило не только прогрессивный характер, но имело и отрицательные последствия. Это не только сокращение пастбищных земель кочевого населения, но и негативное влияние на развивающееся казахское земледелие вследствие незнания специфики природно-климатических условий внутренних степных областей Казахстана русским населением. Так, переселенцы практиковали и распространяли среди казахского общества методику хлебопашества «под дождь». Однако замена поливного земледелия на земледелие «под дождь», даже с использованием новых технических орудий, в сложных для земледелия природно-климатических условиях Центрального Казахстана приводила к плачевным результатам. Результатом

такой практики явилось то, что урожайность хлебов как в русских селениях, так и казахских волостях под влиянием русского населения снижалась.

Поэтому, рассматривая причины перехода кочевого населения к земледелию, в большей степени, чем влияние русских крестьян, необходимо выделить такие факторы как изменение экономических условий, джугты, дифференциация и обеднение значительной части казахского населения, распространение товарно-денежных отношений. Именно они заставляли казахов, адаптируясь к новым рыночным условиям, переходить к земледелию и хлебопашеству.

Традиция земледельческой культуры в казахском хозяйстве Центрального Казахстана, несмотря на относительную молодость, получила хорошее развитие. Даже в южных волостях Атбасарского уезда, где сохранилось традиционное кочевое скотоводство, в 90-е годы XIX века можно было, как отмечают исследователи того времени, встретить «возделанные поля пшеницы, ярицы и ячменя, эти поля орошаются арыками, которые наполняются водою из ключа, неурожая при этих условиях не бывает» [38, с. 2]. Данный факт свидетельствует о больших достижениях казахского хозяйства в условиях рискованного земледелия.

Прекрасное знание местности, особенностей климата и почв позволило казахам во второй половине XIX – начале XX веков соперничать с крестьянским и казачьим населением. В материалах XIX века отмечается, что «ни один из кочующих в Сибири народов не может сравниться в успехах хлебопашества с киргизами. Трудолюбие их самую сухую песчаную землю обращает в плодородную» [34, с. 164].

Если крестьяне-переселенцы помогали овладевать казахам навыками подъема степей, то казахи помогали переселенцам овладевать опытом поливного земледелия. Причем было удивительным, что кочевники-казахи, особенно беднейшая их часть, среди родственной природы нашли возможность привить земледельческую культуру там, где слабые попытки станичников и поселенных солдат окончились неудачей. Объяснением тому было подневольное поселение, незнание особенностей поливного земледелия, несение службы и полубоевая обстановка среди малоизвестной природы. Так, в 1883 году урожай у крестьян в Каркаралинском уезде составил сам 5½, а у кочевников – сам 7 [39, с. 33], в 1885 году урожай яровой пшеницы в хозяйстве казахов уезда составил уже сам 9,7, в 1887 году - сам 10, даже в малоурожайный 1888 год урожайность казахских пашен была сам 6,9 [10, с. 8]. В Атбасарском уезде в 1892 г. по официальным данным по киргизскому землепользованию урожай у кочевников составил сам 6,6, в Акмолинском уезде – сам 9,2 [34, с. 164]. Таким образом, урожаи кочевого населения в конце XIX века были намного выше и лучше урожаев у русского населения, «ибо киргизские пашни пользовались искусственным орошением, тогда как русские пахари не устраивают арычной системы для их орошения своих полей [10, с. 8].

Еще одна причина высокой средней урожайности казахского земледелия, это то, что основная злаковая культура местного хозяйства –

просо, растение, дающего обильную жатву. Так, в 1881 году в Семипалатинской области урожай проса у казахского населения составил сам 8 [40, л. 10]. Если рассмотреть урожаи проса по уездам центральной части Казахстана, то в Каркаралинском уезде урожай этого вида злака составил в 1881 году сам 4, в 1898 году сам 7,3, в 1901 году – сам 31,3, в 1902 году – сам 11,3 [40, л. 14(об), 21; 41, л. 85(об); 42, с. 82; 29, с. 95]. Аналогичная ситуация складывалась и в соседних уездах. Это еще раз подтверждает особые адаптивные возможности казахского общества, способного в любых климатических условиях, в обстановке рискованного земледелия добиваться желаемого результата.

Важное изменение, показывающее процесс адаптации казахского общества в условиях изъятия земель и кризиса кочевого хозяйства, заключается в изменении рациона казахов-скотоводов. Как отмечает А. Кауфман, «переход кочевника от типично кочевого, типично скотоводческого к оседлому или полuosедлому скотоводческо-земледельческому или земледельческо-скотоводческому хозяйству сопровождается изменением в характере потребления. Этот процесс наблюдается везде: и у южных киргиз, у якутов, у забайкальских бурят» [35, с. 38].

Изменение рациона питания казахского населения рассматривалось еще в 40-50-х годов XVIII века проектах российских государственных деятелей о целесообразности комплексного изменения нравов, обычаев казахов как условия развития внутренней торговли. Включение хлеба в рацион кочевников должно было стимулировать их переход к земледельческой культуре и оседлости [43, с. 11]. Большую роль в распространении земледельческой культуры в Центральном Казахстане должно было сыграть увеличение потребления хлеба. Так, в 1898 году официальными властями отмечался факт того, что «каждым годом в Степном крае все уменьшается потребность в приобретении хлеба из соседних местностей, а параллельно с этим казахское население все больше обращается на хлебную пищу, и местные запашки все больше расширяются» [26, л. 10(об)]. Таким образом, в прямой зависимости с уровнем потребления земледельческой продукции, в частности хлеба, находится уровень развития земледелия. Об этом свидетельствуют фактические данные в таблице 5.

Таблица 5 – Потребление хлеба по уездам в 1896-1897 годах

Уезды	Число хозяйств	% сеющих хозяйств к их общему числу в уезде	Потребляли хлеба	Потреблено всего	Муки на одного человека
Каркаралинский	17.592	14,5%	96.800 чел.	500.622 пуд.	5,1 пуд.
Павлодарский	21.640	24,3%	123.350	747.280	6,1
Атбасарский	12.731	30,7%	75.100	473.490	6,3
Акмолинский	15.056	61,6%	88.800	760.134	8,6
Актюбинский	17.396	94,5%	103.000	1.700.000	16,5
Примечание – Таблица составлена на основе 19, с. 49, 244					

Как видно из таблицы 5, по мере увеличения процента сеющих хозяйств в отдельных уездах Казахстана увеличивалась в этих уездах норма потребления хлеба на одного человека. Так, в конце XIX века наиболее развитые в плане земледельческой культуры Кустанайский и Актюбинский уезды потребляют больше хлеба, чем скотоводческие уезды. Наименьшее количество потребленного хлеба приходится на Каркаралинский уезд, где самый низкий процент сеющих хозяйств. Таким образом, скотоводческая специализация Центрального Казахстана сказывалась и на потреблении земледельческой продукции, что можно увидеть из сравнения Акмолинского, Атбасарского и Каркаралинского уездов с северными регионами.

Практика поощрения потребления земледельческой продукции должна была также решить проблему продовольственного обеспечения казахского населения в условиях сокращения пастбищ.

Однако если рассмотреть нормы потребления в казахском обществе в начале XX века, приведенные А. Кауфманом, то картина выглядит следующим образом. В Омском уезде казах, потребляет в год в среднем на душу 7 пудов 4 фута мяса и 63 ведра молока, съедает хлеба всего 4 пуда 37 футов, в Актюбинском уезде он же при значительном потреблении мяса (4 пуда 33 фута) и молока (39 ведер) хлеба потребляет уже 16 пудов 11 футов [35, с. 18]. Таким образом, при относительно высокой норме потребления скотоводческих продуктов, норма потребления хлеба зависит от степени развития хлебопашества в казахском обществе. Если в Омском уезде, где скотоводство занимает ведущее положение в экономике казахов, то в Актюбинском уезде земледельческая традиция получила широкое распространение, что нашло отражение в рационе питания кочевников.

В степных же областях Центрального Казахстана, где широко было развито кочевое скотоводческое и скотоводческо-земледельческое хозяйство, во второй половине XIX – начале XX веков потребление сельскохозяйственной продукции сильно отклоняется в пользу мясомолочной продукции. Этот факт неоднократно констатировали уездные начальники южных областей Акмолинской области в своих рапортах областному правлению. Поэтому в южных уездах Акмолинской области для закрепления практики употребления хлеба казахами и для обеспечения местного населения продовольствием официальные власти стали создавать ссудные кассы и открывать хлебные магазины. Так, в Акмолинском уезде в 1887 году на суммы кассы казахского населения заготовлено хлеба 3.234 пуда 30 фунтов для выдачи ссуд (к 1 января 1887 г. было налицо 2.791 пуд 30 фунтов) [18, с. 16]. С казахского общества Атбасарского уезда в 1890 году было собрано 11.761 руб. 95 коп., из которых 2.590 рублей употреблено на покупку муки в Улутауский магазин, выдано ссуды на сумму 2.046 рублей для заготовки семян [44, л. 71, 72].

В отчете военного губернатора Семипалатинской области за 1881 год также говорилось о том, что «для обеспечения пахаря-киргиза запасом хлеба

на случаи неурожая, необходимо устройство общественных хлебных магазинов» [45, л. 9(об)].

Однако в 1890 году акмолинский уездный начальник, признавая постройку в центре расположения киргизских волостей запасных продовольственных магазинов весьма важной мерой, вместе с тем замечает, что не решается ввести это дело в своем уезде в тех широких размерах, как это проектируется [46, л. 6]. Причина заключается в том, что кочевое население уезда все-таки более склонно к принятию мясной пищи, а устройство хлебозапасных магазинов потребует излишних материальных расходов. Кроме этого, в 1900 году уездными начальниками Акмолинской области отмечалось, что даже если и производилась выдача хлеба казахскому населению, то только по предложениям самой администрации, доходившими чуть ли не до просьбы [36, л. 8, 8(об)].

В Атбасарском уезде казахское общество также выразило несогласие с проведением подобных мероприятий, что нашло свое отражение в приговорах волостных управителей. Они считали, что устройство хлебозапасных магазинов не принесет никакой пользы. Состоятельные люди запасаются хлебом в Атбасаре во время летней ярмарки или в Туркестане по ценам ниже магазина. А бедные люди получают хлеб от торговцев под баранов, шерсть и прочие продукты скотоводства за поручительство более состоятельных родственников. К выдаче ссуд обращаются очень редко [46, л. 50, 50(об)]. Вместе с тем казахи Атбасарского уезда в своих предложениях по вопросам продовольствия, отмечали, что образование продовольственного капитала считают небесполезным мероприятием, однако предлагают по случаю необходимости обращать его не только на приобретение зерна и хлеба, но и на покупку фуража домашним животным [46, л. 48, 48(об)].

Такие же просьбы можно встретить в донесениях других уездных начальников. Омский уездный начальник, анализируя последствия тяжелой зимы 1901 года и большие потери кочевым обществом скота, полагает, что для казахского населения наиболее существенным и более полезным образовывать общественный страховой капитал скота. Именно он в годы джута окажет реальную пользу благосостоянию казаха, давая ему возможность снова встать на ноги и не допустить его полного разорения» [36, л. 19(об)]. Данные факты еще раз подтверждают важную роль скотоводства и скотоводческой продукции в экономике казахского общества, где земледелие даже в начале XX века продолжает оставаться второстепенной отраслью.

Примечательно, что казахское население Центрального Казахстана, хотя и находило главное пропитание в продуктах скотоводства, тем не менее нуждалось в хлебе. «Киргизы вследствие привычки к жидкой молочной пище, употребляют хлеб исключительно в виде жидкой каши, приготовленной развариванием немолотого зерна на воде с примесью молока» [47, л. 14(об)]. Это можно также проследить и на основе статистических данных, приведенных экспедицией А. Щербины: процент хозяйств, потребляющих хлеб в Акмолинском, Атбасарском и

Каркаралинском уездах составлял соответственно 80,8%, 99,2% и 98,4% [48, с. 36].

Следовательно, лишь одно потребление хлеба не означает соответственного развития хлебопашества в том или ином уезде. Основной процент в потребляемом кочевниками Центрального Казахстана хлебе приходился на покупной хлеб. Например, согласно материалам А. Щербины, в Каркаралинском уезде в конце XIX века из общего количества потребленного на душу обоого пола хлеба около 70% приходится на купленный хлеб, остальные 30% приходятся на хлеб собственного производства [22, с. 71]. Отсутствие в достаточном количестве пашен не позволяло местным земледельцам обеспечивать свое благосостояние только за счет хлебопашества, поэтому новая культура не смогла занять важного места в экономике казахского общества. В этой связи потребность в муке и зерне в Центральном Казахстане в основном удовлетворялось за счет покупки хлеба в более богатых земледельческих областях за счет обмена или продажи скота и продукции скотоводства.

В отчете военного генерал-губернатора Семипалатинской области за 1881 год отмечается, что Семипалатинская область, в состав которой входит и Каркаралинский уезд, менее заинтересована в хорошем урожае, чем в приплоде и пропитании своего скота [40, л. 8, 8(об)]. Хлеб в хозяйстве казахов в конце XIX – начале XX веков занимал последнее место в рационе, вследствие этого земледельческая культура в этом уезде получила незначительное развитие. К тому же близость богатых хлебных районов Западной Сибири и Семиречья восполняло собственный неурожай хлебов за счет обмена скотоводческой продукцией.

Например, соседство с богатыми хлебом соседними уездами Акмолинской области и Алтайским горным округом давало населению центральной части Казахстана возможность приобретать недостающее количество земледельческих продуктов. Закупки хлеба производились на рынках или в городах. В 1879 году казахским населением Петропавловского, Каркаралинского, Семипалатинского уездов было приобретено в прилегающей к области Томской губернии 910.000 пудов пшеницы и ржи по цене от 40 коп. до 1 руб. 40 коп. за пуд [49, л. 215(об)], а в 1881 году казахами Каркаралинского и Павлодарского уездов было закуплено в Томской губернии и в Семиреченской области до 880.000 пудов пшеницы и ржи [40, л. 14(об), 21]. В 1883 году Каркаралинский уезд закупил 457.000 пудов хлеба, что составляло 40,2% от общего количества хлеба, приобретенного казахами Семипалатинской области, в 1898 году Каркаралинским уездом был приобретено 447.857 пудов хлеба, из которых 387.557 пудов зерна и 60.300 пудов муки [41, л. 85(об)].

Большое количество хлеба для Каркаралинского уезда привозилось из Семиречья. Исследователи отмечают, что в конце XIX века единственными покупателями хлеба у казаков северного склона Джунгарского Алатау являются киргизы ближайших волостей и в особенности Каркаралинского уезда, но первые, год от года, увеличивая свои запашки, все менее

нуждаются в покупном хлебе, а вторые, хотя и постоянные покупатели, но стараются приобретать его в обмен или понижают цены до невозможности» [50, с. 32].

В 1900 году цена пшеничной муки на степных ярмарках колебалась от 1 руб. 5 коп. до 1 руб. 20 коп за пуд. [51, с. 43].

Важной особенностью казахского земледелия в Центральном Казахстане был тот факт, что земледелием занимались преимущественно для собственного употребления, в продажу шло незначительное количество хлебов, да и то не собственного производства. В Каркаралинском уезде в 1876 году Абралинская волость продала 800 капов, закупленного в Семипалатинске хлеба, при этом закупив для себя 2.600 капов на сумму 4.000 рублей (средний вес капа – 4 пуда) [24, л. 26]. Всего в 1876 году Каркаралинским уездом было закуплено для собственного употребления 872.93 капа, то есть 349.172 пуда, на сумму 133.514 рублей [24, л. 19-34]. Покупка хлебов производилась в Семипалатинском, Павлодарском, Акмолинском, Капальском уездах, казачьих станицах по Иртышской линии, Семиреченской области, в городах Семипалатинск, Акмолинск, Каркаралинск. Поэтому, несмотря на рост товарности хлеба, в Центральном Казахстане земледелие в основном преследовало продовольственные цели, казахами возделывались исключительно продовольственные растения. Товарное земледелие в казахском хозяйстве здесь не могло получить развития, так как для этого не сложились условия.

Одним из важных элементов адаптации казахского общества к новым условиям является изменение отношения кочевое население к земледелию. В 60-е годы XIX века казахи смотрели на занятие земледелием как самую тяжелую работу. «Только лишь безысходная бедность могла киргиза заставить обратиться к хлебопашеству, которое он оставляет при малейшей возможности обойтись без него» [52, с. 246]. В конце XIX – начале XX веков земледелие начинает занимать важное место в казахском хозяйстве. Об этом свидетельствует факт его развития в социальных группах с различным имущественным статусом.

Проанализируем распространение земледелия в различных социальных группах казахского общества Центрального Казахстана. Тенденция к развитию земледелия в конце XIX – начале XX веков получила большое распространение в бедных хозяйствах, лишившихся возможности кочевать. Джатаки были вынуждены, адаптируясь к новым условиям, искать новые формы хозяйства для поддержания своего благосостояния, и занятие хлебопашеством являлось для нередко единственным средством существования. Если рассматривать степень занятости земледелием по социальному признаку. Так, в Каркаралинском уезде наиболее охотно земледелием занимаются оседающие казахи – джатаки, среди которых в почти 2/5 (39%) имеют запашку. Среди них 49,2 % безлошадных джатаков имеют посеы, а джатаки, имеющие от 11 до 35 лошадей, составляют наибольший процент посевищиков хлеба – 50-89% (Приложение Л).

Вместе с тем земледельческие участки можно было встретить и в хозяйствах казахов, которые сами пренебрежительно относились к труду пахаря, но употребляли труд бедных за малое пропитание [34, с. 163]. Например, в том же Каркаралинском уезде в хозяйствах, нанимающих батраков, наибольший посев в пудах пшеницы (6,24 пуда) приходится на казахов, имеющих 36-50 лошадей (Приложение Л). Как и в первом случае, так и во втором, названные категории хозяйств можно отнести к среднему сословию.

В материалах Государственного архива Омской области в рукописи начала XX века по казахскому землепользованию Акмолинской области отмечается, что «первое и второе сословие (богачи и бедняки) живут непредприимчиво. Среднее же, находясь в большем общении с торговыми, бьющими жизнью пунктами, подчиняются изменяющимся условиям, знакомятся с новыми прежде чуждыми для них задачами, почему и разительно отличаются от первой и последней категории: они вырабатывают из себя совершенно новый тип кочевника» [53, л. 237].

Следовательно, крепкие средние хозяйства казахов, развивая товарное скотоводство, меняли свою психологию и оказывались наиболее восприимчивыми к переменам, что находило свое отражение в приобщении их к иным видам деятельности. «Такой кочевник, не меняя пока еще укоренившихся обычаев, нравов, меняет свои воззрения, привычки, условия жизни. Сталкиваясь с хлебопашцами, они заимствуют у них веру в почвенную силу земли, заимствуют способы обработки ее. Такой кочевник явился благодарным последователем новой культуры» [53, л. 238(об)]. Данное высказывание не умаляет значимости традиционного хозяйства, и вместе с тем доказывает высокую адаптивную способность казахского общества в рыночных условиях.

Кроме этого, в архивных источниках имеются указание на то, крупные скотовладельцы также в конце XIX века развивали земледелие в своих хозяйствах. Так, «местами в Кокчетавском, Павлодарском и Акмолинском уездах распашки киргизских земель достигли уже весьма значительных размеров. Намечается даже тенденция к возникновению крупных посеивщиков из среды богатых киргизов» [54, с. 36]. В Каркаралинском уезде хозяйства, имеющие свыше 100 лошадей, составляют 50% сеющих хозяйств к общему числу (Приложение Л).

Поэтому можно сказать, что развитие хлебопашества среди кочевого населения не только не привело к сокращению поголовья скота, а, напротив, стимулировало скотоводство. На эту взаимосвязь также указывали чиновники, обследовавшие Акмолинскую область в 1910 году, которые писали: «Как ни странно, но с расширением размеров посеивных площадей, а, следовательно, с уменьшением числа кочующих хозяйств увеличилось количество скота и площади сенокосов. Все это вместе взятое выгодным образом отражалось на экономическом положении населения уезда» [54, с. 36].

Тенденцию возрастания посевных площадей с ростом скотоводческого хозяйства в Центральном Казахстане можно проследить по следующим данным таблицы 6.

Данные таблицы 6 показывают, что в начале XX века с возрастанием количества скота возрастает площадь запашек казахского хозяйства, особенно в Акмолинском и Атбасарском уездах, что говорит о прямом соотношении размеров стада с размерами земледелия. В Каркаралинском уезде роста посевных площадей не наблюдается, это еще раз подтверждает скотоводческую специализацию данного региона.

Перенимая новые привычки, которые способствовали более быстрой адаптации к изменяющимся условиям, казахское общество конца XIX века проявляло большие способности. Так, рассказывая о выставке в г. Каркаралинске в 1890 году, «Акмолинские областные ведомости» информировали, что «посетителей побывало более 400 человек, преимущественно казахи Каркаралинского уезда, это говорит об их любознательности. Киргизы очень сильны не только в подражании, но и в усовершенствовании. Например, хлебопашество начало здесь распространяться быстро и дает результаты поразительные. Урожай сам 20 здесь обыкновенная вещь, не редкость сам 30-40» [55, с. 5-6].

Таблица 6 – Земледелие в разных социальных группах казахского населения

Уезды	Десятин посева на сеющее хозяйство								
	безл оша д. Хозя йств а	с 1 лош а- дью	с 3-5 лош адьм и	с 6-10 лошад ьми	с 11- 25 лошад ьми	с 26- 50 лошад ьми	с 51- 100 лош адьм и	свыше 100 лошадьм и	в сред нем
Акмолинский	1,2	1,6	2,1	2,1	3,0	4,1	4,0	9,3	2,3
Атбасарский	0,7	0,9	0,9	1,1	1,4	1,9	2,4	3,4	1,2
Каркаралинский	0,4	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,1	0,1
Примечание – Таблица составлена на основе 19, с. 240									

Однако новые традиции, формы хозяйствования перенимались местным населением достаточно сложно. Так, акмолинский уездный начальник в 1892 году в своем рапорте Степному генерал-губернатору о возможности среди казахов, особенно бедняков-джатаков, образовывать селения, отмечал, что «киргизы отрицают всякую возможность допустить в своей среде оседлые поселения по причине неимения удобных мест, и их нежеланием оставить кочевой образ жизни» [12, л. 163]. Это свидетельство подтверждает то, что в центральной части Казахстана вплоть до начала XX века основной образ жизни казахского населения был связан с кочевым скотоводством.

Поэтому российские исследователи начала XX века отмечали, что переход к новым формам хозяйствования в традиционном обществе должен быть поэтапным и постепенным. «Не следует забывать, - указывает Л.

Чермак, - что переход от экстенсивного скотоводства к чисто земледельческому хозяйству и даже мелкие улучшения в хозяйстве, как, например: внедрение усовершенствованных орудий, машин, способов обработки почвы, растений, даются с трудом и требуют много времени. Тем более труден и долговременен переход для киргиза от первобытных форм кочевого скотоводства к оседлому земледельческому труду. Такой переход может быть осуществлен лишь постепенно, в более долгий срок, если предоставить все естественному ходу дела, и в более короткое время, если облегчить этот переход путем ряда соответствующих мероприятий» [56, с. 7-8].

С мнением ученого соглашаются и официальные власти: «Основываясь на отсутствии желания киргизских обществ образовывать оседлые селения даже при предложении условий не оставлять кочевой образ жизни летом, можно сделать вывод о том, что только течение времени, а главное колонизация края русскими и живой пример могут заставить киргиз переходить к оседлой жизни» [12, л. 163].

Поэтому именно развитие скотоводства, а не земледелия, как в других областях Казахстана, позволило казахскому обществу в новых экономических условиях суметь не просто выжить, а занять достойное место в экономике Российского государства.

В условиях Центрального Казахстана наиболее приемлемой формой хозяйства можно считать смешанное, где важное место принадлежит скотоводству, так как естественно-исторические условия региона непригодны для повсеместного земледелия. Как замечается дореволюционными исследователями: “здесь должен выработаться совершенно особый, своеобразный тип хозяйства, в котором земледелие и скотоводство будут целесообразно сочетаться, в котором выгодно будут использоваться и выпасные угодья, и пригодные для пахоты и сенокоса места, в котором найдет себе место оседлое земледельческое скотоводство с кратковременным и недалеким отгоном скота на летние пастбища, но без подножного кормления зимою. Тип этот уже намечается, к нему приблизились киргизы” [47, с. 123].

Таким образом, природно-климатические условия Центрального Казахстана, более предназначенные для развития скотоводческого хозяйства, не позволяли земледелию и хлебопашеству пустить прочные корни в данном регионе. Этим и объясняется относительная молодость новой аграрной культуры. Большинство казахских хозяйств стало заниматься посевами злаков со второй половины XIX века. Однако, посевы, хоть и незначительные, в хозяйстве кочевников появляются уже в конце XVIII – первой половине XIX веков.

Изучение распространения аграрной культуры как показателя адаптации казахского общества к рыночным условиям во второй половине XIX – начале XX веков позволило выделить следующие периоды развития земледелия и хлебопашества, которые в той или иной мере совпадают с этапами развития казахского скотоводческого хозяйства, это: 1) 60-80-е годы XIX века; 2) 90-е годы XIX; 3) начало XX века.

В 60-80-е годы XIX века земледелие в казахском обществе занимает незначительное место. Им занимается обедневшая часть социума, для которого данный вид хозяйства является единственным или дополнительным источником пропитания, давая тем самым возможность выжить в новых социально-экономических условиях. Предпочтение среди злаковых культур отдается просу, как традиционному и наиболее неприхотливому злаку, и овсу, как дополнительному кормовому источнику.

На 90-е годы XIX века приходится пик распространения земледельческой культуры, сопровождающийся ростом количества сеющих хозяйств, количества засеянных десятин, роста урожайности.

В начале XX века земледелие продолжает развиваться и играть важную роль в казахском хозяйстве, однако скотоводческая специализация, недостаток пастбищных угодий и пашенных земель, заставляет пересмотреть казахское общество свои приоритеты. Предпочтение отдается скотоводству, поэтому на этот период приходится сокращение казахских сеющих хозяйств. Вместе с тем в этот период в крупных байских хозяйствах наблюдается тенденция к занятию земледелием как дополнительным источником благосостояния.

Большую роль в распространении и развитии оседло-земледельческой культуры сыграло переселенческое население Центрального Казахстана, численность которого во второй половине XIX – начале XX веков возросла. Крестьяне-переселенцы помогали казахскому обществу в овладении традициями земледельческой культуры, делились опытом жизни в рыночных условиях. Вместе с тем нельзя преувеличивать роль и значение переселенческой политики в развитии как скотоводческого, так и земледельческого хозяйства казахов. Для развития земледельческого хозяйства казачьего и переселенческого населения у казахского общества изымались наиболее плодородные участки земли, на которых традиционно располагались не только пастбища и выгоны, но и казахские пашни. Стакиваясь с проблемой дальнейшего развития в условиях сокращения свободных земель, казахи вынуждены были отказываться от своих пашен в пользу прокорма скота. Следовательно, переселенческая и земельная политика Российской администрации в Центральном Казахстане не только изменила ход развития скотоводческого хозяйства кочевников, но и пагубно отразилась на развитии традиционного земледелия в казахской степи.

В целом, земледельческая культура в Центральном Казахстане в силу сложных природно-климатических условий и сложившихся производственных традиций, не имела самостоятельного значения и не могла стать надежным материальным фундаментом для экономики казахского общества.

3.2 Участие казахов в промышленном освоении региона

Экономический рост Российского государства и дальнейшее развитие

внутреннего рынка во второй половине XIX – начале XX веков требовали расширения сферы влияния российского капитала, поиска новых рынков сбыта продукции и источников сырья. Этим объясняется повышенная заинтересованность правительства России к природным богатствам своих колоний, в том числе и Центрального Казахстана.

Минеральные богатства перспективного Центрального Казахстана обратили на себя внимание предприимчивых купцов-промышленников, устремившихся сюда в погоне за дешевым сырьем и занявшихся в первой половине XIX века успешными поисками и разработками природных богатств Степного края. В начале XIX века на территории Центрального Казахстана на месторождениях полиметаллических руд стали появляться небольшие рудники, прииски и строиться металлургические заводы, на которых выплавлялись цветные металлы.

Организаторами первых горнозаводских предприятий в Центральном Казахстане были русские купцы, сколотившие посредством выгодной торговли здесь крупные капиталы. Так, в 30-х годах XIX века купец 1 гильдии С.И. Попов, добившись права от правительства на приобретение земель в Центральном Казахстане, закупил богатую рудами территорию размером около 1,3 тысячи кв. км и сделался полным монополистом горного дела в восточной части региона [57]. При содействии местных казахов, хорошо знавших местность и поощряемых подарками, он основал в 40-60-е годы XIX века несколько рудников и заводов по разработке и выплавке серебро-свинцовых руд в Каркаралинском уезде Семипалатинской области. Внуком С. И. Попова – С.А. Поповым – в 1887 в 18 км от города Каркаралинск был построен Космо-Демьяновский завод. В 1888 году в 350 км к юго-западу от этого же города им был введен в эксплуатацию Степановский завод [58, л. 4].

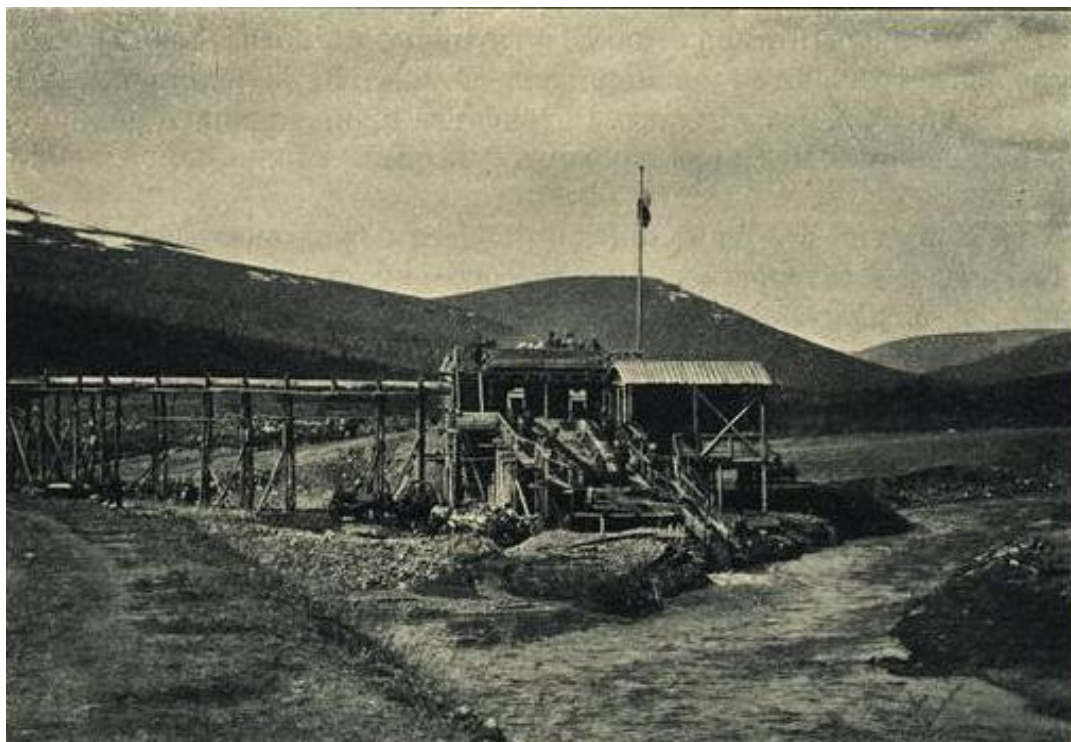
Другими русскими промышленниками эксплуатировались богатства, расположенные в иных районах Центрального Казахстана.

В Северном Прибалхашье с 1834 по 1887 года хозяйничала каркаралинская купчиха Гульшад Бекметова. Здесь на рудах месторождения Гульшад в 1885 году производилась выплавка серебра и свинца. В 1890 году рудник и завод были проданы павлодарскому купцу Дерову А.Н. [59, л. 39]. За 8 лет (1884-1891) было добыто 58.170 пудов (953,6 т) серебро-свинцовых руд. [60, с. 290].

В отрогах Биш-Чеку (в 140 верстах от города Каркаралинска) был открыт Царице-Мариинский рудник, славившийся медными и свинцовыми рудами. Из этого рудника руда частично шла на заводы Поповых, а с 1904 года стала продаваться владельцем рудника Лимаревым Богословскому обществу за Урал.

Таким образом, промышленное освоение Центрального Казахстана шло ускоренными темпами. Только за два года (1886-1888 годы) в Каркаралинском уезде было подано заявок на эксплуатацию 80 медных и серебряно-свинцовых месторождений, 50 из которых принадлежали промышленникам Поповым и 30 – Деровым. К 1906 году число заявок

горнопромышленников на месторождения цветных металлов и каменного угля уже доходило до 857 [61, с. 14].

Рудник в казахской степи.

Фотография из фондов Российской национальной библиотеки
(г. Москва, РФ)

В начале XX века вопрос о горных богатствах Степного края стал более конкретным и освещенным. Как было указано в труде, изданном Горным Департаментом о полезных ископаемых Казахстана и Сибири, «трудно назвать какую-либо местность на земном шаре, в которой рукой природы так щедро были рассыпаны залежи богатейшей медной руды. Наличие тут же богатых каменноугольных месторождений поблизости от медных руд составляет одно из благоприятных условий для широкой эксплуатации рудных богатств. В Каркаралинском уезде Семипалатинской области имеются серебро-свинцовые руды, встречаются золотоносные жилы, марганцевые и железные руды» [62, с. 45].

Казахское общество Центрального Казахстана старалось не оставаться в стороне от процессов активного промышленного освоения региона. Применив свой опыт и знания о богатствах родного края, казахи за вознаграждение знакомили с природными богатствами Степного края. Оставшись в результате крестьянской колонизации без традиционных пастбищ, бывшие скотоводы уходили на промыслы, заработки, в том числе на близлежащие рудники и заводы.

В работах многих исследователей истории промышленного освоения Центрального Казахстана справедливо отмечена роль коренного населения в поисках руд и открытии ныне известных рудных месторождений. Все свои

открытия предприимчивые купцы Поповы, Ушаковы, Рязановы и другие сделали благодаря самоотверженному труду «доверенных лиц» – рудознатцев, «хорошо знавших местность и подстрекавшихся подарками к доставлению различных камней, чем-либо отличавшихся от обыкновенных» [63, т. 3, с. 151].

История открытия практически всех месторождений Центрального Казахстана связана с именами казахов. Например, богатое в Улутауских горах серебросвинцовое месторождение Кургасынтау было давно открыто казахом-пастухом, пригонявшим к Каратургаю свои стада. Об этом было сообщено аульным старшиной Мянишевым членам Оренбургской экспедиции Феофилаьеву и Чекалову (1814 г.). Им были представлены куски свинцовой руды, взятые из горы Кургасын. Анализ руды показал, что среднее содержание свинца (с признаками золота и серебра) очень высокое – 54%. В итоге в Оренбург экспедицией было доставлено 100 пудов свинцовой руды, добытой древними рудокопами. Другой аульный старшина казах Янов сообщил начальнику военной экспедиции, организованной генерал-губернатором князем Волконским в 1814 году, о еще одном месторождении в районе Улутау в горах Мыстау. О результатах работы было доложено Александру I. В честь открытия рудных богатств в казахской степи в 1814 году в Петербурге была отчеканена медаль с весьма символической надписью: «Европа венчает Россию славою, а Азия отверзает ей сокровища» [61, с. 13].

Дружба с казахами обеспечивала русских купцов важной и ценной информацией. Имея в степи тамыров-приятелей, они узнавали от них топографию районов, расположение древних месторождений. Знания и опыт местного населения предприниматели использовали, привлекая их к официальным разведочным работам. Так, в разведочной партии Н.А.Ушакова, исследовавшей в 1854 году район Караганды-басы, кроме него самого, штейгера Г.Чернавина находилось еще 11 казахов во главе с султаном Чажем Джабагиным. На основании результатов разведки партией рабочих людей, состоящих из 8 человек киргизов, при доверенном татарине Абдулгафаре Рахматуллине, Ушаковым был открыт Саранский прииск [59, л. 39].

Знаменитое Нельдинское месторождение Н.А. Ушакова также было открыто с помощью местных казахов. Летом 1847 года один из рудоискателей привез купцу целый мешок окисленной медной руды, взятой из урочища Нельды. За это Ушаков выдал старателю вознаграждение серебром, равноценное стоимости одного барана [61, с. 13].

В поисковых партиях, сформированных другими горнопромышленниками Бекметовыми, чиновником Сивилловым, киргизом Кальмагамбетовым находились доверенные и рабочие из казахов [64, л. 19, 21, 23; 65, л. 4]:

1) в поисковых партиях горнопромышленницы Биби-Фатимы Бекметовой - казахи Кызылтавской волости – доверенный Койчубай Тынейбаев и рабочий Иса Аманбаев, Чубартавской волости – доверенный Игенбай Каиров

и рабочий Чильдебай Тисубаев, Берккаринской волости – рабочий Арыстанбай Бегалин, Темирчинской волости – рабочие Апсийникпай Буланов и Бекчана Бисембаев;

2) в поисковой партии горнопромышленника Карсыбека Кальмагамбетова и чиновника Сивиллова – казахи Моинтинской волости Ахмет Караманов и Санатай Тарабаев.

Так, представители казахского общества применяли свои знания и наблюдения на практике, знакомя русских купцов с возможностями своего региона. Полученное вознаграждение позволяло им выжить в новых рыночных условиях.

После реформы 1861 года на рудниках и заводах Центрального Казахстана работали рабочие с уральских и алтайских казенных заводов. Но из-за тяжелых условий работы они долго не задерживались. Поэтому основной костяк рабочих на заводах и рудниках Казахстана формировался из казахов. Как отмечает в 1910 году в своем отчете горный инженер Степного и Северного горного округа А. Сборовский, «рабочих в большинстве нанимали из местных киргиз, случайно селившихся вблизи промыслов со всем своим хозяйством, юртами и скотом» [66, л. 19]. Обработав в день задание или урок, казахи, возвращались к своим юртам, расположенных за 20 сажен до разреза, и оставались до утра.

Так, например, на приисках С.Н.Попова из 715 человек было 594 казаха (83%), а в начале 1864 года на Успенских горных рудниках, в угольных копиях Караганды и на Спасском медеплавильном заводе среди 650 рабочих числилось 357 казахов (54%) [67, с. 36, 38], в 1890 году из 653 служащих и рабочих заводов и рудников Центрального Казахстана 542 человека казахи-рабочие (83%) [68, л. 276].

Это были казахи-отходники, разоренные в результате джутов и всякого рода поборов начальников. Как отмечали официальные источники, «кроме безысходной нужды и взыскания податей, ничто не заставит киргиза идти на работу и отказаться от приволья летних кочевков» [69, с. 82]. То есть, казахи шли на заработки по крайней нужде и нанимались на несколько месяцев, но как только положение их улучшалось, они возвращались в свои волости. Такое передвижение в Акмолинской области не превышало 15-20 верст, а в Семипалатинской – 40-60 верст [70, с. 219].

Несмотря на такое непостоянство, казахов охотно брали на работы. Причина этого, помимо дешевизны рабочей силы местного населения, его безропотности, заключалась в ответственности казахов за порученное дело, в их благонадежности.

Позднее, во второй половине, особенно в последней четверти XIX века, по мере роста сельского населения и его дифференциации, земельной тесноты, стала возрастать численность людей, постоянно работавших на предприятиях горнозаводской промышленности. Для казахов, жизнь которых на приисках первоначально, в силу уклада и своей природы была тяжела и бедна, работа на заводах и рудниках стала приобретать смысл, становилась естественным образом существования. «Киргизы привыкли, их дети выросли

на этих заводах. Постепенно все больше и больше киргизов вступало в эти ряды, пока их не стало свыше 5 тысяч: плавильщиков, горняков, обвальщиков, возчиков, работающих на нас» [71, с. 124].

Жизнь рабочих на приисках была сложной и трудной. Этот факт неоднократно в своих отчетах подчеркивали горные инженеры.

Казахи жили на приисках с семьями со всем своим домашним хозяйством и скотом. До наступления холодов рабочие-киргизы оставались в своих юртах, в зимнее время большинство из них перебирались в заводские помещения. Отопление в том и другом случае они получали от промыслов [66, л. 52]. Сами помещения рабочих находились в неудовлетворительном состоянии. «Низкие сырцовые здания, очень небольшие по размерам, - констатировал В. Коцовский, - крайне плохо устроенные» [72, с. 137].

Как видно из таблицы 7, продолжительность рабочего дня имела стабильный характер, даже фиксируется сокращение продолжительности рабочего дня, но, учитывая сложные условия работы на заводах и приисках в казахской степи, данный факт не является показателем улучшения быта рабочих.

Таблица 7 – Продолжительность рабочего дня на заводах Степных областей

Годы	Семипалатинская область	Акмолинская область
1879	12 ч	12 ч
1880	8-12 ч	8-12 ч
1881	7-12 ч	10 ч
1883-1884	Не более 10 ч	Не более 10 ч
Примечание – Таблица составлена на основе 69, с. 85		

Питание себе рабочие обеспечивали сами. При низких заработках в 3-4 рубля за месяц цены на говядину составляли в 1889 году 3 руб. 50 коп. за пуд, на муку – 50 коп., воз сена – 1 руб. [73, с. 78]. Для рабочих, которые были заняты по 9-12 часов тяжелым трудом, такие цены были очень высоки. Поэтому обычная пища казахов-рабочих состояла из традиционного коже, сваренного на молоке с пшеном, и иримшика. При больших физических нагрузках каторжный труд рабочих не дополнялся полноценной пищей, что приводило к болезням и смертельным исходам. К тому же на заводах отсутствовало медицинское обслуживание, техника безопасности была очень низкой.

Нанимались казахи в основном на тяжелую работу, зачастую неквалифицированную. Однако, как замечает управляющий Лондонской горнодобывающей компании Э. Н. Фэлл, «в действительности нет работы неквалифицированной... В каждой работе, какой бы она ни была тяжелой, разница между опытным рабочим и новичком и составляет разницу между успехом и неуспехом» [74, с. 124]. Поэтому, хотя горнозаводские работы доставляли малые средства для существования, в то же время они знакомили казахов с особенностями горного дела и готовили их к будущей

горнозаводской деятельности. Отказываясь от традиционных устоев кочевой жизни, переставая заниматься традиционным делом, казахи-рабочие, адаптировались к новым условиям, приобретали навыки и опыт работы на промышленном производстве.

Традиционно они работали под руководством русских мастеров, которых на приисках было сравнительно мало. Как замечал горный инженер В. Коцовский, «рабочие на приисках киргизской степи состоят исключительно из киргиз тамошних волостей, русские же занимают места, где необходимо профессиональное познание» [72, с. 120]. При добыче медных руд и каменного угля казахи работали наравне с русскими, при заводе же они исполняли больше вспомогательные, или так называемые «каторжные», работы [74, с. 3].

Тяготы жизни на приисках, нелегкий труд отражались на облике казахов. В 1894 году Коцовский отмечал: «Тяжелое впечатление производит рабочий-киргиз. Весь в рубище, а зачастую наполовину обнаженный, он с каким-то наивным выражением лица производит свою работу. Вся тяжесть непривычного труда, все неумение выражается в его жестах и обращении с инструментами... Казалось бы трудно ожидать, чтобы человек с такими задатками мог сделаться хорошим рабочим» [54, с. 381-382].

Но со временем казахов стали привлекать к занятию на работах, требующих определенных знаний, опыта и профессионального мастерства. Поводом к этому стало стремление самих казахов изучать ремесла, они стали выполнять более сложные обязанности, как, например, молотобойцев [72, с. 135], плавильщиков [71, с. 123]. В конце XIX века таких фактов было весьма незначительное количество, но по ним уже можно было судить о постепенном формировании в казахском обществе национального слоя квалифицированных наемных рабочих.

Подтверждением этому служат слова Э.Нельсона Фелла, который с 1902 по 1908 года являлся управляющим Лондонской горнодобывающей компании, закупившей ряд рудников в центре Степного края. «Работающие киргизы стали уважать свой труд, поняли его величие. Они начали гордиться своими техническими познаниями и обязанностями, и в некотором отношении их верность работе была необычайна» [10, с. 124].

Казахи начали иначе смотреть на физический труд, который из «потребности как следствия нужды» превратился в «потребность по привычке» [54, с. 382].

Интересные факты ответственного отношения к работе у казахов можно встретить среди архивных материалов. В жалобе рабочих рудников Акционерного общества Атбасарских медных руд из урочища Джиз-казган от 12 сентября 1910 года на пристава Караулова говорится о том, что «в праздничные дни он (Караулов) объявил отдых. На это рабочие возразили, что приехали не праздновать, а работать, чтобы заработать больше». Несмотря на требования пристава, рабочие не подчинились. Среди подписавшихся – Жеиспан Барлыбаев, Онбай Джангабулов, Чемельбай Бексарин [76, л. 188]. Данный факт ярко демонстрирует серьезное отношение

к работе казахских рабочих, не желающих тратить рабочее время на празднества.

Рост образовательного уровня и профессиональной подготовки казахских рабочих способствовал осознанию ими своего места на производстве и отстаиванию своих прав. Как заметил Т. Седельников, «масса профессиональных рабочих киргиз, которые работали нередко артелями, чуть ли самостоятельно додумалась до забастовок» [77, с. 7], итогом которых были некоторое улучшение условий труда.

Со временем благодаря своему производственному опыту и верности делу вчерашние кочевники стали назначаться на ответственные должности. Окружной инженер Степного-Северного горного округа сообщает, что рабочие рудника старосту выбрали из казахов – Молдабека Калабаева [76, л. 191].

Значительную часть заводских рабочих составляли возчики, так как заводы располагались далеко от обрабатывающих и потребляющих медь промышленных центров России. К тому же шахты и рудники также были удалены от заводов, поэтому руду и уголь приходилось подвозить на подводах. Перевозкой грузов, особенно руды и угля, занимались возчики, состоящие главным образом из казахов, большая часть из которых давно порвала с аулом. «Верность возчиков была замечательна. Раз киргиз, не умеющий ни писать, ни читать, коснулся руки, которой вы подписали его имя внизу товарной накладной, то доверенные ему товары будут в такой же безопасности, как в хранилище современного банка» [71, с. 124].

Руды и каменный уголь на заводы доставляли на вьючных животных и подводах, большей частью нанимаемых у местного населения. За доставку руды в 1862 году с Богословского (Беккаринского) рудника на Александровский завод (250 км) казахам платили от 10 до 15 коп. серебром с пуда [60, с. 41], в 3-4 раза меньше чем русские возчики.

Отсутствие в степных областях Казахстана горючего материала представляло определенные сложности для развития местной промышленности. В этой связи горнопромышленники обратили свое внимание на возможность использования местного суррогата топлива (тезек, баялыш, карагайник, кокпек, саксаул, джигил). Однако до конца XIX века этот единственный горючий материал был малодоступен в силу высокой таксы, наложенной на мелкий кустарник. Такая ситуация продолжалась до 1893 года, когда цена на мелкие растения была понижена вдвое. Основными поставщиками местных горючих материалов на заводы являлись казахи [78, с. 9].

Так, региональная промышленность позволяла казахам приспособиваться к сложным рыночным отношениям второй половины XIX – начала XX веков. «Малосостоятельные киргизы (джатаки), хотя немного зарабатывают на золотых приисках, но так как они работают на местах их постоянного жительства, то заработок позволяет им иметь некоторое количество денег для своей обстановки и покупки муки, чая и сахара. Не имея добавочного заработка, они, живя в пастухах у богатого киргиза,

должны существовать более бедно. Отсюда можно заключить, что горные работы в киргизской степи помогают улучшению быта джатаков, имеющих мало скота, составляющего вообще единственный род капитала у киргизов, притом непрочного, так как при плохой для скотоводства зиме или при засушливом лете, а также от болезни скот может падать тысячами. Киргизы Акмолинского уезда сожалеют о времени, когда лет десять тому назад Спасский медный завод давал до 3 000 киргизам работою и перевозкою руды» [75, с. 284].

В свою очередь, большой интерес к занятости казахов на рудниках Казахстана проявляла и сама региональная российская администрация. Например, стремясь закрепить казахов на рудниках в качестве постоянной рабочей силы, Алтайское горное правление обращалось с неоднократными ходатайствами к генерал-губернатору Западной Сибири, где отмечало чрезвычайную выгодность казахских рабочих для интересов рудников: «Они ценны по своей исполнительности, неумоимости, дешевизне, трезвости и другим качествам» [78, с. 5]. Особую ценность в глазах руководства представляли казахи, издавна проживающие возле заводов и имеющие свои дома, которые, «давая пример прочим, могут приохотить их к оседлой жизни» [78, с. 5].

В промышленном освоении региона, особенно разработок золотоносных россыпей, принимали активное участие представители казахской знати. В беседе с путешественником Д. Львовичем промышленник Джурабай Юсупов рассказывал: «Как пьяница от водки, так и мы от золота отстать не можем – раз уж кто попал на это проклятое дело, тут ему и пропасть...» [79, с. 187].

Во второй половине XIX века, стремясь поднять промышленность в Киргизской степи, российское правительство разрешило казахской знати вести золотой и рудный промысел. Летом 1854 года Сенат слушал рапорт министра финансов, в котором говорилось о том, что император утвердил дополнение Сибирского комитета к Горному Уставу. Принятое Сенатом 17 июня 1854 года дополнение к статье 2432 разрешало казахским султанам и другим представителям знати, имеющим заслуги и чины, а также «почетным» казахам «производить золотой промысел» в степи, за исключением тех округов, где эти лица состояли на службе [80, с. 406].

Одним из активных помощников в деле развития промышленности Центрального Казахстана был Таттимбет Казангапов. Интерес великого акына к богатствам края зародился давно, под влиянием друга С.И. Попова. Еще в начале XIX века российский купец-промышленник между Каркаралы и Баянаулом обнаружил запасы рудных месторождений. В этом округе имелись 17 месторождений разных ископаемых. Об этом С.И. Попов доложил тогдашнему волостному правителю Т. Казангапову. Таттимбет заинтересовался залежами природных богатств и охотно согласился помочь в изучении и разработке рудных месторождений.

В 1843 году он вместе с Поповым написали прошение руководству Алтайского горнорудного завода на добывание руды в низовьях Берккары. Получив разрешение, они начали строительство Степано-Благодатного

завода. Позднее Т.Казангапов принял решение самому заняться разведкой и разработкой месторождений в Киргизской степи. Так, 6 июня 1856 года на имя генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х.Гасфорда поступило прошение от бия, сотника Нурбике-Шаншаровской волости Таттимбета Казангапова, который «желая заниматься разведыванием и разработкой золотоносных россыпей, а также отысканием и добычей руд других металлов на землях сибирских киргиз» просил снабдить его дозвожительным свидетельством Министерства финансов. На основании утвержденного 12 мая 1854 года Положения Сибирского Комитета и, не «найдя препятствий к дозволению сотнику Казангапову отыскивать, разведывать и разрабатывать» месторождения в Киргизской степи, ему было выдано свидетельство за № 89 на производство золотого промысла [80, с. 419].

Созданный совместно Поповым и Казангаповым Степано-Благодатный завод просуществовал до 1861 года. За 17 лет (1844-1861) 1 млн. 294 тысяч тонн свинца, 44 тонны олова, 575 кг серебра в смеси с золотом. Причиной остановки стал износ заводского оборудования. Через год завод вместе с пристройками был сожжен противником Т. Казангапова Минекей Маныбайулы [81, с. 56].

В 1900 году Томским Горным управлением было выдано казаху Кокчетавского уезда Акмолинской области Мамбету Али Сердалину Чубекову дозвожительное свидетельство на поиск и разработку золото- и платиносодержащих россыпей и коренных месторождений рудного золота в Акмолинской области [82, с. 2].

Среди архивных документов можно найти многочисленные заявки представителей местного населения на разведку и разработку богатств Центрального Казахстана. Так, в 1889 году баю Моинтинской волости Карсыбеку Кальмагамбетову совместно с отставным чиновником Сивилловым был отведен Спасский серебро-свинцовый рудник [83, л. 4, 5, 10(об); 84, л. 1].

В 1907 году были выданы дозвожительные свидетельства на разработку месторождений казаху Каркаралинского уезда Уали Ачикееву на открытие серебро-свинцового рудника в урочище «Ак-Дикан» и «Киш-ак-Дикан» [85, л. 12], а также крестьянину Тобольской губернии И. Маметееву для развития рудника на урочище «Кали-кошкан» в Темирчинской волости Каркаралинского уезда [86, л. 8; 87, л. 269]. Все это говорит о возрастающем интересе предпринимателей, в том числе казахов, к вопросам промышленного развития Центрального Казахстана.

Российская администрация не была заинтересована в активном участии казахов в разработке полезных ископаемых Казахстана и препятствовала этому процессу, тормозя рост казахских предпринимателей. Но, несмотря на это, казахи-горнопромышленники, увлеченные выгодой предприятия, не оставляли надежды. Настойчивость в желании заняться горным промыслом проявил бай Каркаралинского уезда Карсымбек Калмагамбетов. Получив отказ в 1886 году на официальную заявку как первооткрыватель серебро-свинцового месторождения в районе урочища Тентекты (350 верст на юго-

запад от Каркаралинска) [60, с. 22], он в 1889 году получает дозвоительное свидетельство при условии совместной доли участия с отставным чиновником Сивилловым. Однако в начале XX века по указу управляющего Министерством земледелия и государственных имуществ рудник был отобран и поступил в продажу [88, л. 2].

В сентябре 1901 года киргизам Орманбету и Норманбету Байжомартовым было выдано дозвоительное свидетельство на право разведки в течение 5 лет месторождения в урочище «Кызыл-жал» Балхашской волости Каркаралинского уезда Семипалатинской области [89, л. 3]. В марте 1903 года за невыполнение ст. 288 Горного Устава, невыполнение разведочных работ, Байжомартовы признаются утратившими права на разведку месторождения. Однако в 1907 году горнопромышленнику Н.Байжомарту было выдано новое дозвоительное свидетельство на разведку в течение 5 лет серебро-свинцового рудника в Балхашской волости Каркаралинского уезда [90, л. 9]. Аналогично поступили с баем Каркаралинского уезда Казангапом Досановым, который в 1903 году дал заявку на месторождение в названом уезде и обвинили в нарушении ст. 285 Горного Устава [60, с. 22]

Данные факты еще раз доказывают колониальный характер Российского государства и его нежелание делить богатства Казахской степи с представителями местного населения. Но в то же время демонстрируют настойчивое желание представителей казахского общества включаться в процесс промышленного освоения региона не только в качестве рабочей силы, но и в качестве владельцев месторождений.

Помимо предоставления рабочих мест представителям казахского общества, региональная промышленность поддерживала тесную связь с казахским скотоводческим хозяйством, так как хозяева заводов продовольствие для своих рабочих покупали в киргизских волостях [91, л. 127] за деньги, что также является показателем развития рыночных отношений.

Таким образом, история промышленного освоения Центрального Казахстана неразрывно связана с судьбой казахского общества, вынужденного в результате радикальных изменений в социальной структуре, вследствие переселенческой политики и строительства военных и казачьих укреплений, сокращения пастбищ, включения Казахстана в экономику Евразийского региона адаптироваться к новым реалиям экономической жизни. Казахское общество старалось не оставаться в стороне от этого процесса в качестве наблюдателя, а было активным участником в создании материальных богатств Центрального Казахстана. Однако включение Казахстана в систему Евразийского рынка как сырьевого придатка капиталистической промышленности России и рынка сбыта изделий российских заводов и фабрик, незаинтересованность Петербурга и русской буржуазии в создании здесь развитого промышленного производства предопределили сырьевую направленность экономики Степного края, сдерживали процесс формирования национальной слоя предпринимателей.

3.3 Развитие торговли в Центральном Казахстане и ее роль в адаптации казахского общества к рыночным условиям

Развитию рыночных отношений в Казахстане и адаптации к ним казахского общества в значительной степени способствовала торговля и торговый капитал. Как отмечается в книге «Весь Казахстан», «период истории колонии – казахских степей второй половины XIX – начала XX веков – это период, наряду с развитием колонизации, развития местных рынков и ярмарок и включения их в общероссийский, а вместе с тем и в мировой рынок, прежде всего повышения товарности казахского скотоводческого хозяйства, разложения старого, основанного на родовом общинном землепользовании, способа производства и проникновения капиталистического способа производства» [92, с. 21].

Важная роль торговли в процессах адаптации заключалась в том, что она формировала первоначальный капитал, который связывал казахское общество со многими сферами общественной жизни – экономикой, культурой, досугом. Развитие товарно-денежных отношений подталкивало казахов на рынок. При этом создавались условия для реализации многих качеств предприимчивого человека в социально-психологическом плане. Об этом было сказано выше.

Во второй половине XIX – начале XX веков продвижение российского капитала и развитие рыночных отношений наиболее проявилось в районах, прилегающих к железным дорогам – Акмолинск, Петропавловск, Омск, Семипалатинск. Вместе с тем не оставались в стороне отдаленные от них регионы - Каркаралинский, Акмолинский, Атбасарский, Сергиопольский, Верненский уезды, откуда гнался скот и доставлялось скотоводческое сырье. Степные регионы достаточно хорошо справлялись с одним из важных назначений окраинных территорий Российской империи – реализация промышленных товаров, неконкурентоспособных на европейских рынках и поставка необходимого для центральных районов России живого скота и скотоводческой продукции.

Включение Степного края в орбиту всероссийского рынка привело к активному развитию местного товарного скотоводства, обусловленного увеличением численности населения в центре России и в Европе, ростом российского экспорта сельскохозяйственных товаров. Возросшие потребности российской промышленности в животноводческом сырье привели к повышению спроса и притоку торгового капитала в степные области, к увеличению продаж товаров, являющихся продукцией кочевого скотоводства. В свою очередь, казахское общество все больше нуждалось в продукции российской промышленности (мануфактуре, металлических и кожаных изделиях, галантерее и т.д.). Поэтому если в первой половине XIX века территория Казахстана рассматривалась и использовалась как коридор для караванной дороги с азиатскими государствами, то во второй половине XIX века, именно благодаря животноводческой специализации

региона, торговля непосредственно со Степными областями приобрела самостоятельное значение для экономики России [93, с. 109].

Степные ярмарки в большинстве относились к «скотским» ярмаркам, где в товарообороте на 2/3 преобладал скот и продукты скотоводства, на остальные товары приходилось менее 1/3. Так, в 1887 году общий привоз на ярмарки Акмолинской области скота и продуктов скотоводства составлял 33,8%, а сбыт – 78,7%. [93, с. 142]. В 1895 году, согласно «Обзорам Акмолинской области», на ярмарки области было пригнано 86.120 голов скота, из них лошадей – 2000, крупного рогатого скота – 2529, мелкого – 81652 [94, с. 59]. В 1896 году пригнано 77032 голов скота, из них лошадей – 1.317, крупного рогатого скота – 2.084, мелкого – 73.361 [94, с. 53], в 1900 году пригнано 102.038, лошадей – 1.204, крупного рогатого скота – 9.559, мелкого – 91.275 [95, с. 59].

В пользу животноводческой направленности говорит и состав торговцев отдаленных степных ярмарок: на Ботовской ярмарке в 1877 году продавцов скота было 130 человек, 28 торговцев мануфактурой и 48 – азиатскими тканями и фруктами [96], в 1878 году – 120, 31 и 51 человек соответственно, а также 260-270 продавцов местных казахских изделий [97].

Активно развивалась торговля казахов с Западной Сибирью, которая шла не только в крупных городах Степного края, но и по всей Сибирской казачьей линии. Например, в станице Коряковской (г. Павлодар) уже в 50-е годы XIX века разворачивалась бойкая торговля сибиряков с казахами. Крестьяне привозили значительное количество муки – в год не менее 600 тыс. пуд. – в обмен на скот и другую продукцию кочевых хозяйств [116, с. 227].

К середине 60-х годов на всей Сибирской линии привоз товаров был свыше 3,5 млн. рублей серебром, а отпуск – 2,5 млн. Из этого оборота на собственно Киргизскую степь (т.е. намену с казахами) приходилось по привозу 2,5 млн., а по отпуску – на 1,8 млн. руб. серебром. Главными предметами привоза были: мелкий рогатый скот – свыше 600 тыс. голов, крупный рогатый скот – до 100 тыс. голов, мерлушки – более 1 млн. шкурок, кожи и овчины – 700 тыс. шт. [98, с. 227]

Таким образом, благодаря торговле казахское общество активно приобщалось к рыночным отношениям.

Центральный Казахстан в силу своего географического положения и близости к главным торговым центрам Казахстана, таким как Семипалатинск, Акмолинск, Петропавловск, Павлодар и другие, являлся важным транзитным регионом, особенно в отношении торговли со Средней Азией, Китаем. Так, город Семипалатинск служил перевалочным пунктом для товаров, следующих в Китай, в Семиреченскую область и обратно. Торговля в значительной мере была караванная. Из Китая сюда прибывали многочисленные караваны верблюдов, груженых джебагой, чаем и хлопком. Из Семипалатинска в Китай отправляли колониальные товары, железные изделия, мануфактуры. Кроме этого, из Семипалатинска существовало срочное пароходное сообщение до Тюмени, что было

достаточно выгодно, удобно и безопасно для товаров [99, с. 259]. В 1893 году по количеству товаров, вывозимых из Степных областей и Сибири в сторону Китая, Семипалатинская область занимала 1 место в Сибири (около 60%) [99, с. 249].

Через Семипалатинск велась активная торговля с Западной Сибирью. За зимние базары туда съезжались линейные казаки с рыбой, крестьяне – с медом, маслом, мукой, овсом. Казахи привозили кошмы, армячину, алаша, сырые кожи, мерлушку, овчины. Порой они специально приходили за хлебом, приводя до 1200 верблюдов, которые поднимали до 200 тыс. Пуд. Муки и зерна [98, с. 277].

Важное место в степной торговле занимал также город Акмолинск. Сосредоточивая в себе много торговцев с большими капиталами и привлекая покупателей из российских губерний, он служил пунктом концентрации скотоводческой продукции южных уездов Степного края. Кроме этого, Акмолинск становился не только пунктом мены, купли, продажи скота, но и складочным пунктом, откуда скот и продукция животноводства отправлялись в более крупные торговые центры или прямо в места потребления. Скот, в основном продавался и отправлялся в Оренбургскую, Пермскую, Тобольскую, Курганскую, Щадринскую губернии и на Таинчикульскую ярмарку.

Торговое значение города Акмолинска зависели исключительно от количества пригоняемого скота, из которого 65% рогатого скота и баранов принадлежали кочевому населению Акмолинского уезда, 35% - казахам Семипалатинской и Семиреченской областей. Всего за 1895 год в Акмолинск кочевым населением было доставлено скотоводческой продукции на сумму до 2 ½ миллионов рублей [75, с. 396].

Скототорговля связывала степные ярмарки не только с внутренними губерниями России, но и с Семиреченской областью и Туркестанским краем. Закупаемый скот на Куяндинской и других ярмарках отправлялся в Ташкент и Бухару.

В архивах встречаются многочисленные доказательства значимости Центрального Казахстана в развитии торговых путей, соединяющих Сибирь с южными окраинами Российского государства. В записках подполковника Трошкина о торговле в Акмолинском уезде в 1896 году упоминается торговый путь из Сибири в Кашгар, через Семиреченскую и частью Семипалатинскую (Каркаралинский и Павлодарский уезды) области, которые приобрел во второй половине XIX века главное значение в межрегиональной торговле. Он пролегал «преимущественно по местности, богатой водой и кормом, что давало возможность перегонять большие гурты скота, в то же время он проходил вблизи местностей, обильных и горными богатствами с заводской деятельностью. На этом пути не прекращается движение ни зимой, ни летом, этим путем идут товары Крестовской, Ишимской и даже Ирбитской и Нижнегородской ярмарок в пределы Семиреченской области (Пишпек, Токмак, Прежевальск). Семиреченская область вступает на этот путь разными путями, среди которых центральная часть, проходит через

Куяндинскую (Ботовскую) ярмарку в Каркаралинском уезде, где, собрав свои продукты, она выступает с ними из Нельдинского рудника, так же как и севернее его мимо Спасского завода, и из последней в г. Акмолинск, далее в Сибирь. Кроме этого, этим путем идут со своими продуктами киргизы южных волостей Акмолинского уезда» [20, л. 4, 5, 5(об)]. Как мы видим из описания торгового пути, важный участок русско-азиатской дороги пролегал через центральную часть Казахстана.

Значение степных ярмарок Центрального Казахстана и дорог, проходящих по этой территории, было также отмечено специалистами-ветеринарами. В донесении Акмолинскому губернатору от ветеринарной части военного губернатора Семипалатинской области приводилось ходатайство 11 скототорговцев об открытии прямого тракта для прогона от Куяндинско-Ботовской ярмарки в г. Акмолы. «Куяндинско-Ботовская ярмарка выделяет в Акмолинскую область значительное количество животных, а именно до 250.000 штук (баранов и другого скота)... Открытие же прямого тракта от Ботовской ярмарки на Акмолы сократило бы ход баранам на 7 дней и дало бы им возможность проходить районом хороших кормов и водопоев» [100, л. 4, 4(об)]. Помимо данного факта, в архивных материалах можно встретить описание многочисленных скотопрогонных трактов и дорог, проходящих в сторону г. Акмолинска через центральную часть Казахстана [100, л. 48, 48(об), 49, 49(об), 58, 58(об), 59, 59(об)]. Как заметили торговцы скотом и ветеринары, такая ситуация объясняется расположением знаменитых «скотских» ярмарок, близость городов, фабрик и заводов, наличие богатых пастбищ и водопоев.

Во второй половине XIX века в Казахстане можно выделить три вида торговли: меновая, ярмарочная и стационарная. Наибольшее распространение получили два первых вида, тесно связанных между собой характеру казахского скотоводческого хозяйства. Стационарная же торговля не играла большой роли в развитии рыночных отношений в связи с низкой плотностью населения отдаленных степных областей.

Важную роль в развитии меновой торговли играла торговля скотом. При этом данное занятие настолько считалось казахами выгодным, что они не останавливались даже перед займами за высокие проценты, примерно от 60 до 100% годовых.

Меновой торговлей занимались алыпсатары, разъезжавшие по степи с небольшими партиями товаров, необходимыми в хозяйстве кочевников, в обмен на скот и продукты скотоводства. «Едущие с возом товаров они нередко возвращаются с косяком лошадей или других животных, или возом шерсти, сала и других продуктов» [94, с. 22]. Обороты такого менового торга были очень велики и составляли до 1 млн. рублей в год только по Степного краю, не считая Туркестана.

Вырученный товар (скот, кожи, овчины, мерлушки, шерсть, джебагу, волос) алыпсатары сбывали за хорошую цену на местные заводы или ярмарки Казахстана или Западной Сибири, откуда в свою очередь, продукция отправлялась на главные российские и заграничные рынки. В конце XIX века

партия шкур коров и козлят была с выгодой продана в Париже [101, л. 1(об)].

Важную роль в развитии экономики Степного края играла ярмарочная торговля, наиболее соответствующая скотоводческому характеру казахского хозяйства. Большинство ярмарок степных областей возникло благодаря деятельности сибирских купцов и казаков. Используя традиции кочевого скотоводства с длительными остановками у водоемов на скотопрогонных трактах, они выезжали в Степь на места скопления скотоводов. Поэтому ярмарки располагались на караванных путях вблизи летних пастбищ, где скапливались большинство кочевий из разных краев степи. Здесь в летний период приостанавливалось быстрое движение скота из-за наступившей жары. Этими остановками («летовками») и пользовались купцы, привозя товары и устраивая в местах скопления скотоводов ярмарочные торги [102, с. 70].

Такие летние степные ярмарки располагались и в пределах Центрального Казахстана. Его выгодное географическое расположение, богатые и обширные пастбища, сосредоточение крупных скотоводческих хозяйств выделяло в торговом отношении этот регион. Так, здесь, в Каркаралинском уезде функционировала знаменитая Ботовская (Куяндинская) ярмарка, популярности и успешной торговле которой способствовали «благоприятные местные условия, удобное размещение ярмарки, бесплатное продовольствие для всех гуртов скота, привольные пастбища и отсутствие всяких стеснений» [103, л. 38(об)].

Другими факторами, способствующими деятельности Куяндинской ярмарки были развитие горной промышленности в крае, открытие рудников и заводов, содействие правительства степной торговле [104, с. 185]. Таким образом, значение ярмарок второй половины XIX – начала XX веков определялось специализацией казахского хозяйства, богатствами региона, особенностями экономического развития.

Перед летними степными ярмарками, которые традиционно сосредотачивались в южных областях Казахстана, ставилась цель сбора в течение лета скота со всей территории Степного края и перегона его на рынки сбыта в Западную Сибирь. К таким ярмаркам относились Таинчикульская, Ботовская и другие. На них в больших количествах закупался казахский скот, преимущественно бараны, пригоняемые из отдаленных мест Семипалатинской, Акмолинской и Семиреченской областей.

Закупленный на летних ярмарках товар предназначался для салотопенных заводов Акмолинской области, Тобольской и Пермской губерний, отправлялся в крупные города Евразийского региона, далее в Европу. Так, в 1900 году сырье, доставленное с Куяндинской ярмарки в Петропавловск и Омск, далее распределялось следующим образом: мясо в Москву и Петербург – 720 тыс. пудов, кожи во Владимир, Ревель, Митаву – 955 тыс. шт., кишки преимущественно в Берлин – 380 тыс. шт. и в Москву – 26 тыс. шт. [92, с. 23].

В «Обзоре торговли Семипалатинского уезда за 1900 год» отмечается, что «отдельные бай-скотопромышленники продают свой скот через экспортеров за границу, притом за наличные деньги и за такую цену, которую ранее киргизы не знали. Экспортеры вывозят и отправляют запроданное сырье в Западную Европу и Америку» [105, с. 74]. Таким образом, ярмарочная торговля связывала наиболее отдаленные кочевые хозяйства казахов Казахстана, в том числе и Центрального, с торговыми центрами Евразийского региона и рынками Европы.

Вместе с тем во второй половине XIX века развивалась и стационарная торговля через магазины, лавки, оптовые магазины, которые в основном располагались в городах, переселенческих селах, казачьих станицах.

Как мы видим, можно выявить определенные тенденции в размещении торговой сети в различных регионах Казахстана и Западной Сибири: в кочевых районах преобладала развозно-разносная торговля, в районах крупных передвижений кочевников – ярмарочная, в районах оседлых хозяйств и русского городского населения – стационарная.

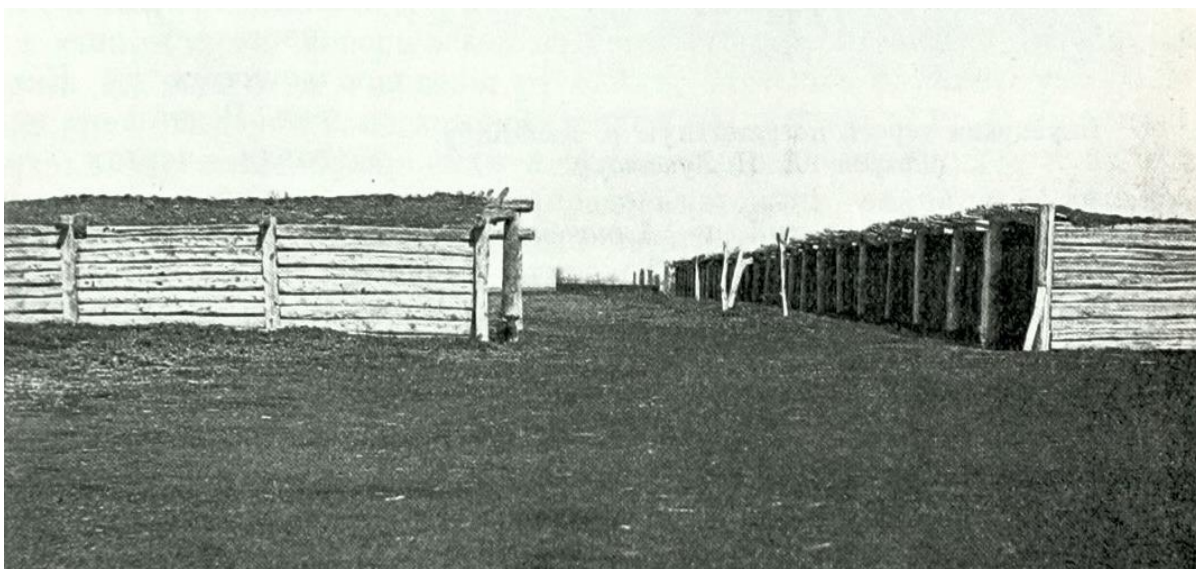
В Центральном Казахстане большую роль играла развозно-разносная и ярмарочная торговля.

Наибольшую известность среди казахского населения Центрального Казахстана и торговцев из разных мест во второй половине XIX – начале XX веков приобрела Ботовская ярмарка, расположенная в Каркаралинском уезде Семипалатинской области. Если в 1876 году общее количество занятых торговцами мест насчитывало 16 барачков и 120 юрт, то в 1879 году их число выросло до 70 барачков и 170 юрт, в 1883 г. – 110 барачков и 205 юрт, в 1886 г. – 200 барачков и в 1890 году – 276 строений и 707 юрт [93, с. 76].

В Каркаралинский уезд шли купеческие товары из Сибири, Урала, Московской и Пермской губерний, Средней Азии, Ирана, Китая, Монголии, городов Казахстана.

Главной отличительной особенностью Ботовской ярмарки было то, что, в отличие от ярмарок Западной Сибири, ее назначением оставался сбор скота. В обзоре Семиреченской области за 1890 год прямо говорится, что для степняков-скотоводов «единственным пунктом сбыта баранов, как самого главного предмета торговли кочевника, а также лошадей, быков, шерсти есть Куянды в Каркаралинском уезде, где бывает в июне ярмарка. Отправляя туда все свои предметы сбыта, уезды, в свою очередь, получают все необходимые для торговли в Степи товары» [93, с. 147].

Торговля на Куяндинской ярмарке была преимущественно меновая, оптовая. Купцы и торговцы доставляли для сбыта казахскому населению мануфактуру, фаянсовую и глиняную посуду, чай, сахар, стекло, бакалейный и галантерейный товар, железо, чугун, медь в изделиях, азиатские товары.

Тип ярмарочных торговых рядов в казахской степи.
Фотография из фондов Российской национальной библиотеки
(г. Москва, РФ)

Городская ярмарка
Фотография из фондов Российской национальной библиотеки
(г. Москва, РФ)

Вместе с тем развивалась и денежная торговля, в которой мерилom ценности выступали русские денежные знаки и среднеазиатские монеты. В первой половине XIX века Управлением Западной Сибири отмечалось, что в округах Среднего жуза казахи «уже знакомы с нашей звонкой монетой и начинают понимать и брать кредитные билеты» [106, с. 355].

Как отмечалось еще в начале 60-х годов XIX века, «с распространением круга торговых сношений России с киргиз-кайсаками сама продажа и покупка товаров много изменила свой характер. Вместо простой мены товара на товар стали употребляться и условные представители их, деньги, как металл, так и бумажные, из которых к последним киргизы оказывают мало доверия» [107, с. 195].

Во второй половине XIX века заинтересованность в денежной торговле со стороны казахского общества с введением фискального контроля возрастает. Поэтому «год от году простая мена товара на товар уступает место в степи правильной продаже и оценке на деньги. Киргизы уже знают толк не только в монете, но и в кредитных билетах и редкого из них торговца оплетет русский» [108, с. 57].

Приобретенные путем мены или за деньги скот угонялся на ярмарки в Акмолинскую область, Тобольскую, Оренбургскую, Саратовскую, Томскую и Пермскую губернии, а также на Таинчикульскую ярмарку в Петропавловском уезде, оттуда уже шел далее за Урал, Москву, Петербург [103, л. 38(об)].

Большое количество скота из казахской степи ежегодно гнали к местам топки сала и продажи мяса в Тобольской губернии. Гурты скота пригоняли туда в сентябре и начинали бить баранов, а рогатый скот продолжали откармливать еще около 2 месяцев и тогда уже подвергали убою. Казахские быки были гораздо крупнее сибирских и ценились вдвое дороже. Каждый казахский бык доставлял 10 пуд. Мяса, в русский – 5 пудов [98, с. 225].

Таким образом, главными объектами ярмарочной торговли в Каркаралинском уезде были скот и продукты скотоводства, что предопределялось географическим положением Куяндинской ярмарки на скотопрогонных путях, идущих из Семиречья и Китая, в центре скотоводческого района, на границе соприкосновения с русским населением. Ежегодно сюда одного только скота пригонялось на сумму от 700.000 до 1.250.000 рублей [109, с. 53].

Как мы видим, ярмарки в степных областях являлись главными рынками сбора скотоводческого сырья и распределения промышленных товаров среди казахского населения. Сумма продаваемых местных скотоводческих товаров была намного выше, чем сумма привозимых фабрично-заводских. Так, в 1887 году реализация скота на ярмарках Акмолинской области составляла 95,9% от привоза, продуктов скотоводства – 99,4%, тогда как реализация европейских промышленных товаров составляла лишь 20,4%, азиатских – 40% [93, с. 142]. Данный факт указывает на превращение степных ярмарок в животноводческие рынки.

В целом сбыт главных товаров происходил с взаимной выгодой до 25-30% [103, л. 38(об)], что также способствовало росту популярности Ботовско-Куяндинской ярмарки.

Степные ярмарки имели большое значение для казахского населения, редко выезжающего из своих хозяйств в город и другие крупные торговые пункты. Ярмарка, куда стекались большие группы продавцов и покупателей, нуждающихся в реализации своих интересов, давала возможность найти заработок. Как отмечает Н. Коншин, «еще задолго до ярмарки в Куянды из Каркаралинска везут лес для постройки и ремонта лавок, перебираются рабочие и мастеровые, и в большом количестве, джатаки. Некоторые из последних занимаются черной работой, другие торгуют мясом, кумысом, баурсаками, большинство покупают у степных киргизов и тотчас перепродают скот, главным образом, сырье» [110, с. 25].

Для крупных скотовладельцев Кояндинская ярмарка также была важным событием. Здесь казахи-скотоводы производили обмен своей продукции на фабрично-заводские изделия, запасались всем необходимым для хозяйства, причем гораздо дешевле, чем в городе, обменивались последними новостями, и просто развлекались. С постепенным переходом хозяйства от натурального к денежному, как замечает Д. Львович, казахи, как обладатели больших стад, получили «приятную возможность щеголять в цветистых московских ситцах, упиваться фамильным чаем, слушать гнусавые звуки граммофона и живое рокотанье швейной машинки» [79, с. 209].

Торговля на Куяндинской ярмарке производилась частью из постоянных лавок и балаганов, а чаще – из юрт. Большинство строений ярмарки заготавливалось казахами-строителями. Юрты поставлялись местным населением Аксаринской волости. В 1875 году таких юрт было нанято до 300 за плату, смотря по величине и достоинству юрты от 5 до 15 рублей за каждую [103, л. 38]. Юрты пользовались большой популярностью среди приезжающих покупателей и продавцов. Так как гостиниц на Кояндинской ярмарке не было, приказчики и купцы обыкновенно жили в своих лавках, то большая часть приезжих вынуждены были волей-неволей нанимать казахские юрты [110, с. 25].

Аналогичные процессы наблюдались и среди других народов. Так, Ф. Бродель изучая сельские инфраструктуры, отмечает большую роль французских ярмарок как компенсатора недостатка связей, особенно в тех регионах, где обмен еще плохо был налажен. «На западе Бурбоннэ или еще лучше, в Веле, где в XIX веке связи завязываются на ярмарках, чаще всего «негородских» и представляющих собою шумные массы людей, которые собираются на несколько дней под открытым небом, в местах специально не оборудованных, как это происходило на самых архаических ярмарках эпохи традиционного крестьянства. Так экономика утверждала свои права» [111, с. 418].

Как видно, ярмарка, как среди французов, так и среди казахов помогала им реализовывать потребность жить в обществе, потребность в общении. Выезжая в город или на степные ярмарки, крестьяне и кочевники получали

возможность вырваться из привычного круга существования, совершить своего рода путешествие, где их ждали шум, разговоры, новости.

Развитие ярмарочной торговли значительную роль сыграло в формировании кредитных отношений в регионе. На крупных степных ярмарках производились закупки и для внутреннего потребления и для вывоза, что соответственно привело к расширению денежного рынка. Наряду с широко распространенной первичной формой кредитных отношений – ростовщичеством, стали развиваться и капиталистические отношения, представленные банками и другими кредитными учреждениями.

Начало проникновения банковского капитала в Казахстан и создание филиалов Государственного и крупных коммерческих банков относится к концу XIX века. Отделения банков возникали прежде всего в районах сосредоточения торгово-промышленной деятельности – в городах Уральске, Петропавловске, Семипалатинске, Омске, Акмолинске и других. Кроме этого, в связи со значительным увеличением размеров торговли скотом и скотоводческой продукцией для обеспечения кредитных операций с 1894 года открывалось временное отделение Государственного банка на территории Ботовско-Куяндинской ярмарки, оборот которого в 1913 году составил 3,3 млн. руб. [112, с. 194]. Филиалы Государственного банка в Казахстане предоставляли основную массу кредитов торговцам скотом, животноводческими продуктами, хлебом, мануфактурой и другими товарами.

Так, ярмарка становилась важным средством установления торговых связей между казахским скотоводческим хозяйством и фабрично-заводской промышленностью центральной России, являлась средством приобщения бывших кочевников к рынку и адаптации к меняющимся экономическим условиям.

Важное значение в развитии ярмарочной торговли сыграли железные дороги региона, благодаря которым происходило сближение местных рынков сбыта с российскими и сибирскими промышленными центрами. Проведение Сибирской железной дороги закрепило за ярмарками Казахстана за ними роль центров торговой активности казахского и переселенческого населения, торговли казахов-скотопромышленников и русских купцов. В результате в конце XIX – начале XX веков сформировался единый канал и механизм транспортировки скота и продуктов скотоводства, в котором ярмарки позволяли мобилизовать излишки у производителей, а железная дорога – доводить их до потребителя [93, с. 41]

Бурное развитие скототорговли на степных ярмарках вынудило российское правительство в первую очередь решить вопросы охраны и ветеринарной службы. Торговля на стихийных ярмарочных торгах велась в антисанитарных условиях, под открытым небом, без оборудованных торговых мест. В связи с этим официальная власть предпринимала различные меры по наведению порядка на ярмарках: учреждение денежных сборов для покрытия расходов по санитарному надзору, организация

управления ярмарками, обустройство ярмарочной площади, ветеринарный надзор.

В качестве помощников ветеринаров, полицейских привлекались представители казахского общества. Так, в делах ветеринарной части Акмолинской области конца XIX века можно встретить много фактов привлечения казахов к службе по усилению надзора за прогоном неоплаченного скота, где также указывалось, что «командированным чиновникам предоставить выдачу на будущее киргизам (казахам), содержание, вместо полагаемых прежде временных 3 рублей, определенную цифру до 5 рублей в месяц, с оставлением за ним права на награду наиболее усердных и исполнительных помощников» [103, лл. 38(об), 41].

Казахи выполняли функции переводчиков, караульных, объездных с большой ответственностью. В 1886 году на Таинчинской и Константиновской ярмарках вознаграждение получили [113, л. 28об, 29, 30, 31-39]:

1. Ашир Шибобаев – переводчик – за 34 дня 28 руб.33 коп.
2. Байзаков Байбагар – караульный – 3 руб. 36 коп.
3. Магаждан Кубеков - -//- - 3 руб. 92 коп.
4. Нурукуй Турлубеков - -//- - 3 руб. 92 коп.
5. Макан Юсупов - -//- - 3 руб. 36 коп.
6. Альжан Касыбаев - -//- - 3 руб. 92 коп.
7. Бокан Джеимбаев - -//- - 3 руб. 92 коп.
8. Бекпау Татенев - -//- - 3 руб. 92 коп.
9. Макан Байгунов - -//- - 3 руб. 50 коп.
10. Махаметжан Шаграев - -//- - 2 руб. 66 коп.
11. Бейсен Пучуков - -//- - 3 руб. 92 коп.
12. Искак Сарбатов - -//- - 3 руб. 92 коп.

Встречались на ярмарках и самозванцы, желающие посредством обмана и хитрости решать собственные насущные проблемы. В архивах Акмолинского областного правления можно найти интересные факты, подтверждающие этот случай и в казахском обществе. Так, ветеринарный врач Каркаралинского уезда Бенкевич в своих рапортах начала XX века жалуется на самозванцев-врачей, занимающихся на Куянды-Ботовской ярмарке проверкою скота с целью наживы: в 1901 году – это казах Саранской волости Арунбай Джармахамбетов, в 1903 году – это казах той же волости Арунбай Бектасов [100, л. 138, 138(об), 139, 139(об)].

В конце XIX – начале XX веков значение Куяндиной ярмарки заметно падает. Причин можно выделить несколько, среди которых уменьшение численности скота, пригоняемого киргизами на ярмарку, усложнение доставки живого скота в Россию, что привело к увеличению затрат на дорогу и другие. Вместе с тем, в этот период можно заметить серьезные изменения и в самом характере торговли. Как отмечает Маевский, «время, когда ценность барана давала направление торговли, безвозвратно миновало. Теперь торговцы стараются иметь дело непосредственно с киргизами, оптовые торговцы идут сами в степь и указывают киргизам настоящие цены

на товары, в степной торговле появляется кредит» [104, с. 200]. Вывод дореволюционного исследователя говорит об углублении рыночных отношений в казахское общество. Представители местного населения в конце XIX – начале XX века предпочитают вести торговые дела уже лично, а не через посредников-оптовиков, тем самым непосредственно участвуя в развитии рыночных отношений в регионе.

Но самое главное, изменяется психология казахов как потребителей. В частности, они познают тонкости рынка: берут товар оптом, потом делят его между собой. Вкусы и желания казахов уже отличаются от прежних требований, предъявляемых к мануфактурным товарам. Большое внимание уделяется к качеству товара, появляется понятие «модные вещи». Вместе с тем, в развитии торговли в Казахстане, как и в Западной Сибири, наряду с общими закономерностями, существовали и свои особенности: замедленное развитие и отставание от общероссийских стандартов, существенные перепады в торговых делах, значительный коммерческий риск [114, с. 245].

Таким образом, ярмарки Степных областей способствовали дальнейшему развитию рыночных отношений в Казахстане, связывая наиболее отдаленные кочевые хозяйства казахов с торговыми центрами европейской России, создавая целую систему рыночных связей между регионами Евразийского пространства. Являясь по своей организационно-экономической сущности частью хозяйственного уклада населения региона и играя ведущую роль в экономике казахского общества, степные ярмарки обеспечивали реализацию хозяйственных возможностей казахского общества, тем самым способствуя адаптации кочевого социума к рыночным условиям второй половины XIX – начала XX веков.

Итак, рассматривая новые тенденции в экономике казахского общества в рыночных условиях во второй половине XIX – начале XX веков, необходимо отметить, что развитие земледелия и хлебопашества в кочевом социуме, участие в промышленном освоении региона, предпринимательство и торговля получили свое распространение еще в первой половине XIX века. Однако как тенденция, как адекватная реакция на внешние факторы, как характеристика хозяйственного развития региона, данные проявления получили свое полное развитие в исследуемый период. Сокращение традиционных пастбищных угодий вследствие концентрации земель в руках крупных скотовладельцев, административно-земельных реформ Российской империи, обнищания значительной части казахов привело к переходу к скотоводческо-земледельческой, оседло-земледельческой культуре, отходничеству на промыслы, занятию нетрадиционными для кочевого общества видами занятий.

Таким образом, Центрально-Казахстанский регион – это тот национальный казахский регион, где эволюция традиционного общества в рамках Российской империи имела свои особенности. В условиях административного подчинения и распространения рыночных отношений традиционная степная казахская экономика сумела сохранить свои характерные черты, приспособив их к внутренним потребностям социума и

внешним факторам. Все это позволяет рассматривать процессы, происходящие в казахском обществе в изучаемый период как процессы социальной и хозяйственной адаптации. Данный концептуальный подход и проведенное на его основе исследование конкретизируют и углубляют на региональном материале представление об особенностях кризиса кочевого общества и хозяйства во второй половине XIX – начале XX веков, позволяют предположить, что в процессе адаптации казахское общество постепенно создавало внутренние социально-экономические предпосылки для возможного преодоления данного кризиса в рамках рыночной экономики.

Примечания

- 1 Дело о поездке Степного генерал-губернатора для обозрения края //ЦГА РК. Ф. И-64. Оп. 1. Д. 1010.
- 2 Статистика Российской империи. Т. 27. Вып. 5 //ЦГА РК. Ф. И-460. Оп. 1. Д. 53.
- 3 Остафьев В.А. Очерк Акмолинской области //Сведения о Сибири. – СПб, 1897.
- 4 Статистика Российской империи. XXVII. Волости и населенные пункты. Выпуск 1. Акмолинская область. – СПб; Центр. Стат. Комитет МВД, 1893. – 15 с.
- 5 Статистика Российской империи. Выпуск 5. Семипалатинская область. – С-Пб: Центр. Стат. Комитет МВД, 1895. – 19 с.
- 6 Карбышев Д. Земледелие. Статья за 1827 г. //ГАКО. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 171.
- 7 Кучерявская С.Е. Растительность Каркаралинского уезда (результаты экспедиции 1910 г.) // ГАКО. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 171.
- 8 Отчет о деятельности Западно-Сибирского отдела РГО за 1898 год. –Омск: Тип. Окр. Штаба, 1899. – 32 с.
- 9 Дело о мерах к развитию земледелия в Степном крае //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 4. Д. 90.
- 10 Обзор Семипалатинской области за 1888 год. – Семипалатинск, 1889. – 46 с.
- 11 Дело по предложению генерал-губернатора о рассмотрении неудобств, встречающихся по производству горного промысла //ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4864а.
- 12 Дело об образовании в Акмолинской области особых поселений из казахов //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 4895.
- 13 Олкотт М.Б. Казахи //Из истории казахов. Составитель Е. Аккошкарров. – Алматы: Жалын, 1997. – С. 303-336.
- 14 Соколов Л.И. Население. Культура. Колонизация района Туркестан – Сибирская железная дорога. – С-Пб: Тип. Ц. Крайз, 1908. – 130 с.
- 15 Обзор Семипалатинской области за 1906 г. – Семипалатинск, 1907. – 110 с.
- 16 Отчет по Области сибирских киргиз за 1860 г. //ЦГА РК. Ф. И-345. Оп. 1. Д. 1780.
- 17 Обзор Акмолинской области за 1915 г. //ЦГА РК. Ф. И-393. Оп. 1. Д. 129.
- 18 Обзор Акмолинской области за 1886 г. – Омск, 1887. – 46 с.

- 19 Чермак Л. Киргизское хозяйство в Степном крае // Район железной дороги Петропавловск – Спасский завод в экономическом отношении. – СПб: Тип. Ц. Крайз, 1912. – 314 с.
- 20 Записка о торговле в Акмолинском уезде, направлении и распределении товаров к рапорту № 9530 от 10.09.1896 г. // ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 454.
- 21 Апполова Н. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. – М.: Наука, 1976. – 371 с.
- 22 Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей (МКЗ). – Т. 6. Семипалатинская область. Каркаралинский уезд. – СПб, 1905. – 815, 134 с.
- 23 Статистика Российской империи. Т. 27. Вып. 5. Семипалатинская область. 1895 г. // ЦГА РК. Ф. И-460. Оп. 1. Д. 53.
- 24 Статистические сведения по Семипалатинской области за 1876 г. // ЦГА РК. Ф. И-460. Оп. 1. Д. 25.
- 25 Обзор Семипалатинской области за 1895 год. – Семипалатинск, 1897. – 42 с.
- 26 Статистический обзор по Семипалатинской области (1897-1911) // ЦГА РК. Ф. И-460. Оп. 1. Д. 77.
- 27 Элементы хозяйства Семипалатинской области. Данные Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. Поселенные и поволостные статистические данные по кочевому хозяйству Каркаралинского уезда // ЦГА РК. Ф. И-460. Оп. 1. Д. 80.
- 28 Обзор Семипалатинской области за 1883 г. – Семипалатинск, 1884. – 42 с.
- 29 Обзор Семипалатинской области за 1902 г. – Семипалатинск, 1903. – 95 с.
- 30 Обзор Семипалатинской области за 1904 г. – Семипалатинск, 1905. – 110 с.
- 31 Статистические сведения по волостям Каркаралинского уезда. 1909-1910 // ЦГА РК. Ф. И-460. Оп. 1. Д. 16.
- 32 Гидрогеологическое описание южной части Акмолинской области. Составитель А.А. Козырев. – С-Пб: Тов-во Р. Голика и А. Вильборга, 1911. – 640 с.
- 33 Щербина Ф.И. Киргизская народность в местах крестьянских поселений // На сибирские темы: под ред. М.Н. Соболева. – СПб., 1905. – С. 173-218.
- 34 Хозяйство казахов на рубеже XIX-XX вв. (Материалы к историко-этнографическому атласу). Под ред. Г.В. Дахшлейгера. – Алма-Ата: Наука, 1980. – 254 с.
- 35 Кауфман А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. – М.: Тип-я т-ва И.Д. Сытина, 1908. – 456 с.
- 36 Переписка Степного генерал-губернатора о продовольственном снабжении кочевого населения // ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 4. Д. 55.
- 37 О возведении оседлых поселений // ГАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15213.
- 38 Шмидт Ю. Очерк киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела в Акмолинской округе // Записки ЗСО РГО. Книжка XVIII. – Омск: Тип. Окруж. Штаба, 1894. – С. 1-149.
- 39 Козина В.В. Население Центрального Казахстана (конец XIX в. – 30-е годы XX в.). Книга 1. – Алматы: Өркениет, 2000. – 144 с.
- 40 Отчет царю военного губернатора Семипалатинской области за 1881 г. // ГАОО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 17056.
- 41 Статистические сведения по Семипалатинской области за 1898 г. // ЦГА РК. Ф. И-460. Оп. 1. Д. 31.
- 42 Обзор Семипалатинской области за 1901 год. – Семипалатинск, 1902. – 82 с.

- 43 Быков А.Ю. Проблема седентаризации в политике России в Казахстане. XVIII – начало XX в: автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Барнаул, 2001. – 30 с.
- 44 Отчеты уездных казахских ссудных касс за 1890 г. //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 7657.
- 45 Отчет царю военного губернатора Семипалатинской области за 1881 г. //ГАОО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 17056.
- 46 Дело об обеспечении продовольствием кочевого населения //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 7644.
- 47 Район железной дороги Спасский завод – Пишпек в экономическом отношении. – СПб: Тип. А.Ф. Дресслера, 1914. – 270 с.
- 48 Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. – С-Пб: Пересел. управл. ГУЗиЗ, 1910. – 66 с.
- 49 Отчет царю военного губернатора Акмолинской области за 1879 г. //ГАОО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 17047.
- 50 Закржевский Р. Краткий очерк северного склона Джунгарского Алатау //Записки ЗСО РГО. – 1893. – Кн. 15. – Вып. 1. – С. 28-35.
- 51 Коншин Н. От Павлодара да Каркаралинска (путевые заметки) // Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г. Вып. V. - Семипалатинск: Тип. Семипалатинского Областного Правления и Торгового дома «П.Плещеев и К», 1901. – Разд. IV. – С. 1-25.
- 52 Старков. Краткое обозрение Киргизской степи в географическом, историческом и статистическом отношениях //Тобольские губернские ведомости. – 1860. – № 26. – С. 193-195.
- 53 Формы землепользования киргизов Петропавловского и Омского уездов Акмолинской области //ГАОО. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 3.
- 54 Сундетов С.А. О генезисе капитализма в сельском хозяйстве Казахстана на материалах северо-восточных областей. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1970. – 127 с.
- 55 О выставке в г. Каркаралинске //Акмолинские областные ведомости. –1890. – № 11. – С. 5-6.
- 56 Чермак Л. Формы киргизского землепользования //Сибирские вопросы. – 1908. – № 41-42. – С. 4-11.
- 57 Материалы о горнопромышленниках Поповых в Каркаралинском округе //ГАКО. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 81.
- 58 Формы землепользования киргизов Петропавловского и Омского уездов Акмолинской области //ГАОО. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 3.
- 59 Дело Рязановых за 1853 г. //ЦГА РК. Ф. И-209. Оп. 1. Д. 175.
- 60 Бекмухаметов Е.Б. Цветная металлургия и горное дело дореволюционного Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1964. – 314 с.
- 61 Есенов Ш., Кунаев Д., Мухамеджанов С. Недра Казахстана. – А-А: Казахстан, 1968. – 600 с.
- 62 Чиркин Г. Проектируемые Сибирские железные дороги и их колонизационное значение //Вопросы колонизации. – 1910. – № 6. – С. 26-45.
- 63 Красовский М. Область сибирских киргиз. Ч. 1-3. – СПб, 1868.
- 64 Дело об объявлении горнопромышленницы Бекметовой об открытии рудного месторождения в Каркаралинском уезде //ЦГА РК. Ф. 10. Оп.1. Д. 27.
- 65 Дело с заявками горнопромышленников Сивиллова и Калмагамбетова об открытии каменного угля в Каркаралинском уезде //ЦГА РК. Ф. И-10. Оп.1. Д. 32.

- 66 Сведения о пивоваренной, винокуренной, золотой и соляной промышленности, о ярмарках, ветеринарном состоянии Семипалатинской области. 1910 г. //ЦГА РК. Ф. И-460. Оп. 1. Д. 19.
- 67 Васильева М.С. Природа и хозяйство Джекказганского промышленного района. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1959. – 98 с.
- 68 Годовой отчет по горнозаводской промышленности //ЦГА РК. Ф. И-10. О. 1. Д. 129.
- 69 Семевский. Очерки быта рабочих на сибирских золотых приисках Тобольско-Акмолинского и Семипалатинско-Семиреченского округов // Сибирский сборник. – 1895. – Вып. 1. – С. 81-102.
- 70 Головачев П. Сибирь: природа, люди, жизнь. – М.: Изд-во Ю.И. Базановой, 1902. – 288 с.
- 71 Э. Нельсон Фэлл. Русский и кочевник. Были киргизских степей //Нива. – 2000. – № 1. – С. 100-145.
- 72 Коцовский В.И. Краткий обзор горнозаводской промышленности Семипалатинской области. – Семипалатинск, 1899. – 152 с.
- 73 Э.Ж. Валиханов. Был ли «золотой век» в прошлом веке? //Мысль. – 1994. – № 4. – С. 76-80.
- 74 Григорович. Спасский завод //Акмолинские областные ведомости. – 1871. – № 5. – С. 3.
- 75 Дала уалаятының газеті: адам, қоғам, табиғат. 1888-1902 //Құрастырушы Ү. Субханбердина. –Алматы, Ғылым, 1994. – 815 с.
- 76 Список казахов Атбасарского уезда с указанием количества скота за 1909-1910 гг. //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10648.
- 77 Седельников Т. Борьба за землю в казахской степи (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). – С-Пб.: Дело, 1907. – 79 с.
- 78 Алексеенко Н.В. Казахи на рудниках и заводах Алтайского горного округа в XIX в. //История. – 1971. – № 1. – С. 3-11.
- 79 Львович Д. По Киргизским степям. – Пг., 1914. – 224 с.
- 80 Русско-казахские отношения в XVIII-XIX вв. Сборник документов и материалов. – А-А.: Наука, 1964. – 576 с.
- 81 Татимбет (Будут звучат в веках). – Караганды, 1993.
- 82 О выдаче дозволильных свидетельств //Акмолинские областные ведомости. – 1900. – № 33. – С. 2.
- 83 Дело с заявками горнопромышленников Сивиллова и Калмагамбетова об открытии каменного угля в Каркаралинском уезде //ЦГА РК. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 32.
- 84 Дело об отводе киргизу Моинтинской волости Калмагамбетову серебряно-свинцового рудника //ЦГА РК. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 119.
- 85 Дело о выдаче дозволильного свидетельства Ачикееву //ЦГА РК. Ф. И-501. Оп. 2. Д. 161.
- 86 Дело о выдаче дозволильного свидетельства Маметееву //ЦГА РК. Ф. И-501. Оп. 2. Д. 170.
- 87 Годовой отчет горнозаводской промышленности //ЦГА РК. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 129.
- 88 Дело об отобрании у киргиза Калмагамбетова рудника //ЦГА РК. Ф. И-212. Д. 1359.
- 89 Копии дозволильных свидетельств, выданных Байжомартовым //ЦГА РК. Ф. И-212. Оп. 1. Д. 1269.

- 90 Дело о выдаче дозволительного свидетельства Байджомартову //ЦГА РК. Ф. И-501. Оп. 2. д. 172.
- 91 Ведомости о фабриках, заводах во внешних окружных приказах //ЦГА РК. Ф. И-345. Оп. 1. Д. 920.
- 92 Весь Казахстан. Справочная книга. – Алма-Ата, 1931. – 420 с.
- 93 Щеглова Т.К. Ярмарки Западной Сибири и Степных областей во второй половине XIX века. Из истории российско-азиатской торговли. – Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2002. – 236 с.
- 94 Обзор Акмолинской области за 1896 год. – Омск, 1898. – 46 с.
- 95 Обзор Акмолинской области за 1900 год. – Омск, 1901. – 24 с.
- 96 Сведения о торговых оборотах ярмарок в Западной Сибири за 1877 г. //ГАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15145.
- 97 Сведения о торговых оборотах ярмарок, существующих в Западной Сибири за 1878 г. //ГАОО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 17487.
- 98 Шпалтаков В.П. Формирование и развитие рыночного хозяйства в Западной Сибири в первой половине XIX века. – Омск: ООО «Литограф», 1997. – 304 с.
- 99 Сибирь и Великая Сибирская железная дорога. – С-Пб: Издание Департамента торговли и мануфактур МФ, 1893. – 309 с.
- 100 Дело о скотопрогонных трактах и дорогах в Акмолинской области 1896-1905 гг. //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10398.
- 101 Об участии Семипалатинской области во Всероссийской выставке в Москве в 1881 г. 1880-1885 гг. //ЦГА РК. Ф. И-460. Оп. 1. Д. 26.
- 102 Щеглова Т.К. Правовые условия развития сибирско-азиатской ярмарочной торговли во второй половине XIX в. (Западная Сибирь и Степные области) //Россия и международные отношения в Центральной Азии (региональный аспект): сб. науч. ст. под ред. Моисеева В.А. – Барнаул. 2001. – С. 67-81.
- 103 О доставлении сведений о торговых оборотах ярмарок в Западной Сибири за 1875 и 1876 гг. //ГАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 13969.
- 104 Маевский В. Ботовская ярмарка //Памятная книжка Семипалатинской области на 1897 год. – Семипалатинск, 1897. – С. 190-202.
- 105 Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 год. – Семипалатинск, 1900. – 223 с.
- 106 Толыбеков С.Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII – XIX веках. – Алма-Ата: Каз.Гос.издат, 1959. – 448 с.
- 107 Старков. Краткое обозрение Киргизской степи в географическом, историческом и статистическом отношениях //Тобольские губернские ведомости. – 1860. – № 26. – С. 193-195.
- 108 Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 3. Сибирско-киргизская степь. – М.: Изд-во общества распространения полезных книг, 1867. – 145 с.
- 109 Куяндинская ярмарка (ее возникновение и история, обороты). Составитель Смирнов А. – Семипалатинск: Изд.стат.отдела Семипалатинской торг. биржи, 1924. – 68 с.
- 110 Коншин Н. От Павлодара да Каркаралинска (путевые заметки) // Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г. Вып. V. - Семипалатинск: Тип. Семипалатинского Областного Правления и Торгового дома «П.Плещеев и К», 1901. – Разд. IV. – С. 1-25.

111 Бродель Ф. Что такое Франция. Кн. 2. Ч.2. Крестьянская экономика до начала XX века. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. – 511 с.

112 Фридман Ц.Л. Кредит и кредитные учреждения в условиях многоукладной экономики дореволюционного Казахстана //Вопросы истории капиталистической России: проблемы многоукладности: сб. статей под ред. В.В. Адамова. – Свердловск, 1972. – С. 188-203.

113 Дело о командировании чиновников на Константиновскую и Таинчинскую ярмарки в 1893 году для сбора денег //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 6621.

114 Андриющенко Б.К. Специфика торговли в Западной Сибири в пореформенный период (1861-1914 г.) //Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX вв.): материалы международной конференции. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2002. – С. 242-245.

Глава 4. Распространение инициативного начала и предпринимательства среди казахского общества во второй половине XIX – начале XX веков

4.1 Распространение интенсивных методов ведения скотоводческого хозяйства

Характерным явлением в скотоводческих хозяйствах казахов Центрального Казахстана во второй половине XIX – начале XX веков стал переход к интенсивным формам хозяйства, к использованию более рациональных методов разведения скота.

Интенсификация скотоводческого хозяйства означает более тщательный подбор и уход за скотом, применение сенокосения [1, с. 289]. Основным фактором, определившим эволюцию кочевого хозяйства казахов, явилось сокращение пастбищных земель в пользу расширения посевных площадей как казахского, так и русского населения.

Изъятие из пользования казахов пастбищных угодий не позволило далее развивать традиционное кочевое скотоводство, основываясь только лишь на возможностях больших степных просторов. Так А. Букейханов отмечает, «қазақ осынша жерде шалкып жатып, мал басын косып шаруа қыла алмай отыр дейді. Мұнысы ақылға толық» («казах, несмотря на то, что живет на такой земле, не может нормально вести хозяйство с использованием скота. И это справедливо») [2, с.69]. При этом исследователь причину проблем традиционного скотоводческого хозяйства видит в политике изъятия казахских пастбищ: «осы жобаның (проект закона № 3647 от 17 ноября 1912 года) түземісінің бірінші статьясында бұл қазына жерін бөтен патшалық адамы һәм бөтен аталы (инородец) жұрттар жалдап та, сатып та ала алмайды деген. Закон жолында біздің қазақ ана инородец тонын киіп жүр. Бұл жерлер мұжыққа деп, қазақтан алып, сонаң соң егін салуға мұжық жайсыз деп алмаған жер, қала болған қазақ уақытша пайдалана тұр деп, шырғаға тартқан жер» («согласно проекту закона № 3647 от 17 ноября 1912 года инородческое население не может не купить, не арендовать государственные земли. По закону казахи оказались на правах инородцов. Земли, отбираемые у казахов при отказе мужиков из-за негодности к земледелию, отдаются казахом во временное пользование как-бы в подарок») [2, с.70].

В условиях сокращения своих земель казахи вынуждены были применять новые формы ведения скотоводческого хозяйства, в том числе методы улучшения породы как традиционных спутников кочевого быта, так и крупного рогатого скота, численность которого в конце XIX – начале XX веков значительно возросла.

Для улучшения и усовершенствования казахской лошади богатые скотопромышленники в конце XIX века начали употреблять туркменскую, хивинскую и русскую заводскую породы лошадей. Например, в табунах известного скотопромышленника Терсаканской волости Атбасарского уезда Мейрама Джанайдарова имелись полукровные туркменские и хивинские

жеребцы, в табунах казаха Сары-Суйской волости этого же уезда Джандавлета Кулубекова проводили смычку степных лошадей с хивинской породой [3, л. 30]. Данные мероприятия поддерживались специалистами ветеринарной службы Акмолинской области, которые рекомендовали скотоводам региона остановить свой выбор на так называемой текинской породе лошадей, которые крупнее средней казахской лошади, благороднее, имеют больше огня в темпераменте [3, л. 38].

При этом ряд специалистов предупреждают о необходимости более тщательного отбора производителей, «в противном случае будет масс жертв разницы жизненных условий, пока будет достигнута полная акклиматизация» [3, л. 37(об)]. Данный вывод подтверждается мнением современных ученых, которые предупреждали о том, что «распространение наиболее продуктивных в настоящих экономических условиях пород и исчезновение сотен других грозит резким истощением генофонда. Уменьшение внутреннего и межпородного разнообразия со временем ухудшит качественные характеристики имеющегося скота» [4, с. 84].

В планах официальных кругов Российского государства вопрос изучения причин вырождения казахской лошади и мерах поддержания этой породы занимал важное место. В 1890 году граф Воронцов-Дашков предпринял путешествие в Казахскую степь, с тем, чтобы лично убедиться в пользе казахского коневодства. В тургайских конюшнях ему были представлены до 4.000 голов лошадей, в Кустанае – до 7.000 голов, а в летних кочевьях братьев Яраспаловых до 11.000 голов, из которых 4.000 принадлежали самим хозяевам. После осмотра граф сделал вывод о том, что если улучшить местную породу более рослыми производителями, то степное коневодство может дать России неисчерпаемые богатства для артиллерии, кавалерии и обозов армии [5, с. 144-145]. Выводы графа Воронцова-Дашкова позднее подтвердили ветеринары в своих донесениях.

Важную роль в усовершенствовании характеристик и показателей местных пород скота играют природные климатические условия. Поэтому ветеринарный врач г. Петропавловска в своем письме заведующему ветеринарной частью по Акмолинской области в 1894 году рекомендовал первые опыты по скрещиванию казахских и текинских лошадей производить в южных частях Степного генерал-губернаторства, где климат более теплее, а в северные уезды, доставлять уже полученный материал от скрещивания [3, л. 28]. Таким образом, южные уезды Акмолинской области, куда относится и территория Центрального Казахстана, рассматривались специалистами как прекрасная лаборатория для улучшения местных пород лошадей и развития скотоводства в регионе.

Большое значение в развитии скотоводства, основанного на научном подходе и передовых методиках ведения хозяйства, имеют традиции. По этому поводу Ф. Бродель, обращаясь к опыту французского животноводства XIX века, отмечает, что местные ученые резко осуждали традиционное скотоводство, считая английский путь селекции местных пород с племенным скотом других кровей лучшим и правильным. Они полагали, что

«традиционное скотоводство подчиняется опыту народной мудрости». Крестьяне держат стадо коров той породы, которое лучше подходит для нужд местности [4, с. 82-83]. Данное мнение вполне подходит к опыту развития традиционного скотоводства в казахской степи, где испокон веков основу экономики составляло кочевое скотоводство, обусловленное особенностями природно-климатических и почвенных ресурсов, опытом поколений. Поэтому, как замечает Акмолинский областной ветеринарный инспектор в 1910 году, в основу улучшения местной породы скота необходимо положить метод разведения их в самих себе [6, л. 12], то есть, не скрещивая его с другими породами, основываясь на традициях казахского кочевого хозяйства.

Казахские исследователи в начале XX века также отмечали необходимость применения рациональных методов разведения скота в сложившихся условиях. Так, А. Букейханов замечает, «Енді заман өзгерді. Базарда бағлан ғана пұл болды. Енді жарыстан қалмайын десен, мал сүйегін асылда» («Времена изменились. Настоящую цену на базаре имеет только жирный баран. Если не хочешь отстать, надо улучшать породу») [2, с. 71]. По мнению видного представителя казахской интеллигенции, потребности рынка диктуют иное отношение к возможностям и перспективам традиционного казахского скотоводства. В качестве примера он приводит опыт Англии, которая прославилась своими знаменитыми лошадьми. «Англия араб атын тәрбиелеп өсіріп, жүрістіні жүйрікке салып, араб атынан оздырып отыр. Жер үстінде ең жүрісті ат Англия аты» [2, с. 70]. Как видно, Англия, взяв за основу арабскую скаковую лошадь, улучшив ее качества, достигла больших результатов. Такой возможности для России и Казахстана не отрицает А. Букейханов.

К интенсивным методам ведения хозяйства относится также изменение видовой структуры стада, обусловленное потребностями рынка и изменившимися условиями. В связи с введением государственной собственности на землю, сокращением традиционных пастбищ, спросом на скотоводческую продукцию кочевые хозяйства вынуждены были перестраиваться. В отличие от казахской лошади, нуждающейся в лучших пастбищных условиях, крупный рогатый скот казахов был более приспособлен к создавшейся ситуации по причине своей выносливости и востребованности. Кроме этого, акмолинский ветеринар, отмечая в 1910 году большой спрос на масло-молочную продукцию на внешнем рынке, настоятельно требует обратить внимание на улучшение молочного скота [6, л. 12(об)]. Данное направление в скотоводстве региона постепенно получило распространение как в казахских, так и в переселенческих хозяйствах.

Перспективность данной методики можно продемонстрировать на примере работы рассадника казахского скота, созданного в 1912 году в г. Троицке на р. Кызыл-Су. Его основатель П.Г. Амосов путем селекции сумел выделить несколько линий рогатого скота со значительной повышенной удойностью при том же высоком содержании жира, характерного для казахской породы [7, л. 7(об)]. Интерес ученого распространялся и на

территорию Центрального Казахстана [8]. Так, потребности рынка определяли приоритетные направления в развитии регионального научного скотоводства. Работа рассадника Амосова, рассчитанная на 30 лет, была остановлена революцией и войной.

В 20-е годы XX века деятельность отдельных скотоводов получила определенные результаты. В отчете животноводческого отряда экспедиции АН в Каркаралинский уезд (1927-1928 годы), целью которой была оценка животноводческих ресурсов Казахстана и разработка их селекции, отмечалось, что еще в 90-е годы XIX века многотысячные табуны у отдельных хозяев рода каракесек здесь были не редкость. В некоторых хозяйствах есть улучшенные производители пород, они пользуются большим вниманием и лучшим уходом: стойловое или полустойловое содержание, подкармливание овсом... Такие хозяйства, как братья Мынгарбаевы и Чолакаевы в прошлом имели около трех тысяч голов. Для улучшения породы закупаются рысаки-производители» [7, л. 7(об), 10, 10(об)]. В целом, экспедиция отметила высокие возможности Центрального Казахстана в развитии культурного скотоводства.

Одним из нововведений в казахской степи была заготовка сенных запасов, которая рассматривается как сопутствующая скотоводству и земледелию форма более интенсивной эксплуатации имеющихся угодий [9, с. 208]. При сенокосении на одной и той же площади возможно прокормить гораздо большее число голов скота, чем тогда, когда скот вынужден доставать себе корм из под снега, используя только весьма незначительную часть имеющейся на одной площади кормовой массы [1, с. 289].

Однако природно-климатические особенности центральной части Казахстана, наличие в достаточном количестве водных ресурсов не позволяли развиваться сенокосению в казахском кочевом обществе. Как отмечают специалисты, «луга в районе не занимают больших площадей, а чаще носят пятнистый характер у выходов ключей в горах. Единственно, где были встречены порядочные площади покосных лугов, так это в горах Кызыл-рай по р. Челым, по р. Джамчи близ могилы Ит-кара [10, л. 39]. Более благоприятная ситуация складывалась в соседних районах. В своих наблюдениях А. Соловьев на юге Акмолинского уезда отмечает, что «на площадях у выходов многочисленных здесь ключей и горных речек почвенные условия лучше и дают место иногда богатейшим лугам. Такие великолепные луга, тянущиеся на огромном пространстве приходилось наблюдать по р. Атасу выше пересечения со средним Ташкентским трактом. Не менее богатые луговые площади имеются по расспросным сведениям также в верховьях Джаман-Сары-Су и Джаксы Сары-Су» [11, л. 2].

Изменение видовой структуры стада способствовало переходу к сенокосению и стойловому содержанию скота в течение зимней половины года. Рассматривая аналогичные процессы у соседних сибирских народов, А.А. Кауфман отмечает, что «якуты сена коням не дают, оно исключительно для рогатого скота, и вот с увеличением количества крупного рогатого скота сенокосение приобретает мало-помалу первостепенное значение; мало того -

самое размножение рогатого скота имеет необходимой предпосылкой образование соответственных сенокосных запасов» [12, с. 31].

Большую роль в развитии техники сенокосения сыграли русские переселенцы. Еще в XVIII веке Коллегия иностранных дел разрешила официально обучать сенокосению казахов, приезжавших торговать скотом [13, с. 206]. Применительно к началу XX века сообщается, что «под влиянием переселенцев киргизы вводят у себя стойловое кормление скота, что позволяет им более интенсивно использовать оставшиеся в их пользовании еще сравнительно большие площади земли и благодаря этому увеличивать свои стада» [14, с. 60].

На первых порах сенокосение развивалось медленно, так как его приемы у оседающих кочевников были развиты невысоко. «Киргизы косят чрезвычайно поздно, большей частью в июле или в августе, когда трава успевает просохнуть, скошенная трава лежит весьма долго в рядах, сено получается большей частью либо черное и гнилое, либо сухое» [12, с. 33].

Как отмечалось, события второй половины XIX – начала XX веков (переселенческая волна, проведение железной дороги, оживление рыночных отношений) привели к появлению спроса на скот и скотоводческую продукцию. Изъятие традиционных пастбищ, концентрации земель в руках зажиточной части, изменение видовой структуры стада заставляли казахское общество задуматься о лучшем сохранении и обеспечении скота, следствием чего стало увеличение в огромных размерах площадей покосов, замена ручного труда сенокосными машинами. По данным В.А. Тресвятского, размеры сенокосных площадей в Семипалатинской области в казахских хозяйствах в начале XX века увеличились в 2 раза (в 1905 году – 50.268 десятин, в 1919 году – 102.119 десятин) [14, с. 53].

Толчком к развитию сенокосения были джуты, которые заставляли вчерашних кочевников задумываться о непрочности скотоводства, основанного на прежних началах, и обращаться к устройству сенных запасов. Военный губернатор Акмолинской области в 1902 году отмечал: «Поздняя весна причинила многим аульным обществам неисчислимые убытки от падежа, многие потеряли до 80% скота, составляющего единственный источник их богатства» [15, л. 5]. Поэтому характерным и важным явлением в эволюции хозяйства оседающих казахов становится распространение машинного сенокосения, особенно на севере Степного края. Первые сенокосилки здесь появились в конце 90-х годов XIX века [12, с. 33].

В начале XX века казахи, осознав пользу машинного сенокосения сами обращаются с просьбой о продаже сенокосилок. Так, в 1902 году кибитковладельцы многих уездов подали прошение о выдаче сенокосилок в долг с уплатою в течение трех лет [15, л. 1, 5(об)].

В последующие годы популярность сенокосилок среди казахского населения значительно возрастает. Как отмечается В.А. Тресвятским, «за последние годы киргизы все более вводят у себя машинную уборку хлеба и сена. При повторном статистическом обследовании Акмолинской области,

произведенной в 1907-1908 гг., у киргиз зарегистрировано в общей сложности 6.116 только одних собственных сенокосилок» [14, с. 71].

Со временем несчастный опыт прошлых лет (джуты, периоды бескормицы) научил казахов делать запасы сена для обеспечения продовольствия скота на случай бедственной зимы. Поэтому «обычным явлением в степных областях на случаи неурожая, осенней гололедицы и суровой зимы с глубокими буранами и снегами становится устройство общественных сенных запасов, как при больших аулах, так и при небольших зимовочных группах» [16, с. 2].

Нередко казахи, стараясь сохранить хотя бы половину стада в суровые голодные зимы, не останавливались перед серьезными затратами на увеличение аренды сенокоса и покупки сена на стороне у местного населения и у крестьян-переселенцев [17, с. 108]. Аналогичная ситуация складывалась в уездах Семипалатинской области, где «зажиточным казакам продажа сена киргизам доставляла большую выгоду в периоды джута. Кочевники были готовы отдать половину скота, чтобы прокормить вторую половину» [18, л. 11].

Особенно заготовка сена в казахских хозяйствах стала приобретать большую роль под влиянием повышенного спроса на скот и скотоводческую продукцию на внутреннем и внешнем рынках Российского государства. Желание скотовладельцев сохранить численность своих стад для будущей продажи на рынках Казахстана и Западной Сибири привело к увеличению размеров сенокосных площадей и заготовке сена на зиму.

Данный факт подмечают и уездные начальники, которые считают, что главной заботой казахского населения в начале XX века по-прежнему остается скот. «Увеличивающийся спрос на него заставил кочевника подумать о его лучшем сохранении и обеспечении, и поэтому увеличить в огромных размерах площади покосов, заменив ручной труд сенокосильными машинами, распространение которых в уездах совершается необыкновенно успешно» [19, л. 29(об)]. При этом замечается, что в отношении склонности казахов к оседанию на землю и занятию обработкой земли никаких улучшений не наблюдается.

Большую роль в развитии сенокосения сыграли официальные власти. Учитывая важную роль скотоводства как важного и единственного источника благосостояния кочевого населения и его платежной силы, а также отмечая его значение в развитии внутренней и внешней торговли России, администрация Степного края принимала самые различные меры по поддержанию традиционного скотоводства. Среди этих мероприятий можно выделить создание общественных сенных запасов, искусственное травосеяние и снабжение казахского населения сенокосилками [16, с. 2].

Таким образом, одним из главных признаков, характеризующих адаптацию казахского общества к рыночным условиям, можно считать сенокосение. Растущий спрос на мясо и мясную продукцию обусловил желание кочевников, ограниченных во второй половине XIX – начале XX

века определенными территориальными границами, обеспечивать свои стада если не богатыми пастбищами, то необходимым запасом сена.

Об этом свидетельствует рост запасов сена в казахском хозяйстве. Например, в Акмолинской области в 1894 году количество собранного сена в области составляло 45.511 копен, в 1895 году – 25.837 копен, в 1896 году – 158.351 копен, в 1897 году – 12.182 копен, 1898 году – 232.637 копен, в 1899 году – 118.389 копен [20, л. 699]. Аналогичный рост запасов сена по области наблюдается и в начале XX века (Таблица 2).

Из таблицы 2 следует, что количество накошенного сена из года в год увеличивалось, причем не только в общих размерах, но и на одно казахское хозяйство уже приходилось достаточно большое количество собранного сена.

Таблица 2 - Сенокошение в Акмолинской области в начале XX века

Уезды	1901 г.		1902 г.	
	Количество сена в целом по уезду	На одно хозяйство	Количество сена в целом по уезду	На одно хозяйство
Омский	346.408	42	798.170	95,7
Петропавловский	414.902	33	2.333.307	183,8
Кокчетавский	483.271	34	689.132	48,1
Атбасарский	315.668	22	702.736	48,6
Акмолинской	584.735	18	2.221.664	70,7
Примечания				
1 Таблица составлена на основе 15, с. 14				
2 Количество сена измеряется в 7-ми пудовых копнах				

Потребность казахского хозяйства в сенных запасах осознавало и казачье население. Так, в отчете военного губернатора Семипалатинской области за 1881 год отмечалось, что «казачье население, владея богатыми луговыми местами, в продаже сена находят весьма важный источник пропитания, в особенности в Павлодарском уезде Семипалатинской области. Зажиточные казаки косили для себя с помощью киргизского населения, нанимающихся или за поденную плату или за часть укоса (от 1/3 до 1/2). Избыток сена продавался в города или киргизам» [18, л. 11].

Появлялись и предприимчивые люди, которые покупали на складах косилки и грабли, разъезжали по степи, взимая с местного населения за косьбу 1 руб. 50 коп. - 2 руб. с десятины, и за одно лето выручали больше денег, чем тратили на покупку сенокосилок [21, с. 4]

Таким образом, появление сенокошения и его распространение в хозяйстве казахов означало развитие нового этапа в жизни традиционного общества. Это было одной из форм адаптации казахов к новым условиям в результате более тесных контактов с российской рыночной экономикой, ярким свидетельством интенсификации казахского скотоводческого

хозяйства. Вместе с тем, в центральной части Казахстана сенокосение в разных частях региона развивалось по-разному.

В хозяйстве казахов Каркаралинского уезда Семипалатинской области сенокосы играли вспомогательную роль, а процент хозяйств, косивших сено - 73,6% [22, с. 36]. Отдельные хозяйства Каркаралинского уезда вообще не имеют сенокосных мест, чаще «покос принадлежит одному аксакалу, захватившему его на правах сильного» [23, с. 30]. Поэтому потребность в сенных запасах в казахских хозяйствах уезда реализовывалась через покупку сена или аренду сенокоса у казаков и крестьян.

В Атбасарском уезде Акмолинской области процент казахских хозяйств, косивших сено, составил 74,8% [22, с. 36]. В интересующей же нас южной части Атбасарского уезда, входящей в состав Центрального Казахстана, где проживали казахи баганалинского рода, занимающиеся традиционным кочевым скотоводством, в конце XIX века вовсе не имелось более или менее значительных сенокосных участков. В рапорте атбасарского уездного начальника об организации сенных складов в киргизских волостях отмечается, что «образовывать запасные общественные запасы сена в шести баганалинских волостях в 90-е годы XIX решительно не из чего, тем более, что все кочевое население ранней весной уходит отсюда в северную часть уезда, где и остаются до глубокой осени» [20, л. 36]. Вместе с тем общий процент хозяйств с покосами в южной части Атбасарского уезда составил всего 10,9% [24, с. 219].

В Акмолинском уезде сенокосение получило достаточно широкое распространение, причиной этого является общение с русскими переселенцами, богатые травостоем земли. Здесь процент казахских хозяйств, занимавшихся сенокосением, составляет 94,5% [22, с. 36].

Кроме этого, в отдельных волостях Акмолинского уезда для увеличения размеров сенных запасов принимались меры по улучшению сенокосных площадей. В Нуринской волости в 90-е годы XIX века 6 аулов сообща запрудили Нуру, вода из которой залила сенокосы и стояла в них 10-15 лет; 3 аула устроили канаву, из которой вода проводилась на низины; 3 аула устраивали запруды снеговой воды; 2 аула практиковали травосеяние; 4 аула устраивали рыбки и плотины [25, с. 119-120].

Различные природные условия, богатство растительного покрова в том или ином районе обусловили также различные формы пользования сенокосными угодьями казахским обществом (Таблица 3).

Так, в Каркаралинском уезде 50,4% казахских аулов косили сообща, 41,5% имели постоянные подворные участки, 4,4% делили сенокос перед началом работы, 3,5% пользовались смешанно [23, с. 28]. В Акмолинском уезде 55% аулов пользовались сенокосами подворно, 34% косили сообща и делили сено между участниками в работе соответственно числу работавших, 11% пользовались смешанно [25, с. 121]. В Атбасарском уезде из общего числа 699 хозяйственных аулов пользование сенокосными угодьями распределялось следующим образом: подворно – 312 хозяйств (44,6%), сообща – 299 (42,8%), смешанно – 88 (12,6%), при этом на южные волости

уезда из общего числа аулов, косящих сообща, приходилось всего 27%, косящих подворно – 2,5% [17, с. 112-113].

Таблица 3 - Пользование сенокосами в уездах центральной части Казахстана

Волости	Число аулов, пользующихся сенокосами			
	подворно		сообща косят, делят сеном	смешанно
	доли постоянные	ежегодно делят		
Каркаралинский уезд (3379 аулов)				
Западные	837	124	455	32
Восточные	569	27	1250	85
По уезду	1406	151	1705	117
Акмолинский уезд				
По уезду	870		540	176
Атбасарский уезд				
Южные	-	18	82	-
По уезду	312		299	88
Примечания				
1 Таблица составлена на основе 23, с. 28; 25, с. 121; 17, с. 112-113				
2 В южных волостях Атбасарского уезда постоянное и смешанное пользование сенокосами в источниках не выделяется				

Таким образом, в Акмолинском уезде, где существовали более благоприятные условия для развития интенсивного хозяйства, больше половины казахских хозяйств пользуются сенокосом подворно (каждое хозяйство из года год косит определенный участок), в Атбасарском же уезде подворная форма пользования не намного, но превышает общинную форму пользования сенокосами, тогда как в Каркаралинском уезде, менее богатом растительным покровом, половина хозяйств пользуется сенокосами на общинных началах, подворное же пользование почти приближается к общинной форме.

Аналогичное разнообразие форм пользования можно проследить на примере отдельных волостей уездов Центрального Казахстана. Так, в западных волостях Каркаралинского уезда 837 хозяйств (66%) пользуется сенокосами подворно, смешанно – 455 (31%), в восточных волостях, наоборот, 1.250 (65%) пользуется сенокосными угодьями смешанно, 596 хозяйств (31%) – подворно [23, с. 29]. В южных волостях Атбасарского уезда, где остро ощущается недостаток богатых покосов, число хозяйств, применяющих общинную форму пользования сенокосами, превышает подворную форму более чем в 4 раза [17, с. 112-113]

Причина такого явления заключается в особенностях природно-климатических условий центральной части Казахстана, где отсутствие богатых сенокосов заставляет казахские хозяйства сообща убирать покосы и

делить уже сено, а не площадь сенокоса, для более эффективного распределения небольшого количества собираемой продукции. В западных же волостях наличие богатого растительного покрова позволяет отдавать предпочтение подворному пользованию сенокосами.

Таким образом, на распространение сенокосения в уездах Центрального Казахстана влияли различные факторы, среди которых особенности природно-климатических условий региона, наличие богатых травостоем земель, влияние русских переселенцев.

Если проследить историю возникновения и распространения новых видов хозяйства в казахском обществе, то можно констатировать, что к сенокосению кочевое население обратилось раньше, чем к земледелию. Например, в Каркаралинском уезде казахи стали заниматься земледелием не более 30-40 лет, а косить сено начали 50-60 лет и даже 100 лет тому назад. Хотя, как указывает экспедиция Щербины, в отдельных аулах Токраунской волости земледелие предшествовало сенокосению, так как богатых покосных мест очень мало в регионе, в то время как наличие полноводной реки Токрау позволяло осуществлять ирригационное земледелие [23, с. 66].

В начале XX века попытку преодолеть недостаток сенокосных угодий для дальнейшего развития местного скотоводческого хозяйства предпринимали официальные власти. Так, уездная администрация Атбасарского уезда в своей записке акмолинскому губернатору предлагала искусственное травосеяние с обязательным орошением. С целью пропаганды сенокосения были даже проведены ирригационные работы, закуплены семена. В качестве опытного поля предлагались земли Терсаканской волости, вблизи Улутау по реке Сарысу, где климат мягче, удобные поля для клевера [20, л. 36, 37об].

Развитие рыночных отношений, помощь официальных властей в развитии сенокосения дали хорошие результаты, поэтому этот вид занятия получил свое широкое распространение даже в южной части Акмолинской области. Согласно материалам горного инженера А.Козырева, составленным в 1911 году при описании южных волостей Атбасарского уезда, в Кенгирском районе отмечаются обильные сенокосные участки казахов, а «вдоль рек травы настолько буйны, что местное население не успевает их выкашивать... По руслу реки Караганды разбросаны узкие влажные луга с хорошей растительностью» [26, с. 389, 392, 401]. Вместе с тем дореволюционные гидрологи, отмечая хорошие качества лугов южной части Акмолинской области, предупреждали о том, что «в Улутауском районе посевные площади могут непременно пойти в ущерб богатым сенокосам», и тем самым пагубно скажутся на развитии скотоводства в регионе [26, с. 399]. Данный вывод специалистов еще раз доказывает большие возможности Центрального Казахстана, в первую очередь, как скотоводческого региона.

Характерным явлением начала XX века является распространение среди казахского населения понятия частного владения, в том числе и на сенокосы. Казахи стали осознавать пользу сенокосных лугов в интенсификации своего скотоводческого хозяйства, для этого они старались закрепить хорошие

места за собой в частное владение, хотя в недалеком прошлом богатые сенокосы находились в пользовании всей общины. Так, в Атбасарском уезде Агыбай Айчуваков пользовался сенокосными местами в урочище Арал-Тюбе, Нупербай Джаназаров вместе с родным братом Котербаем Джаназаровым имел особую зимовку на реке Сарысу в урочище Айт-булат-Ак-чий, где располагались сенокосные места [27, л. 349, 349(об)].

Постепенное развитие в Казахстане во второй половине XIX – начале XX веков получает машинное сенокошение, которое продвигалось вперед достаточно успешно, без всяких принудительных мер и насилия со стороны администрации [20, л. 542]. Однако для применения такого вида покосов было необходимо или наличие достаточного количества лугов, или пригодность степи для машинного сенокошения. Надо отметить, что данные инициативы испытывали большие трудности. Главная проблема заключалась в отсутствии богатых сенокосных угодий в некоторых южных волостях, общинный характер пользования лугами, сложности обращения с техникой, трудности ремонта.

Однако, несмотря на это, среди материалов волостных и уездных начальников начала XX века можно встретить приговоры кибитковладельцев аулов Карагандинской, Нельдинской, Чурубай-Нуриной волостей Акмолинского уезда о приобретении общественных сенокосилок [15, л. 47, 201, 236]. Но, так как работать с машинами мог не каждый, аулы принимали решение о создании артелей, которым поручалось отвечать за сенокосилки и работать на них за определенную плату.

В казахском обществе в начале XX века уже можно было встретить людей, специализирующихся на машинном сенокошении и за свои знания получающих оплату в денежном выражении. Если в ауле № 4 Карагандинской волости артель из 4 человек (Каракулова, Бегалина, Амандыкова, Тыныбекова) косила и получала оплату с каждой десятины за 2 - 2 руб. 50 коп., то в ауле № 8 Чурубай-Нуриной волости артель из 6 человек (Байбурин, Суравов, Нурабаев, Балтабаев, Кельдыбеков, Коймасов) получали за покос 3 – 4 руб. 60 коп [15, л. 47, 236].

Следовательно, характерным явлением в скотоводческих хозяйствах казахов Центрального Казахстана во второй половине XIX – начале XX веков был переход к интенсивным формам хозяйства, к использованию более рациональных методов разведения скота, к которым можно отнести и сенокошение. Основными факторами, определившими рост санных запасов у кочевого населения, были: сокращением традиционных пастбищных земель, изменение видовой структуры традиционного казахского стада, повышенный спрос на скот и скотоводческую продукцию на внутреннем и внешнем рынках Российского государства и ориентир казахского хозяйства на рынок, джуты.

Вместе с тем в центральной части Казахстана в силу особенностей почвенно-климатических условий сенокошение в разных частях региона развивалось по-разному. В уездах, где существовали более или менее благоприятные условия для развития интенсивного хозяйства, сенокошение

занимало важное место в казахском хозяйстве, здесь также преобладало подворное пользование сенокосами. В местностях, менее богатых травостоем, покосы осуществлялись на общинных началах и имели незначительный процент.

Таким образом, одним из проявлений адаптации традиционного скотоводческого хозяйства к рыночным условиям в исследуемый период явилось распространение интенсивных форм и методик хозяйствования. С целью увеличения товарности скотоводческой продукции отдельные крупные бай-скотовладельцы начинают уделять повышенное внимание и уход за лучшими образцами стада: строить при зимовках обширные, огороженные глинобитными стенами дворы, крытые сараи, заготавливать сено, заниматься селекцией. Важное место как средство перехода к интенсивным формам хозяйства во второй половине XIX – начале XX веков в казахских хозяйствах Центрального Казахстана занимает сенокосение и заготовка сенных запасов. Недостаток водных ресурсов, особенности природно-климатических условий традиции и привычки мешали развитию новых тенденций в скотоводческом хозяйстве казахов, однако сокращение пастбищ, включение Казахстана в орбиту западносибирского и всероссийского рынка, джуты и бескормицы, развитие рыночных отношений вынуждали кочевников менять организацию труда, переходить к интенсивным методам ведения скотоводческого хозяйства.

4.2 Казахское общество и предпринимательство в Центральном Казахстане

Как уже отмечалось, после 1861 года с отменой крепостного права в Российском государстве возникли условия для ускоренного развития капитализма и проникновения в регионы рыночных отношений. Характерной чертой этого этапа исторического развития Евразийского региона явилось развитие предпринимательства и частной инициативы во всех слоях общества. Как замечают отечественные историки, «на период конца XIX – начала XX веков приходится время вызревания конкурентоспособных элементов национальной рыночной экономики, постепенного становления социального слоя национальных предпринимателей, промышленников, торговцев, с другой стороны – национальной интеллигенции и слоя наемных работников [28, с. 26].

В XX веке история предпринимательства попала в сильный информационный вакуум, когда сведения либо умалчивались, либо подавались тенденциозно. И это было понятно – само предпринимательство было списано как не имеющее перспективы развития, а носители предпринимательских отношений рассматривались как представители чуждого существующей идеологии социального слоя. Сегодня же предпринимательство возродилось, существует и представлено достаточно широким кругом активных людей в бизнесе, экономике, политике и т.д. Но без оборванных исторических корней предпринимательство вбирает в себя

случайные черты, повторяет уже сделанные ошибки, копирует чужой опыт, не знает своих предшественников. Поэтому изучение наследия отечественных предпринимателей рубежа XIX – начала XX веков может сыграть важную роль в возрождении и развитии рыночных традиций, рационального ведения хозяйства. Поэтому, как отмечает М. Козыбаев, одним из актуальных направлений отечественной исторической науки является «история формирования... казахского предпринимательства в дореволюционный период» [29, с. 25].

Традиционно под предпринимательством часто понимается самостоятельная деятельность людей, организующих производство или торговлю, то есть имеющих свое дело, которое приносит им определенный доход. Однако во второй половине XIX – начале XX веков черты предприимчивого человека получили распространение среди всех слоев казахского общества, которые характеризовали желание бывших кочевников изменить традиционный образ жизни под влиянием рыночных условий. Это нашло проявление в развитии новых форм хозяйствования, активном приобщении к процессам экономической и культурной жизни региона. Поэтому, по нашему мнению, наиболее точная формулировка применительно ко исследуемому периоду дана специалистом по истории Сибири второй половины XIX – начала XX веков Л.М. Горюшкиным: «Предпринимательство – это инициативная деятельность людей по производству и сбыту товаров, финансовым операциям и оказанию услуг в материальной и духовной сферах в условиях развивающегося рынка» [30, с. 54].

В начале XXI века в условиях повышенного интереса к истории предпринимательства предлагаются различные определения данному социальному феномену. По мнению Н.М. Арсентьева и А.М. Дубодела, предпринимательство следует рассматривать как основу экономической деятельности и социальный институт, который формируется под воздействием всего комплекса факторов, определяющих социально-экономический облик той или иной исторической эпохи [31, с. 132].

Так, во второй половине XIX- начале XX веков под влиянием проникавших рыночных, товарно-денежных отношений в казахском обществе шел процесс формирования национального предпринимательства. Предпринимательские тенденции были характерны для всех слоев казахского общества. Предпринимателями являлись саудагеры и алыпсатары, скупщики скотоводческой продукции, разъезжающие по степным просторам, баи, стремившиеся получить наибольшую выгоду из изменившихся условий и ставшие на путь торгового скотоводства и земледелия.

В определенной степени предпринимательские черты проявлялись в среде обедневшей части казахского общества, представители которой, лишившись возможности вести традиционный образ жизни, меняли привычки, мышление, приспособившись к новым условиям, занимались земледелием, уходили на промыслы и в города. Казахи, пытаясь найти новые пути для поднятия своего благосостояния, не смущались критики насмешек

или противодействия своих соплеменников, оставляли старые убыточные приемы хозяйствования, переходили к нетрадиционным формам ведения хозяйства. Кроме этого, родовые связи под влиянием новых рыночных условий ослабились, что привело к развитию индивидуальных наклонностей представителей казахского социума, стремлению к большей самостоятельности отдельных его членов в хозяйственных и иных делах [12, с. 84].

Наиболее ярко предпринимательские тенденции проявились в байской среде. Во второй половине XIX – начале веков в байских хозяйствах применялся наемный труд, развивалось товарное скотоводство и земледелие, улучшалась методика разведения скота и выращивания хлеба. Часть своего капитала бай вкладывали в торговлю, в аренду земель, в фабрично-заводские предприятия.

В архивах можно встретить прошения представителей казахского общества, которые свидетельствуют об их желании изменить старые хозяйственные порядки. Так, среди богатых скотовладельцев появляются хозяева, которых привлекают уже не только количественные показатели их стад, но и качественные характеристики видов скота. Хотя специалисты-ветеринары критически относились к методике разведения скота в казахском хозяйстве, но, как отмечается в докладе Акмолинского областного инспектора (1910 г.), «некоторые из киргизских богачей полны стремления иметь более продуктивных животных» [32, л. 9].

Так, казах Терсаканской волости Атбасарского уезда Мейрам Джанайдаров еще в 1870 году учредил конный завод. В 1893 году он обратился с прошением военному губернатору Акмолинской области, в котором он, «желая пользоваться лучшим качеством жеребцов, покорнейше просит выдать из Государственной Кустанайской конно-заводской конюшни двух лучших жеребцов на выбор». Прошение было удовлетворено [33, л. 1]. В этом же году за исправное содержание гулевого косяка в количестве семи голов он получает похвальный лист от Государственного управления коннезаводства. В 1896 году М. Джанайдаров награждается золотой медалью за сохранение основных качеств местной породы лошадей [34, л. 2].

Позднее, в 1915 году конный завод М. Джанайдарова уже имеет 400 плодovitых маток киргизской породы, которые обслуживаются жеребцами-метисами, полученными путем скрещивания местных лошадей с чистокровными производителями разных пород [35, л. 81]. Пример М. Джанайдарова очень показателен и свидетельствует о целенаправленном развитии местной коннозаводской промышленности в Казахстане в конце XIX – начале XX веков с ориентиром на мировые стандарты.

Из рапортов заведующих ветеринарной частью по Акмолинской области за 1894 год следует, что в Центральном Казахстане наиболее крупными коневодами считались [36, л. 30, 30(об), 33, 35, 35(об)]:

- в Сары-Суйской волости Атбасарского уезда – Джандавлет Кулубеков, имеющий табун в 1000 голов, братья Кульпины, 1500 голов;

- в Кенгирской волости этого же уезда – Бискенде Ерденов, 1000 голов, Тенбай Кыдыраскин, 800 голов, Калкабай Багомен – 500 голов;

- в Джездинской волости этого же уезда – братья Бектургановы, 2000 голов лошадей, Толгубаев, имеющий табун в 1000 голов, Карсакбаев, 1000 голов;

- в Чурубай-Нуриной волости Акмолинского уезда султан Жангир Бегалин, имеющий лучшую и рослую породу 2500 лошадей, Кияш Сапрыков, 1500 лошадей. Ахмет Ибраев, 500 лошадей;

- в Спасской волости этого же уезда – Азна Татиев, 1200 лошадей и его сын Омар Азнин, 700 лошадей;

- в Кызылтопракской волости – Копен Кудасов, имеющий 1500 лошадей, Нурмухамет Сагынаев, 2000 лошадей, Мусабек Матин, 1000 лошадей, Шарип Мусабеков, 700 лошадей

- в Нельдинской волости этого же уезда – Джамантык Байбеков, имеющий табун в 500 лошадей;

- в Атасуйской волости этого же уезда – Джайма Акпан, 540 лошадей, Джаней Кунаков, 600 лошадей;

- в Актавской волости – Акбар Кантарбаев, 450 лошадей;

- в Караагачской волости – Баймакан Садыбеков, имеющий 450 лошадей;

- в Нуриной волости – Чулембай Калмаков, 450 лошадей, Джаналы Калмаков, 500 лошадей, Балабек Жантаев, имеющий 500 лошадей;

- в Сары-Узенской волости – Бещан Елезов, 700 лошадей;

- в Кургальджинской волости – Берджугур Тленов, 900 лошадей.

Достигнутые успехи отдельных местных скотовладельцев в деле развития коневодства в степных областях Казахстана были отмечены российской администрацией. Так, князь Кудашев, командированный в 1896 году в Акмолинскую и Семипалатинскую области для изучения современного состояния скотоводства в регионе, ходатайствовал перед Степным генерал-губернатором «о предоставлении права представить к различным правительственным наградам некоторых из местных киргизов-коневодов, деятельность которых в деле сохранения основных свойств киргизской лошади были наиболее полезными» [34, л. 2].

В списке представленных к наградам имеются представители Центрального Казахстана [34, л. 49(об), 5, 9, 9(об), 10]:

- Нурмагамбет Сагынаев (Кызыл-Топракская волость Акмолинского уезда, владелец 5000 голов лошадей, в роду коневодством занимаются более 200 лет) - представлен к золотой медали;

- Жангир Бегалин (Чурубай-Нуриная волость Акмолинского уезда, владелец 4000 голов лошадей, опыт работы в роду – более 200 лет) – к серебряной медали;

- Кият Санрыков (Чурубай-Нуриная волость Акмолинского уезда, владелец 1500 голов лошадей, опыт работы в роду – более 100 лет) – к серебряной медали.

Был представлен в списке Кудашева и казах Спасской волости Акмолинского уезда Азна Татиев, однако к осмотру лошадей он не явился, умышленно откочевав.

Основными критериями к выбору кандидатов для награждения были – хорошие знания экономических и естественных условий региона с последующим применением в деле развития коневодства, знание лошади и ее потребностей, наличие профессионального и преданного штата помощников, личные качества, в том числе личное влияние среди казахского общества. Последний критерий был весьма важен для администрации, так как наличие авторитета у кандидатов среди казахов, по мнению властей, позволяло использовать их в пропаганде и проведении в степи рациональных методов ведения скотоводческого хозяйства.

Наличие таких крупных коневодов свидетельствует о том, что в казахском обществе, по существу, имелся первоначальный капитал, позволяющий развиваться различным формам предпринимательства. Все богатые казахи-скотовладельцы постепенно становились торговцами. Так, по данным экспедиции Кузнецова, 65-70% крупных баев, имевших 500-600 голов крупного рогатого скота, верблюдов, лошадей, занимались одновременно крупной торговлей скота [37, с. 9].

Первоначальный капитал, созданный на основе товарного скотоводства, позволил представителям казахского общества участвовать в совершении финансовых сделок. В истории промышленного развития Центрального Казахстана были факты, когда руководство заводов и рудников в кризисные моменты прибегало к помощи казахской знати, владеющей огромным количеством скота и имеющей большие наличные деньги. В воспоминаниях Э.Нельсона Фелла приводится интересный случай о финансовой сделке, которая была заключена между баем Адамбаем и администрацией рудников в Степном крае, на выделение кредита в 20000 рублей при условии возврата 22000 рублей через месяц. Поводом к этому послужили недовольства среди рабочих ряда рудников в 1906 году из-за задержки зарплаты, вызванной невозможностью выехать в Акмолинск за деньгами [70, с. 109-112].

Наибольшего своего развития в Казахской степи достигло торговое предпринимательство. По переписи 1897 г. число торговцев в Казахстане составляло около 40 тыс. торговцев (3,6% всего населения) [39, с. 301]. Как отмечал современник, «одним из самых распространенных промыслов среди киргизов может считаться торговля скотом. Занятие просольничеством считается у киргиз настолько выгодным, что ради него они не останутся даже перед займами за высокие проценты, примерно от 60 до 100 годовых» [40, с. 2]. В свою очередь, высокая товарность скотоводческой продукции на рынках России и Европы обеспечивала высокие прибыли, что соответственно привлекало внимание крупных скотовладельцев, скупщиков скота и скотоводческой продукции, так называемых «алыпсатаров», торговцев-саудагеров. Продавая собственный скот или приобретая у казахского общества скот, шкуры, кожи и шерсть по выгодной цене и далее перепродавая их на крупных скотных рынках Казахстана и Сибири, они

получали значительные прибыли, тем самым накапливая первоначальный капитал.

Важную роль в развитии торгового предпринимательства сыграла правительственная торговая политика, которая была направлена на поддержание казахских торговцев, так как они являлись главными поставщиками скота и скотоводческого сырья для российской промышленности. Желаящие заниматься предпринимательской деятельностью, независимо от сословной принадлежности, были обязаны выкупить свидетельство на право торговли [41, с. 302].

Во второй половине XIX – начале XX веков в связи с расширением рыночных отношений число мелких торговцев значительно возросло. Так, в 1901 году в каждой волости Семипалатинской области действовало не менее 20-40 торговцев-перекупщиков, то есть один торговец приходился на каждые 30-40 кибиток или на 150-200 человек [39, с. 302]. В Акмолинской области в 90-х годах при обследовании казахских хозяйств в Павлодарском, Атбасарском, Кокчетавском, Кустанайском и Актюбинском уездах было зарегистрировано 640 алыпсатаров, на повторном же обследовании, проведенном 10 лет спустя, только в двух уездах (Кустанайском и Актюбинском) насчитывалось уже 849 скупщиков и перекупщиков скота и скотопродуктов [37, с. 9].

Крупные бай-скотовладельцы нередко торговали через своих доверенных лиц. Они, не являясь полноправными владельцами продаваемого и покупаемого скота и скотоводческой продукции, представляли интересы своих хозяев или соплеменников. Так, в 1893 году управителем Берккаринской волости Каркаралинского уезда султаном Саржановым М. было выдано удостоверение доверенному лицу каркаралинского купца Хамиулы Бекметова казаху Темирчинской волости Джумуку Итжанову в том, что им приобретены покупкою от казахов разные доброкачественные шерсти, кожи: бараньей шерсти – 200 пудов, козьих шкур – 6000 шт., овечьих – 1000 шт. [42, л. 12]. Документ был подписан ветеринарным фельдшером Каркаралинского уезда Абубакиром Курмановым.

Такая практика достаточно эффективно оправдывала себя, так как осуществление торговли через приказчиков позволило крупным предпринимателям расширять сферу своих торговых операций на новые районы, увеличивать прибыль. Не оставались в накладе и сами доверенные лица, которые кредитовали своих клиентов, занимались ростовщичеством. Нередко, разбогатев, они сами нанимали приказчиков и перекупщиков. Так, в 1890 году казах Каркаралинского уезда Кызылтавской волости Майбас У. достиг своей цели в жизни честным трудом и благородным стремлением. Гонимый нуждой в город Петропавловск, в 1869 году он добивается места приказчика, регулярно ездит по торговым делам своего хозяина в даже Семиречье. В 1874 году переходит приказчиком к другому акмолинскому купцу, который поручает ему товары для распродажи в Степном крае. Каково же было удивление родных, когда он, ранее бедствовавший, присылает им

150 лошадей. А в 1887 году, к всеобщему удивлению, он избирается на выборах управителем [5, с. 153].

Элементы предпринимательства имели место в казахском обществе и в развитии земледельческой культуры в крае. Предпринимательскую жилку стали проявлять крупные землевладельцы, которые, получая большие урожаи хлеба, излишек продавали в городе и на местных рынках.

Доходность продажи хлеба, в том числе не произведенного, была осознана казахами Центрального Казахстана. В сложные засушливые периоды, когда земледельческой продукции не хватало для удовлетворения насущных потребностей как кочевого, так и переселенческого населения, казахи выходили из сложной ситуации за счет продажи своего скота. На вырученные деньги казахи южных волостей Акмолинского уезда в 1900 году закупили по сходной цене земледельческую продукцию и продали ее русскому населению своего уезда, имея прибыль в 100-130% [19, л. 24].

Аналогично поступали казахи Каркаралинского, Баян-Аульского, Аягузского округов. Член-корреспондент Вольного экономического общества В. Кузнецов в своей записке о развитии в Казахстане земледелия и животноводства (1867 г.) указывает, что «судно, следующее с Каркаралинского берега Балхаша на Илийский пикет, привезло до 10 000 пудов хлеба. Хлеб не производится местными казахами, а закупается в Петропавловске, Семипалатинске, Корякове, туда он доставляется из Ишимского, Тарского, Каинского и Бийского округов» [43, с. 538]. Таким образом, казахское общество быстро приспособилось к развитию рыночных отношений в Степном крае, изыскивая различные приемы предпринимательства, чутко реагируя на изменение конъюнктуры.

Знакомство с рыночными отношениями побуждало казахов иначе взглянуть на развитие нетрадиционных форм хозяйствования, увидеть в развитии сенокосения и хлебопашества большие выгоды и возможности. Так, казах Сартавской волости рассказывал членам экспедиции А. Щербины о том, что, уйдя 30-40 лет назад из родного аула и проработав приказчиком у одного из скототорговцев, он долго присматривался к хлебопашеству. Вернувшись к себе в аул, сам занялся посевами и вот уже 9 лет сеет хлеб и все на одном и том же поле, чередуя только растения [23, с. 78].

Среди казахов-земледельцев также встречались лица, занимающиеся выращиванием хлебов не только для собственного потребления и на продажу на рынках региона, но и на продажу для голодающих крестьян соседних селений. Так, согласно ведомости о покупке хлеба в 1891-1893 годах, в Акмолинском уезде у Нарымсака Кемпирова был закуплен хлеб сначала в количестве 77 ½ пудов на сумму 381 руб. 22 коп., позднее на сумму 295 руб. 65 коп. для голодающих крестьян Кокчетавского и Атбасарского уездов [44, л. 43(об)].

В условиях развития предпринимательства шел процесс формирования личностных характеристик казахских предпринимателей. Распространенным явлением была благотворительная и общественная деятельность предпринимателей, направленная на оказание поддержки благосостояния не

только казахского общества, но и жителей соседних районов. Так, в числе лошадей, купленных у казахов степных районов Акмолинской области для бедствующих приволжских и прикамских губерний, «находилось 62 лошади, пожертвованные казахами, которые, узнав, что лошади закупаются для крестьян, пострадавших от неурожая, стали относиться в делу покупателей чрезвычайно симпатично и поражали честностью и радушием» [45, с. 4]. Бывший кандидат Акчатавской волости управитель Каркаралинского уезда Семипалатинской области Адамбай Чолаков весной 1903 года организовал поездку за хлебом в Семиреченскую область, снабдив караван верблюдами и 1500 рублями для поддержания хозяйств сородичей, пострадавших от джута. Кроме этого, предприниматель роздал дойных овец и коз, хлеб и мясо с возвратом, когда благосостояние улучшится. За данный поступок Адамбай Чолаков был отмечен и представлен к серебряной медали «За усердие» на Станиславской ленте [46, л. 3]. Данные факты свидетельствуют о формировании благотворительной деятельности со стороны предпринимателей, которые направляли свои усилия на поддержку своих сородичей.

Укрепление торговых связей с Россией, развитие рыночных отношений в Евразийском регионе повысило товарность промысловой деятельности. В Казахстане более или менее были развиты охота, рыболовство, домашние ремесла, извозный промысел. Данные виды занятий в казахском обществе во второй половине XIX – начале XX веков не выделились в самостоятельные направления развития, но вместе с тем они сыграли важную роль в процессах адаптации традиционного общества к рыночным условиям. Причем довольно часто данные виды хозяйства становились прерогативой местного населения. Так, в Каркаралинском уезде, на озере Балхаш и р. Чу, рыболовством занимались исключительно местные казахи [47, с. 24].

Кормачники за работой.

Фотография из фондов Российской национальной библиотеки
(г. Москва, РФ)

Наличие на территории Центрального Казахстана богатых рыбой озер и рек позволило местному населению обеспечивать себя продуктами питания и возможностью подзаработать путем продажи рыбы. Если ранее рыболовство играло в казахском обществе незначительную роль, и им занимались в основном осевшие бедняки, то во второй половине XIX века данное занятие приобретает большую популярность. Этому способствуют следующие факторы: появление многочисленных джатаков, лишившихся возможности заниматься традиционными видами хозяйства и ищущих новые виды занятий, потребность в продукции рыболовства, как среди казахского, так и переселенческого населения.

Поэтому данный промысел для населения центральной части Казахстана, богатой озерами и реками, стал превращаться из обычного занятия в весьма выгодное предприятие.

Значимость рыболовства как дополнительного источника благосостояния местного населения отмечалась и официальными властями. Как заметила в начале 80-х годов XIX века канцелярия Степного генерал-губернатора, «при периодических неурожаях хлебов и истреблении их вредными насекомыми, рыболовство в Акмолинской и Семипалатинской областях составляет одно из важных средств обеспечения народного продовольствия, восполняя тем самым недостаток растительных продуктов, и вместе с тем, поддерживая в известной мере экономическое благосостояние населения вообще. В виду такой важной роли рыболовства в жизни местного населения деятельность областных начальств должна быть особенно обращена на развитие этой отрасли промышленности путем использования рациональных способов» [48, л. 1].

Данный вывод подкрепляется замечаниями научных исследователей степных областей. Как отмечается в 1885 году в материалах Западно-Сибирского отделения РГО, «по увеличивающемуся постепенно привозу рыбы из оз. Балхаш в Каркаралы (от 400-600 пудов до 1000 пудов судака и маринки) можно заметить, что эта отрасль промышленности достигнет солидных размеров» [49, с. 5-6].

Следовательно, развитие рыболовства в Центральном Казахстане силами казахского населения выгодным образом отражалось на состоянии их хозяйства, оказывая как продовольственное, так и финансовое подкрепление.

Большое внимание казахи уделяли вопросам сохранности богатств озер и рек региона, которые были источником их благосостояния. Так, уездные начальники Акмолинской области в своих рапортах в 80-е годы XIX века неоднократно указывали, что местным населением, как русскими, так и казахами хищнической ловли не производилось [48, л. 12, 13, 14, 23, 27].

Растущую популярность промыслового рыболовства, ориентированного на рынок, отражают данные таблицы 8, которые подтверждают вывод Западно-Сибирского отделения Русского географического общества о росте популярности и прибыльности данного вида занятия среди кочевого населения Центрального Казахстана.

Таблица 8 - Развитие рыболовства в Каркаралинском уезде

Годы	Количество семей, занимающихся рыболовством	Общий улов (в пудах)
1888	135	2190
1892	162	3520
1895	150	1715
1898	127	3975
1909	198	10800

Примечание – Таблица составлена на основе 50, с. 24; 51, с. 20; 52, с. 24-25; 53, л. 88; 54, л. 10(об), 39, 79, 84, 95

Рыболовство в Центральном Казахстане получило распространение в Акмолинском и Атбасарском уездах по рекам Нура, Сару-Су, Сары-Узен, Кара-Кенгир, в Каркаралинском уезде – Балхашской, Катон-Булакской, Чуйской волостях.

Промысловой рыбалкой занимались также семьи, проживающие у многочисленных речек. Так, 12 семей Кувской и Аксаринской волостей Каркаралинского уезда (район озера Балыктыкуль) в 1909-1910 годах продали 100 пудов белой рыбы на сумму 150 рублей и 300 пудов карасей на сумму 80 рублей [54, л. 10(об), 39, 79, 84, 95].

Практически весь улов, полученный казахами Атбасарского, Акмолинского и Каркаралинского уездов, шел на продажу в города – Верный, Акмолинск, Каркаралинское городское поселение и соседние уезды (Кокчетавский уезд) [55, л. 46(об)]. Рыба продавалась на рынках региона по цене: сазан и сом 1 руб. 80 коп. за пуд, щука – 2 руб., судак до 1 руб. 50 коп за пуд [50, с. 24]. В 1898 году улов рыбы в Каркаралинском уезде составил 3975 пудов, где 1000 пудов судака, 125 пудов линя, 2850 пудов сома [53, л. 88].

Обратив внимание на выгодность этого занятия, многие предприниматели, в том числе и казахи, не ограничивались обычным рыболовством, а стали брать в аренду озера с предварительной расчисткой и с последующей ловлею рыбы. В 1873 году тобольскому окружному исправнику было приказано Тобольской казенной палатой заключить с Темирбулатом Айтбакиевым контракт об отдаче в аренду под рыбные ловли на десятилетнее содержание озера Барсакуль с оплатою по 5 рублей в год [56, 3(об)]. Данный факт говорит уже о целенаправленной предпринимательской деятельности представителей казахского общества по развитию рыболовства в своем регионе для собственной выгоды.

Эта тенденция также проявилась в том, что во второй половине XIX века появляются казахи, желающие занимаются не только ловлею и продажей рыбы, но также и ее разведением. В периодической печати прошлого столетия можно встретить материалы, рассказывающие о предприимчивости атбасарских казахов. Так, Рахымжан Дуйсенбайулы в своей статье

рассказывает об одном предприимчивом казахе. Некий ходжа Байгара Утебаев в 1892 году, задумав развести рыбу в реке Джалтырша, добыл 16 карасей и пустил их в реку. Через три года в озере оказалась тьма карасей, и теперь масса казахов занимаются ловлею рыбы, бедняки делают запасы на зиму, продают рыбу, и от этого промысла получают средства к жизни. Пример Байгары Утебаева оказался заразительным и для других [5, с. 500].

Кроме самого занятия рыболовством, местное население сдавало в аренду лодки приезжающим русским, главным образом казакам, которые платили старейшинам-аксакалам три рубля за право пользоваться судном и озерами, то есть, «ловить рыбу, сколько хотят, какую хотят и где хотят» [57, с. 225]

Хороший доход приносил представителям казахского общества Центрального Казахстана звериный промысел. Если для богатых казахов охота скорее всего выполняла роль развлечения, предоставляла хорошую возможность продемонстрировать роскошь и богатство, то для бедной части казахского общества звероловство позволяло обеспечить необходимый прожиточный минимум. С промысловой целью казахи-бедняки охотились на волков, лисиц, хорьков, зайцев, сурков, куланов и сайгаков, из птиц – на уток, гусей, фазанов, тетеревов.

Казахские охотники с гончими собаками.

Фотография из фондов Российской национальной библиотеки
(г. Москва, РФ)

Так, в 1888 году в Степном крае было добыто зверей на сумму свыше 33.000 рублей [58, с. 156]. В Каркаралинском уезде в 1898 году было охотой

добыто: лисиц – 860, волков – 600, зайцев – 1250, хорька – 3200, сурков – 260, архаров – 40, сайги – 30 [53, л 88].

Если рассмотреть развитие этого вида промысла среди казахов Центрального Казахстана, то в 1888 году на Каркаралинском базаре было продано до 400 лисьих шкур ценою от 2 руб. 50 коп. до 5 руб. за штуку и до 800 хорьковых шкурок по 25 коп. за штуку, то есть общий доход составил примерно более 2200 руб. [50, с. 27]. В 1898 году звероловством в Каркаралинском уезде занималось 250 семей, в 1909 году – 242 семьи, имея при этом заработок 3880 рублей [53, л. 88; 54, л. 10(об), 44, 49, 54, 59, 64, 79, 100, 105].

Прекрасное знание особенностей природно-климатических условий Степного края, исторический опыт общения с природой и окружающей средой позволил развиваться извозному промыслу среди местного населения.

Как отмечалось ранее, казахские степи в силу своего выгодного географического расположения играли важную роль в развитии транзитной торговли России со Средней Азией. Местное население сумело извлечь пользу из данного факта. Казахи перевозили товары из соседних государств на пограничные меновые дворы России, доставляли верблюдов для проходящих через степь караванов. Иной богатый казах держал для караванного найма до 500 верблюдов [59, с. 55-56]. Таким образом, казахи осознали огромную выгоду из подобного торгового движения.

Позднее, с распространением понятия собственности среди кочевников, прохождение караванных путей через отдельные аулы Акмолинского и Каркаралинского уездов добавило к извозному промыслу возможность продажи права пользования колодцами за определенную плату [60, л. 141, 158, 158(об), 159, 159(об)].

С дальнейшим углублением торговых связей Российского государства со степью, развитием земледелия и промышленности извозный промысел получил широкое распространение.

Например, если в 1898 году извозом в Каркаралинском уезде занималось 40 семей, общий заработок – около 4000 рублей [53, л. 88], в 1900 году – 234 семьи, общий заработок их составил 13.480 руб. [61, с. 43], в 1901 – 118 семей, заработок которых составил 74.405 руб. [62, с. 37], в 1902 году – 65 семей, общий заработок – 6.612 руб. [63, с. 40], в 1904 году – 89 семей, общий заработок – 7.079 руб. [64, с. 57-58], то в 1911 году – 131 семья, общий заработок – 20.360 руб. [65, с. 58].

Как видно, число семей, занимавшихся извозным промыслом в Каркаралинском уезде, после резкого роста в 1900-1901 годах существенно сократилось и стало постепенно возрастать только после 1904 года. Однако, несмотря на спад начала XX века, данная тенденция свидетельствует о возрастающей специализации среди казахского населения, о сосредоточении извозного занятия в руках сужающегося круга лиц. Это нашло проявление в возрастании среднего заработка среди возчиков по области. Если в 1900 году средний заработок по Семипалатинской области составил 57 руб. в год [61, с. 43], в 1901 году – 43 руб. [62, с. 37], в 1902 году – 59 руб. [63, с. 40], то в 1904

году – 75 руб. в год [64, с. 57-58]. Следовательно, ценность труда возчиков кладей, товаров с каждым годом возрастала.

Изменилась со временем также роль казахского населения в этом важном виде промысла. Если ранее перевозкой купеческих кладей занимались русские крестьяне и казачье население, то со временем в извозном промысле ведущее место стали занимать казахи, которые и цену назначают вдвое меньше и более ответственнее относятся к доставке товара, чем первые [66, ч.1, с. 414]. Аналогичную мысль можно найти и в воспоминаниях английского горнопромышленника Нельсона Фелла, который отмечает высокую степень ответственности казахов-возчиков. «Из сотен тысяч болванок, отправленных нами в Петропавловск, мы потеряли только две, и за эти болванки возчики полностью заплатили. Эта потеря составила 0,002%. Едва ли какая-нибудь из наших западных транспортных систем в состоянии показать подобный рекорд» [38, с. 125]. Как мы видим, иностранным промышленником оценка труду казахов дана более чем высокая.

Казахи-возчики занимались доставкой самых различных грузов, в том числе и хлеба. В 1891-1893 годах для голодающих крестьян Кокчетавского и Атбасарского уездов был закуплен хлеб в соседних регионах. Доставкой хлеба занимались казахские и русские возчики Акмолинского уезда. Среди них – Байгозин (получивший за работу 81 руб. 70 коп), Джамгабулов (101 руб. 92 коп.), Истемгенев (56 руб. 52 коп.), Токкарин (74 руб. 74 коп.), Бердыбаев (65 руб 26 коп.), Джасанов (121 руб. 44 коп.), Сарымсаков (37 руб. 34 коп.), Иртыспаев (120 руб. 96 коп.), Байгожин (120 руб. 18 коп.), Айдабулов (54 руб. 78 коп.), Сузгубаев [67, л. 44]. Как видим, оплата за работу носила строго дифференцированный характер.

Транспорт также был закуплен у казахов Акмолинского уезда. Продавцами подвод явились следующие лица: Мендекин, Джугумбаев, Байгозин, Байбурин, Кувандыков, Айтгуаров, Джумандалин, Мынжасаров, Утепов, Утемисов, Утебаев [67, л. 44(об)].

Таким образом, представители казахского общества не только адаптировались к новым хозяйственным условиям, и но старались быть активными участниками всех социальных процессов, которые имели место в регионе.

Прохождение по территории Центрального Казахстана скотопрогонных трактов, удобных колодцев, расположение известных ярмарок позволяло местным казахам решать свои насущные проблемы (*Карты 2, 3*).

Скототорговцы Сырдарьинской области в начале XX века жаловались военному губернатору Акмолинской области на казахов степных волостей Каркаралинского и Акмолинского уездов, которые объявили существующие на их территории 14 колодцев своей собственностью, стали тщательно их охранять и представлять в пользование гуртовщиков лишь по уплате ими платы как деньгами, так и скотом. Как позднее отметил акмолинский уездный начальник, требования казахов на взимание уплаты за содержание колодцев объективно и важно для местных обществ, поэтому для

урегулирования отношений между хозяевами степных колодцев и скототорговцами необходимо установить определенную таксу за пользование гуртов водопоем. Например, с гурта рогатого скота – 2 коп. с головы, с гурта лошадей – 1 коп. с головы, с гурта баранов – ½ коп. за голову [60, л. 141, 158, 158(об), 159, 159(об)].

Вместе с тем, акмолинский уездный начальник в рапорте военному губернатору Акмолинской области указывает, что в случае пользования водопоем из колодца частного владельца (хозяина зимовки), плата взимается по соглашению, но не свыше полуторной нормы. Налицо распространение рыночных отношений и адаптация к ним местного населения. Понятие собственности на землю в исследуемый период распространяется как на саму землю, так и на располагающиеся на ней источники воды, торговые тракты и т.д.

Понятие частной собственности на землю и возможность иметь доход на все, что располагается на этой земле, достаточно быстро и прочно закрепилось в сознании казахов центральной части Казахстана второй половины XIX – начала XX веков. Даже, когда колодцы объявлялись ключами, что не давало права взимать плату за пользование, и тогда некоторые представители казахского общества старались производить поборы со скототорговцев. К таким предприимчивым людям были отнесены в свое время казахи Кузембай Бердыкенов, Чокоман Садыров и братья Майкины [60, л. 160, 160(об)].

Во второй половине XIX – начале XX веков в условиях развития рынка предпринимательские тенденции проявились и в кустарных промыслах, которые в данный период находились на уровне простого товарного производства. Во многих городах и уездах можно было встретить сапожников, плотников, чернорабочих, седельников, золотых и серебряных дел мастеров и другие, работавшие на заказ.

Статистические сведения по Каркаралинскому уезду на 1898 год сообщают о том, что в волостях уезда имеется сапожников – 338, плотников – 68, столяров – 34, каменщиков – 74, печников – 73, кузнецов – 147, слесарей – 6, медников – 30, серебряков – 94, шорников и седельников – 46, скорняков – 17, коновалов – 37. Итого – 964 мастеровых, при которых были рабочие и ученики [53, л. 88]. Как видно, кроме традиционных для казахского общества видов заработков, в конце XIX века встречаются и новые специальности, такие как каменщики, печники, слесари и др.

Казахи-ремесленники не ограничивались только оказанием материальных услуг для жителей родных мест, но и заключали контракты на поставку материалов для строительства административных и частных домов. Среди сведений, предоставленных учреждениями степных областей о подрядах, встречаются материалы, связанные с представителями Каркаралинского уезда. Так, для постройки здания Семипалатинского отделения Государственного банка в январе 1903 года был заключен контракт с киргизом Абралинской волости Каркаралинского уезда Елекеем Кунджановым о поставке 300 тысяч штук жженого кирпича на сумму 3300

руб. Позднее в августе 1903 года он заключает новый контракт на поставку еще 100.000 штук кирпича на сумму 1100 рублей. На ведение плотничьих работ был осуществлен подряд с семипалатинским мещанином Ахметжаном Муртазиным и Мухаметжаном Мусиным на сумму 1700 рублей [68, л. 45(об)].

Изменение экономической и социальной ситуации в Степи и последовавшая за этим адаптация казахского общества к рыночным условиям, вызвали желание казахов не ограничиваться имеющимся уровнем знаний, а далее развивать свой уровень образования, для того чтобы не отставать от динамичной жизни в регионе. Если на первых порах, опасаясь последствий обучения своих детей в сельскохозяйственных школах, казахи не столь активно приобщались к учебе, то позднее, осознав перспективы образования для улучшения уровня благосостояния, более охотно соглашались отправлять детей в школы. В 1887 году среди учеников Каркаралинской низшей сельскохозяйственной школы было 40 казахов [69, л. 5].

Впоследствии некоторые смогли приложить с пользой для себя и для казахского общества полученные знания. Так, Девлятяев, выпускник Акмолинской сельскохозяйственной школы 1895 года, работал аульным учителем, Абулгазин, выпускник 1897 года, - переводчиком у мирского судьи [70, л. 57(об)]. Многие дети богатых баев, имея определенные способности и таланты, подкрепленные материальными возможностями своих родителей, впоследствии составили цвет казахской интеллигенции.

Обслуживанием сельскохозяйственных школ занимались также представители казахского общества. Например, при Акмолинской школе работали 4 казаха-рабочих с жалованьем 362 рубля в год, казах-ночной сторож с жалованьем 48 рублей в год, истопник на 5 месяцев по 5 рублей в месяц [70, л. 5].

Казахское общество активно участвовало в популяризации сведений о своей духовной и материальной культуре среди русского населения центральной части России. В 1881 году в Москве состоялась сельскохозяйственная выставка, на которой приняли участие Акмолинская и Семипалатинская области. Так, от Каркаралинского уезда были представлены следующие экспонаты: колосья пшеницы и двух сортов проса, которые предоставил Джабай Кумаваков, войлочные текеметы Иткарина и Байдавлетова, старая армячина из верблюжьей шерсти Баймуракова, мужской пояс с бляжками из накладного серебра [71, л. 37(об), 38, 64].

Итак, предпринимательские черты были свойственны всем слоям казахского общества, переживавшего сложный период адаптации. Богатая часть общества, ориентируясь на потребности местного и внешнего рынков и сохраняя традиционные элементы кочевого быта, приспособливало скотоводческое хозяйство к новым рыночным отношениям. В степи появлялись крупные скотопромышленники и крупные посевики хлеба. Даже бедная часть кочевого социума, оставшись без средств для существования, то есть без скота, стала искать иные источники

существования. Бедняки-жатаки отправлялись на местные предприятия горной промышленности, формируя и пополняя тем самым ряды национального пролетариата.

Анализируя деятельность казахских предпринимателей Центрального Казахстана второй половины XIX – начала XX веков, необходимо отметить, почти все они строили свой бизнес на продаже скота и продуктов скотоводства, помещали свои капиталы в сельское хозяйство, в торговлю и ростовщичество. Однако в большинстве своем байские хозяйства пользовались традиционными способами ведения производства. В среде же владельцев кустарных промысловых предприятий уже намечался переход от простого товарного производства к капиталистическому, в котором предприятия переводились на коммерческие начала, на применение наемного труда.

Правительственная политика в отношении отечественного, в первую очередь российского, предпринимательства в Российской империи была весьма противоречива. С одной стороны, можно наблюдать меры защиты, протекционизма, которые нашли выражение в различных мероприятиях по поддержке традиционного хозяйства. С другой стороны – жесткие меры в случаях невыполнения заказов казны, недобора пошлин, лишение права на разработку полезных ископаемых, конкуренция со стороны русских купцов и промышленников, пользующихся поддержкой колониальной администрации, и т.д. Все это являлось тормозом накопления капиталов, была причиной неуверенности предпринимателей, препятствовало развитию национального предпринимательства. “Силовое вмешательство царизма в ход естественно-исторического развития казахского общества, - отмечает Х.Абжанов, - вызвало тяжелые деформации и в кадровом, интеллектуальном потенциале народа, в составе и численности его интеллигенции, поскольку новации в общественном строе и хозяйственно-культурном типе не подкреплялись адекватными мерами по их кадровому обеспечению” [72, с. 190]

То есть, как таковой государственной системы поощрения отечественного и национального предпринимательства в колониях Российской империи не было. Государство старалось к данному вопросу старалось подходить весьма осторожно. Поэтому предпринимательские тенденции в казахском обществе развивались весьма стихийно и носили частный характер. Однако при всей ограниченности возможностей заниматься промышленным предпринимательством, казахам оказались не чужды понятия собственности, инициативности в деле рационального ведения собственного хозяйства. Оказавшись в сложных условиях выживания, представители местного населения не просто меняли традиционный образ жизни, а адаптируясь к рыночным условиям, меняли свое мышление.

Характерной чертой рыночных условий в Казахстане в исследуемый период явилось развитие предпринимательства, формирование нового слоя предприимчивых людей, которые имелись в разных социальных группах казахского общества. Черты предприимчивого человека были присущи как

представителям зажиточного слоя кочевого социума, поставляющего на внутренний и внешний рынок скотоводческую и земледельческую продукцию, так и представителям обедневшей части общества, которые, порывая с традиционным образом жизни, занимались новыми видами хозяйствования, приобретали новую специализацию, меняли свои привычки.

Предприимчивые крупные скотовладельцы, заинтересованные в росте продаж, улучшали местные породы скота путем новых методик, повышали товарность своего хозяйства. Помимо выращивания скота, баи-скотовладельцы, имея первоначальный капитал, производили крупные запашки хлебов, приобретали предприятия. На фоне развития предпринимательства формировались личностные характеристики национальных предпринимателей, опирающиеся на исторические традиции казахского кочевого общества. Богатые казахи, достигнув определенных результатов, помогали своим сородичам в приобретении хлеба, семян, сельскохозяйственных машин, раздавали скот на приплод, открывали школы и интернаты, меценатствовали.

В целом, вследствие имперской политики Российского государства, не заинтересованного в развитии национальной буржуазии, предпринимательские тенденции в казахском обществе носили частный характер и развивались стихийно.

Примечания

1 Скалов Б. Естественно-исторические условия и хозяйство киргиз южных волостей Темирского уезда // Вопросы колонизации. – 1910. – № 6. – С. 280-297.

2 Бокейхан Ә. Жауап хат //Тандамалы. – 2-кітап. – Алматы: “Өлке” баспасы, 2003. – 67-71 б.

3 Дело об улучшении скотоводства в Киргизской степи //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп.1. Д. 10335.

4 Бродель Ф. Что такое Франция. Кн. 2. Ч.2. Крестьянская экономика до начала XX века. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. – 511 с.

5 Дала уалаятының газеті: адам, қоғам, табиғат. 1888-1902 //Құрастырушы Ү. Субханбердина. –Алматы, Ғылым, 1994. – 815 с.

6 Переписка о мероприятиях по улучшению пород домашних животных в Акмолинской области (1910-1912 гг.) //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10678.

7 Экспедиция Я.Я. Луса в 1927 году в Каркаралинский уезд //ГАКО. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 109.

8 Амосов П.Г. Доклад П.Г. Амосова Семипалатинскому продовольственному комитету о поездке на озеро Балхаш в 1917 г. – Семипалатинск, 1917. – 48 с.

9 Хабижанова Г., Валиханов Э., Кривков А. Русская демократическая интеллигенция в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.) / Под ред. М.К.Койгельдиева. – М: Русская книга, 2003. – 288 с.

10 Кучерявская С.Е. Растительность Каркаралинского уезда (результаты экспедиции 1910 г.) // ГАКО. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 171.

11 Соловьев А. Из наблюдений на юге Акмолинского уезда. Статья 1904 г. //ГАКО. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 180.

- 12 Кауфман А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. – М.: Тип-я т-ва И.Д. Сытина, 1908. – 456 с.
- 13 Апполова Н. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. – М.: Наука, 1976. – 371 с.
- 14 Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Вып. 1. Степной край. Составитель В.А. Тресвятский. – Пг., 1917. – 135 с.
- 15 Дело о снабжении кочевого населения сенокосилками //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 7936.
- 16 Киргизы Уральской степи //Сибирская жизнь. – Омск. – 1899. – № 38. – С. 1-2.
- 17 Киргизское хозяйство в Акмолинской области. – СПб: Изд. переселен. глав. управл. землеустр. и землед., 1909-1910. – Т. 4. Атбасарский уезд. – 334 с.
- 18 Отчет царю военного губернатора Семипалатинской области за 1881 г. //ГАОО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 17056.
- 19 Переписка Степного генерал-губернатора о продовольственном снабжении кочевого населения //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 4. Д. 55.
- 20 Дело об образовании сенных запасов //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10337.
- 21 О важности заведения в киргизских хозяйствах сенокосных и копных граблей //Киргизская степная газета. – 1900. – № 5. – С. 4.
- 22 Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. – С-Пб: Пересел. управл. ГУЗиЗ, 1910. – 66 с.
- 23 Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей (МКЗ). – Т. 6. Семипалатинская область. Каркаралинский уезд. – СПб, 1905. – 815, 134 с.
- 24 Чермак Л. Киргизское хозяйство в Степном крае //Район железной дороги Петропавловск – Спасский завод в экономическом отношении. – СПб: Тип. Ц. Крайз, 1912. – 314 с.
- 25 Киргизское хозяйство в Акмолинской области. – С-Пб: Изд. переселен. глав. управл. землеустр. и землед., 1909-1910. – Т. 5. Акмолинский уезд. – 476 с.
- 26 Гидрогеологическое описание южной части Акмолинской области. Составитель А.А. Козырев. – С-Пб: Тов-во Р. Голика и А. Вильборга, 1911. – 640 с.
- 27 О возведении оседлых поселений в уездах Акмолинской и Семипалатинской областей //ГАОО. Ф.3. Оп. 9. Д. 15213.
- 28 Абжанов Х.М., Селиверстов С.В. На стыке столетий: размышления историков //Назарбаева Г., Әбжанов Х. Қазақстан: тарих пен тағдыр. Мақалар. – Алматы: Кітап баспасы, 2003. – С. 20-34
- 29 Козыбаев М. Казахстан на рубеже веков. Кн. 1. Память народа. – А.: Ғылым, 2000. – 418 с.
- 30 Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. – Новосибирск, 1997. – Т. 3. – Кн. 3. – 243 с.
- 31 Поткина И.В. История предпринимательства в XX веке: становление научной дисциплины //Отечественная история. – 2002. - № 2. – С. 124-134.
- 32 Переписка о мероприятиях по улучшению пород домашних животных в Акмолинской области (1910-1912 гг.) //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10678.
- 33 Дело по прошению казаха Терсаканской волости Атбасарского уезда М. Джанайдарова о выдаче ему двух производителей-жеребцов //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10426.

- 34 Дело о награждении киргизов медалями за успешное ведение коневодства в Степном крае //ЦГА РК. Ф. И-64. Оп. 1. Д. 823.
- 35 Обзор Акмолинской области за 1915 г. //ЦГА РК. Ф. И-393. Оп. 1. Д. 129.
- 36 Дело об улучшении скотоводства в Киргизской степи //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп.1. Д. 10335.
- 37 Мамытова С.Н. История развития предпринимательства во второй половине XIX – начале XX веков: автореф. ... канд.ист.наук: 07.00.02. – Павлодар, 2004. – 24 с.
- 38 Э. Нельсон Фэлл. Русский и кочевник. Были киргизских степей //Нива. – 2000. – № 1. – С. 100-145.
- 39 Мамытова С.Н. Из истории участия казахов в торговом предпринимательстве во второй половине XIX – начале XX вв. //История цивилизаций и духовной культуры кочевников.: материалы межд. науч.-практ. конф. – Т. 2. – Павлодар: ПГУ им. С. Торайгырова, 2004. – С. 301-306.
- 40 Киргизы Уральской степи //Сибирская жизнь. – Омск. – 1899. – № 38. – С. 1-2.
- 41 Шелегина О. Адаптация русского населения в условиях освоения Сибири (Историко-этнографические аспекты. XVII – начало XX вв.). Вып. 1. – М.: Логос, 2001. – 184 с.
- 42 Дело о движении скота и живых продуктов в Акмолинской области в 1894 г. //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10348.
- 43 Русско-казахские отношения в XVIII-XIX вв. Сборник документов и материалов. – А-А.: Наука, 1964. – 576 с.
- 44 Отчет о покупке хлеба для населения Кокчетавского и Атбасарского уездов в 1891-1893 гг. //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 6573.
- 45 О закупке лошадей в киргизских степях //Киргизская степная газета. 1901. – № 14. – С. 4.
- 46 Дело о награждении Адамбая Чолакова //ЦГА РК. Ф. И-64. Оп. 1. Д. 931.
- 47 Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г. Вып. V. - Семипалатинск. 1901. – 210 с.
- 48 Дело о развитии отрасли рыболовства 1884-1885 гг. //ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 7267.
- 49 Вяткин Д.М. О рыбо-звероловстве по оз. Балхаш и об условиях сбыта продуктов в Каркаралинск. – Омск, 1885. – С. 5-6.
- 50 Обзор Семипалатинской области за 1888 год. – Семипалатинск, 1889.– 46 с.
- 51 Обзор Семипалатинской области за 1892 год. – Семипалатинск, 1893 – 44 с.
- 52 Обзор Семипалатинской области за 1895 год. – Семипалатинск, 1897.– 42 с.
- 53 Статистические сведения по Семипалатинской области за 1898 г. //ЦГА РК. Ф. И-460. Оп. 1. Д. 31.
- 54 Статистические сведения по волостям Каркаралинского уезда. 1909-1910 //ЦГА РК. Ф. И-460. Оп. 1. Д. 16.
- 55 Дело об обеспечении продовольствием кочевого населения //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 7644.
- 56 Об отдаче в аренду оз. Барсакульского инородцу Айтбакиеву //ГАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 12250.
- 57 Здравомыслов Н. Природные условия Атбасарского уезда и виды на колонизацию южной его части //Вопросы колонизации. – 1910. – № 7. – С. 223 – 235.

- 58 Артыкбаев Ж.О. Казахское общество в XIX веке: традиции и инновации. – Караганда: Полиграфия, 1993. – 253 с.
- 59 Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 3. Сибирско-киргизская степь. – М.: Изд-во общества распространения полезных книг, 1867. – 145 с.
- 60 Дело о скотопробных трактах и дорогах в Акмолинской области 1896-1905 гг. //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10398.
- 61 Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 год. – Семипалатинск, 1900. – 223 с.
- 62 Обзор Семипалатинской области за 1901 год. – Семипалатинск, 1902.– 82 с.
- 63 Обзор Семипалатинской области за 1902 г. – Семипалатинск, 1903. – 95 с.
- 64 Обзор Семипалатинской области за 1904 г. – Семипалатинск, 1905. – 110 с.
- 65 Обзор Семипалатинской области за 1911 год. – Семипалатинск, 1913. – 110 с.
- 66 Красовский М. Область сибирских киргиз. Ч. 1-3. – СПб, 1868.
- 67 Отчет о покупке хлеба для населения Кокчетавского и Атбасарского уездов в 1891-1893 гг. //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 6573.
- 68 Сведения, представляемые учреждениями степных областей о подрядах по договорам, заключенных отдельными лицами и товариществами //ЦГА РК. Ф. И-342. Оп. 1. Д. 559.
- 69 Материалы Каркаралинской низшей сельскохозяйственной школы //ЦГА РК. Ф. И-64. Оп. 1. Д. 6089.
- 70 Сведения об учебных заведениях Акмолинской и Семипалатинской областей //ЦГА РК. Ф. И-64. Оп. 1. Д. 6118.
- 71 Об участии Семипалатинской области во Всероссийской выставке в Москве в 1881 г. 1880-1885 гг. //ЦГА РК. Ф. И-460. Оп. 1. Д. 26.
- 72 Абжанов Х.М. Формирование и судьбы казахской интеллигенции //Назарбаева Г., Әбжанов Х. Қазақстан: тарих пен тағдыр. Мақалар. – Алматы: Кітап баспасы, 2003. – С. 187-197.

Заключение

Административно-земельные реформы Российского государства, носившие ярко выраженный колониальный, имперский характер, вводили принципы государственной собственности на землю в казахской степи, единого налогообложения, поощряли перераспределение земель применительно к интересам переселенческого и казахьего населения. В свою очередь, процесс изъятия земель в крае породил у казахского населения желание закрепить за ними земельные участки, находящиеся в их владении. Изменение экономической ситуации, ориентир кочевое хозяйство на рынок, потери большей части скота, обусловленные суровыми зимами и болезнями, вынуждали казахов изыскивать иные пути для поддержания своего благосостояния, заставляя их адаптироваться к новым законам и внешним административно-правовым факторам. В этой связи казахское население выработало такие порядки в вопросе землепользования, что они стали мало отличаться от понятия собственности. В обход существующего законодательства обрабатываемая земля сдавалась в аренду, либо под видом долгосрочной аренды продавалась другим лицам, либо отдавалась в залог. Таким образом, административно-земельные реформы второй половины XIX – начала XX веков, изначально являясь внешним, имперским фактором, изменили традиционную жизнь казахского общества, вынудили его адаптироваться к меняющимся административным и социально-экономическим условиям.

Хозяйственно-экономическое воздействие колонизации, к которому можно отнести развитие внутренней торговли на территории Казахстана, строительство железных дорог, возникновение промышленных центров, переселенческое движение, рост городов и оседлого населения, официальная политика распространения хлебного питания, имеет тесную связь с административными изменениями в Степи и внутренними потребностями казахского общества. Однако, если административно-земельные реформы как внешний имперский фактор, насильственно воздействовали на традиционную экономику казахского общества, то перечисленные факторы стали частью внутренних региональных особенностей, повлиявших на дальнейшую эволюцию казахского общества и хозяйства.

Во второй половине XIX – начале XX веков в Центральном Казахстане основной формой жизнедеятельности казахского общества является кочевое скотоводческое хозяйство, которое было наиболее адаптировано к местным региональным природно-климатическим условиям. В результате земельной и переселенческой политики Российского государства в казахской степи, повлекшей за собой изъятия огромных земельных пространств из скотоводческого хозяйственного оборота, распространения оседлой земледельческой культуры, в условиях рынка кочевое хозяйство стало приспособливаться к изменившимся социально-экономическим обстоятельствам. Это нашло свое проявление в изменении структуры традиционного стада, распространении интенсивных форм ведения хозяйства

и новых методов развития скотоводства. Высокий потенциал скотоводства казахов центральной степной части Казахстана и востребованность его на внутреннем и внешнем рынках позволил региону превратиться в один из значительных и богатых животноводческих районов, стать важной хозяйственно-сырьевой базой для развивающейся капиталистической промышленности Евразийского региона, для обширного континентального рынка.

В развитии скотоводческого хозяйства Центрального Казахстана в конце XIX – начале XX веков можно выделить региональные особенности, которые объяснялись, с одной стороны, природно-климатическими, ландшафтными факторами, а с другой - степенью проникновения рыночных отношений и распространения переселенческой культуры, близостью к крупным торговым путям и промышленным центрам. Хозяйство южных волостей Атбасарского уезда даже в начале XX века, сохранив в своей основе традиционные черты классического кочевого хозяйства, сумело приспособиться к потребностям рынка и занять важное место в экономике Степного края и Евразийского региона, как центр крупного скотоводческого хозяйства. Казахское же общество южных волостей Акмолинского и Каркаралинского уездов, адаптируясь к меняющимся экономическим условиям, постепенно изменяет традиционным привычкам ведения хозяйства. Здесь наибольшее развитие получили смешанные хозяйства, в которых наряду со скотоводством, развивалось земледелие и сенокошение. В целом, региональные особенности и анализ динамики скотоводческого хозяйства в экономике казахского социума (на основе количественных и качественных данных) свидетельствуют об определенных возможностях развития товарного скотоводства в исследуемый период.

В экономике традиционного казахского общества во второй половине XIX – начале XX веков под влиянием внешних факторов и внутренних предпосылок получают развитие новые тенденции – распространение земледелия, промышленное освоение региона, предпринимательство, развитие торговли и товарно-денежных, рыночных отношений. В этих процессах традиционное казахское общество изучаемого региона принимало активное участие, а хозяйство казахского социума показало свои определенные адаптивные возможности.

Несмотря на то, что природно-климатические условия Центрального Казахстана, более предназначенные для развития скотоводческого хозяйства, не позволили земледелию и хлебопашеству пустить прочные корни в данном регионе, хозяйственные нововведения способствовали адаптации казахского общества к новым условиям. Однако, переселенческая и земельная политика российской колониальной администрации в Казахстане, основанная на изъятии пастбищ и нерациональном использовании почвенных ресурсов, не только изменила ход развития скотоводческого хозяйства кочевников, но и пагубно отразилась на развитии традиционного земледелия в казахской степи. Поэтому земледельческая культура в Центральном Казахстане в силу сложных природно-климатических условий и сложившихся

производственных традиций, не имела самостоятельного значения и не могла стать надежным материальным фундаментом для экономики казахского общества.

История промышленного освоения Центрально-Казахстанского региона связана с судьбой казахского общества, которое не оставалось в стороне от этого процесса. Кроме того, работа на рудниках и фабриках позволила казахам не просто выжить в колониальных условиях, но и стать активным участником в создании материальных богатств Казахстана. Зажиточная часть казахского общества стремилась пополнить ряды национальных горнопромышленников. Однако колониальная политика России предопределила сырьевую направленность экономики Степного края, сдерживала процесс формирования национального слоя предпринимателей.

Казахскому обществу были свойственны предпринимательские качества, получившие свое развитие в рыночных условиях. Предпринимателями являлись скупщики скотоводческой продукции - саудагеры и алыпсары, крупные баи-скотовладельцы, развивавшие товарное скотоводство и товарное земледелие, простые казахи. При всей ограниченности возможностей заниматься промышленным и торговым предпринимательством, казахам оказались не чужды понятия собственности, инициативности в деле рационального ведения собственного хозяйства. В новых социально-экономических условиях казахское общество изыскивало различные способы предпринимательства, реагируя на рыночный спрос, корректируя традиционный образ жизни, что в результате способствовало появлению типа предприимчивого человека.

Важную роль в процессах адаптации казахов к рынку сыграла торговля, которая формировала первоначальный капитал и связывала социум со различными сферами общественной жизни, обеспечивала реализацию хозяйственных возможностей кочевого общества. В результате участия в ярмарочной торговле края менялась психология казахов как участников и потребителей рынка.

В результате (если суммировать хозяйственные процессы второй половины XIX – начала XX веков), развитие скотоводческого хозяйства, его интенсификация, распространение земледелия, сенокосения, промышленности, различных видов предпринимательства и торговли свидетельствует о том, что, несмотря на особенности колониального положения, в Казахстане происходила постепенная адаптация казахского общества к рыночным отношениям.

Таким образом, кризис казахского социума и хозяйства, имевший место во второй половине XIX – начале XX веков под воздействием преимущественно внешних факторов, в реальности проявлялся как сложный, противоречивый процесс адаптации, являясь, по существу, исторически обусловленным, продолжительным, переходным периодом от традиционной социально-экономической системы к рыночному, предпринимательскому хозяйству.

Приложение А

Список казахов Акмолинского и Атбасарского уездов, имеющих крупные табуны лошадей

Акмолинский уезд		
Кызыл–Топракская волость		
1	Копен Кудасов	1500
2	Нурмухамит Сагынаев	2000
3	Мусабек Матин	1000
4	Шарип Мусабеков	700
Кожункульская волость		
5	Мыкан Кенесов	1000
6	Кульнияз Джанчуваков	1000
7	Иман Карабаев	1000
8	Туман Татыбаев	1000
9	Бердибек Джандаров	700
Еременская волость		
10	Карибай Джаманов	550
11	Макан Усамбаев	550
12	Булан Саданов	500
13	Азнабек Кожабергенов	500
Спасская волость		
14	Азна Татиев	1200
15	Омар Азнин	700
Чурубай – Нуринская волость		
16	Джангир Бегалин	2500
17	Кияш Сапрыков	1500
18	Ахмет Ибраев	500
Нельдинская волость		
19	Джамантык Байбеков	500
Атасуйская волость		
20	Джаней Кунаков	600
21	Джайма Акпан	540
Актавская волость		
22	Акбар Кантарбаев	450
Караагачская волость		
23	Баймакан Садыбеков	450
Джиландинская волость		
24	Балмухамет Кошмухаметов	750
Нуринская волость		
25	Балабек Джантаев	500
26	Джаналы Калмаков	500
27	Чулембай Калмаков	450

Конь-Кургальджинская волость		
28	Али Кульгумбаев	700
Кургальджинская волость		
29	Берджугур Тленов	900
Сары-Узеньская волость		
30	Бещан Елеов	700
Ишимская волость		
31	Канафия Омаров	1000
32	Амет Карабаев	800
Акмолинская волость		
33	Рахимджан Джанакпаев	500
Мунчактинская волость		
34	Кундак Кадыров	800
35	Ибрай Бабасов	500
Атбасарский уезд		
Атбасарская волость		
36	Братья Саркины	1500
37	Капабай Чалабай	1500
Денгизская волость		
38	Братья Сейдалины	1500
Кан-Канурская волость		
39	Быгава Толеубаев	800
Терсаканская волость		
40	Мейрам Джанайдаров	1500
Сары-Суйская волость		
41	Джандавлет Кулубеков	1000
42	Братья Кульпины (Кульнины)	1500
Айнакульская волость		
43	Тускурда Кышыбаев	500
Кенгирская волость		
44	Бискенде Ерденов	1000
45	Каскабай Баголин	500
46	Тенбай Кыдыраскин	800
Джездинская волость		
47	Братья Бектургенев	2000
48	Толгубаев	1000
49	Карсакбаев	1000
Примечание – Таблица составлена на основе материалов Дела об улучшении скотоводства в Киргизской степи //ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10335. - Л. 30, 30(об), 35, 35(об).		

Приложение Б

Характеристика казахских хозяйств центральной части Казахстана в 1897-1901 гг.

Уезды	Число хозяйств	Душ обоего пола на хозяйство	Лошадей	Рогатый скот	Верблюды	Овец и коз	Единиц скота		с % хозяйств с промыслами	с Хозяйств посевом	Десятин посева	с Хозяйств покосом	Копен сена
							на хозяйство	на душу обоего пола					
Южные волости Атбасарского уезда	2749	5,5	27.226	3.924	19.753	164.776	24,4	4,42	14,7	10	15	300	9.416
Акмолинский	19011	5,5	285.954	208.606	19.880	511.327	24	4,16	26,5	11.462	26.544	17.606	2.545.482
Каркаралинский	18392	5,87	181.419	94.980	18.654	641.175	24,5	4,2	19,6	3.265	1.007	13.998	454.737
<p>Примечание – Таблица составлена на основе Район железной дороги Петропавловск – Спасский завод в экономическом отношении. СПб, 1912. С.219, 221; Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Семипалатинская область. Каркаралинский уезд. Т. VI. СПб, 1905. С. 35</p>													

Приложение В

Распределение типов хозяйств и их численность в Акмолинском и Каркаралинском уездах

Типы хозяйств	Число хозяйств			
	Кочевые	Полукочевые	Некочующие	Всего
Акмолинский уезд				
Чисто скотоводческие хозяйства (без посевов и промыслов)	4.411 (93,4%)	239 (5%)	75 (1,6%)	4.725
Скотоводческие хозяйства, сеющие	7.684 (78,8%)	1.930 (19,7%)	147 (1,5%)	9.761
Скотоводческие хозяйства без посевов, но с промыслами	1.703 (91%)	136 (7,3%)	32 (1,7%)	1.871
Всего	13.798 (84,4%)	2.305 (14%)	254 (1,6%)	16.357
Каркаралинский уезд (в%)				
	95,6%	-	4,4%	100%
<p>Примечания</p> <p>1 Таблица составлена на основе Район железной дороги Спасский завод – Пишпек в экономическом отношении. СПб, 1914. С. 125-126;</p> <p>2 Сведения по Каркаралинскому уезду в источнике даются в целом.</p>				

Приложение Г

**Скотоводство казахского общества в южных волостях (4 волости)
Атбасарского уезда**

Лошади	Рогатый скот	Овцы	Козы	Верблюды	Всего
1896					
20.751	2.829	129.930		17.457	170.967
1897-1901					
27.226	3.924	164.776		19.753	215.679
<p>Примечание – Таблица составлена на основе Ведомостей о количестве скота в казахских волостях Акмолинской области. 1896-1903 // ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10385. - Л. 2, 3, 3об, 4, 4об, 5; Район железной дороги Петропавловск – Спасский завод в экономическом отношении. СПб, 1912. С. 219, 221</p>					

Приложение Д

Скотоводство казахского общества в Акмолинском уезде

Лошади	Рогатый скот	Овцы	Козы	Верблюды	Всего
1889					
170.856	79.857	563.748		45.474	859.935
1890					
146.574	76.414	388.856		28.826	640.670
1891					
137.971	74.966	358.031		26.299	597.267
1892					
140.589	71.840	311.912		24.151	548.492
1894					
145.784	79.617	334.434		26.932	586.767
1895					
179.197	96.975	468.763		40.878	785.813
1896					
192.237	108.976	536.285		41.425	878.923
1897					
285.180	143.255	687.853		56.348	1.172.636
1898					
179.732	103.848	403.945		40.850	728.375
1902					
247.001	168.191	411.323	47.726	21.809	896.050
1905					
335.867	106.592	289.459	57.406	61.360	697.684
1909					
303.347	170.556	470.542	70.988	50.425	1.065.858
1915					
333.878	298.608	331.384	112.830	60.876	1.137.576

Примечания

1 Таблица составлена на основе Ведомостей о количестве скота в казахских волостях Акмолинской области. 1896-1903 // ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10385. - Л. 716; Памятная книжка Акмолинской области за 1902 г. - Омск. 1904. - С. 8; Обзор Акмолинской области за 1905 г. - Омск. 1906. С. 10; Памятная книжка Акмолинской области за 1909 г. - Омск. 1910. - С. 36; Обзор Акмолинской области за 1915 г. // ЦГА РК. Ф. И-393. Оп. 1. Д. 129. - Л. 80

2 Сведения о козах в 1892-1898 годах не приводятся.

Приложение Е

Скотоводство казахского общества в Каркаралинском уезде

Лошади	Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот	Верблюды	Всего
1863 год				
217.651	75.912	1.163.633	32.627	1.489.823
1888 год				
67.318	26.987	416.008	21.985	532.228
1890				
76.574	28.934	492.597	24.567	622.672
1901				
149.803	51.948	584.990	35.371	822.112
1902				
142.310	51.704	671.889	28.801	894.704
1904				
130.141	45.941	467.044	25.656	668.782
1917				
184.034	103.420	1.024.551	30.988	1.343.025
<p>Примечание – Таблица составлена на основе Красовский М. Область сибирских киргиз. Ч. 1. - СПб, 1868. - С. 377; Обзор Семипалатинской области за 1888 г. – Семипалатинск, 1889. – С. 17; Статистика Российской империи. Т. 27. Вып. 5. Семипалатинская область. //ЦГА РК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 53. – Л. 14об; Обзор Семипалатинской области за 1901 г. – Семипалатинск, 1902. – С. 82; Обзор Семипалатинской области за 1902 г. - Семипалатинск, 1903. – С. 95; Обзор Семипалатинской области за 1904 г. – Семипалатинск, 1905. – С. 110; Элементы хозяйства Семипалатинской области в 1917 г. Поселенные и поволостные статистические данные по кочевому хозяйству Каркаралинского уезда //ЦГА РК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 80. - Л. 30</p>				

Приложение Ж

Развитие скотоводства в волостях Каркаралинского уезда

Волости	1890	1898	1909	1917
Абралинская	29565	57002	59026	102578
Аксаринская	18340	74282	83668	73672
Акботинская	41680	94272	39184	30704
Акчатавская	12074	86172	75122	63211
Балхашская	66862	60021	25225	44223
Беркаринская	51918	54907	25713	114227
Бюрлинская	34896	38530	20493	21096
Дагандельская	84643	96050	60000	152804
Дегеленская	16032	22962	18800	19056
Котань-Булакская	13757	22964	18800	89145
Кентская	23888	40812	31547	55750
Кувская	24783	76565	19108	41960
Кызылтавская	12239	26922	32800	31064
Моинтинская	57706	79810	113100	49315
Нуринская	24766	38678	15629	58405
Сартавская	13251	44576	13639	23486
Токраунская	20228	53352	43344	44184
Темирчинская	61692	29426	33453	99010
Чубартавская	29946	81841	33453	90881
Эдрейская	19512	105415	32205	59499
<p>Примечание – Таблица составлена на основе материалов Статистические сведения по волостям Каркаралинского уезда // ЦГА РК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 16. - Л. 9об, 14, 19, 24, 29, 34, 39, 44, 49, 54, 59, 64, 69, 74, 79, 84, 90, 95, 100, 05, 110; Элементы хозяйства Семипалатинской области в 1917 г. Поселенные и поволостные статистические данные по кочевому хозяйству Каркаралинского уезда // ЦГА РК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 80. - Л. 18-30</p>				

Приложение И

Элементы хозяйства казахского общества Каркаралинского уезда к 1917 году

Уезды	Общее число хозяйств	Число хозяйств с промыслами	Число хозяйств с наемным трудом	Число хозяйств, убирающих сено	Число хозяйств с надельной землей	Число хозяйств не имеющих инвентаря	Число хозяйств, имеющих скот	Число хозяйств, не имеющих скот	Только лошадь	Только корову
Абралинская	1953	398	-	0913	2019	627	1823	130	60	119
Аксаринская	1683	33	90	1002	1648	747	1661	22	116	360
Акботинская	1189	611	1		-	1189	1189	-	98	403
Акчатавская	1373	231	81	246	1331	1202	1352	21	163	554
Балхашская	1278	100	81		1522	924	1228	50	116	528
Беркаринская	1496	6	-	1095	1496	1219	1461	35	43	86
Бюрлинская	759	243	15	702	762	131	738	21	92	114
Дагандельская	2499	236	185	492	2343	2411	2452	47	153	1778
Дегеленская	1478	-	-	201	1490	753	1422	56	259	568
Котань-Булакская	1313	26	119	455	1364	854	1285	28	138	477
Кентская	1307	504	3	334	1288	1277	1282	22	75	107
Кувская	778	128	37	419	785	57	770	8	16	18
Кызылтавская	838	64	22	499	891	914	825	13	78	119
Моинтинская	1871	1078	57	276	1872	1720	1768	163	191	929
Нуринская	1195	30	30	841	1377	1100	1168	27	90	76
Сартавская	820	18	-	102	456	615	809	11	85	92
Токраунская	1316	29	50	700	1368	934	1279	37	118	347

Темирчинская	2034	164	148	1268	2033	1758	2003	31	116	277
Чубартавская	2161	364	94	869	2160	2159	2154	7	251	1438
Достарская	1008	42	1	556	1027	122	975	33	53	62
Сарыбулакская	616	73	1		612	616	613	3	75	514
Эдрейская	1582	365	-	456	1600	1143	1559	23	347	75
По уезду										

Примечание – Таблица составлена на основе материалов Элементы хозяйства Семипалатинской области в 1917 г. Поселенные и поволостные статистические данные по кочевому хозяйству Каркаралинского уезда // ЦГА РК. Ф. 460. Оп.1. Д. 80. - Л. 1-14

Приложение К

Соотношение доходов от скотоводства и земледелия в казахских хозяйствах

Уезды	Доходы на человека в год (в рублях)			На 100 руб. дохода от скотоводства – доход от земледелия
	От скотоводства	От земледелия	Всего	
Актюбинский	43,78	24,35	68,13	55,6
Кустанайский	57,15	10,44	67,59	18,9
Усть-Каменог.	35,16	5,17	40,33	14,4
Зайсанский	25,16	3,36	28,51	9,4
Семипалатинский	26	1,99	27,99	7,7
Акмолинский	64,12	3,18	67,30	5
Каркаралинский	43,61	1,88	45,49	4,3
Павлодарский	53,4	1,39	54,79	2,6
Атбасарский	81,85	1,68	83,53	2,1
Кокчетавский	49,82	0,92	50,74	1,8
Петропавловский	47,99	0,92	50,74	1,8
Примечание – Таблица составлена на основе Чермак Л. Формы киргизского землепользования // Сибирские вопросы. – 1908. - № 41-42. – С. 7				

Приложение Л

Земледелие в хозяйствах различных категорий Каркаралинского уезда

Группы хозяйств	Категории хозяйств											
	Без отпуска найма батраков			Нанимающие батраков			Отпускающие батраков			Джатаки		
	% сеющих хозяйств к общему числу по группам	Посев в пудах пшеницы		% сеющих хозяйств к общему числу по группам	Посев в пудах пшеницы		% сеющих хозяйств к общему числу по группам	Посев в пудах пшеницы		% сеющих хозяйств к общему числу по группам	Посев в пудах пшеницы	
		На хозяйство	На душу обоого пола		На хозяйство	На душу обоого пола		На хозяйство	На душу обоого пола		На хозяйство	На душу обоого пола
Безлошадные	18,1	1,45	0,36	13,6	2,34	0,78	6,5	1,45	0,28	49,2	1,85	0,41
С 1 лошадыю	20,2	1,56	0,36	20,4	2,61	0,54	8,8	1,57	0,27	32	2,25	0,43
С 2-3 лошадыми	15,5	1,76	0,36	10,5	3,45	0,73	9,8	1,77	0,26	42	2,74	0,46
С 4-5 лошадыми	15,7	1,99	0,36	15,3	2,72	0,45	10,4	1,79	0,26	33	2,68	0,43
С 6-7 лошадыми	12,7	2,1	0,37	14,9	1,88	0,33	12	1,93	0,26	42	2,76	0,47
С 8-10 лошадыми	13,3	2,23	0,35	15,5	3,13	0,46	11,8	2,12	0,25	6,7	5	1,67
С 11-15 лошадыми	14,2	2,5	0,39	16,7	3,67	0,58	9,5	5,75	0,64	89	2,38	0,38
С 16-25 лошадыми	11,9	2,17	0,3	15,7	3,6	0,59	15,8	2	0,4	50	8	0,86
С 26-35 лошадыми	16	2,3	0,33	12	4,75	0,69	-	-	-	50	20	2,5
С 36-50 лошадыми	6,2	2	0,2	17,5	6,24	0,85	-	-	-	-	-	-
С 51-100 лошадыми	17,4	2,1	0,2	10	4,7	0,55	-	-	-	-	-	-
Свыше 100 лошадей	50	1	0,2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
По уезду	15	1,96	0,35	14,5	3,7	0,59	9,1	1,73	0,27	39	2,42	0,45

Примечание – Таблица составлена на основе Материалов по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Семипалатинская область. Каркаралинский уезд. Т. VI. - СПб, 1905. - С. 71

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
Глава 1. Влияние внешних факторов на развитие традиционного казахского хозяйства	
1.1 Административно-земельные реформы второй половины XIX - начала XX веков и казахское общество	39
1.2 Хозяйственно-экономические факторы адаптации традиционного казахского общества к рыночным условиям	51
Глава 2. Адаптация и развитие скотоводческого хозяйства Центрального Казахстана в рыночных условиях во второй половине XIX – начале XX веков	
2.1 Факторы адаптации и развития скотоводческого хозяйства Центрального Казахстана	68
2.2 Скотоводческое хозяйство казахского общества Центрального Казахстана: региональный и хронологический аспекты	87
Глава 3. Новые тенденции в экономике казахского общества в рыночных условиях (вторая половина XIX – начало XX веков)	
3.1 Особенности развития земледелия в Центральном Казахстане, его место в структуре казахского хозяйства	106
3.2 Участие казахов в промышленном освоении региона	124
3.3 Развитие торговли в Центральном Казахстане и ее роль в адаптации казахского общества к рыночным условиям	134
Глава 4. Распространение инициативы и предпринимательства среди казахского общества во второй половине XIX – начале XX веков	
4.1 Распространение интенсивных методов ведения скотоводческого хозяйства	152
4.2 Казахское общество и предпринимательство в Центральном Казахстане	163
Заключение	183
Приложения	
Приложение А - Список казахов Акмолинского и Атбасарского уездов, имеющих крупные табуны лошадей	186
Приложение Б - Характеристика казахских хозяйств центральной части Казахстана в 1897-1901 гг.	188
Приложение В - Распределение типов хозяйств и их численность в Акмолинском и Каркаралинском уездах	189

Приложение Г - Скотоводство казахского хозяйства в южных волостях (4 волости) Атбасарского уезда	190
Приложение Д - Скотоводство казахского общества в Акмолинском уезде	191
Приложение Е - Скотоводство казахского общества в Каркаралинском уезде	192
Приложение Ж - Развитие скотоводства в волостях Каркаралинского уезда	193
Приложение И - Элементы хозяйства казахского общества Каркаралинского уезда в 1917 году	194
Приложение К - Соотношение доходов от скотоводства и земледелия	196
Приложение Л - Земледелие в хозяйствах Каркаралинского уезда	197